

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 3 (52) — 2009

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»
Общероссийское общественное движение женщин России

---

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

Включен в список ВАК

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (Ивановский государственный университет; *сопредседатель редакционной коллегии, главный редактор; доктор исторических наук, профессор*),
- Е. Ф. Лахова** (Общероссийское общественное движение женщин России; *сопредседатель редакционной коллегии; кандидат политических наук*),
- С. Г. Айвазова** (Институт сравнительной политологии РАН, г. Москва; *доктор политических наук, профессор*),
- В. Н. Егоров** (Ивановский государственный университет; *доктор экономических наук, профессор*),
- А. И. Евстратова** (Костромской государственный технологический университет; *доктор исторических наук, профессор*),
- Т. Б. Рябова** (Ивановский государственный университет; *кандидат исторических наук, доцент*),
- З. Х. Саралиева** (Нижегородский государственный университет; *доктор исторических наук, профессор*),
- Н. Б. Гафизова** (Ивановский государственный университет; *кандидат исторических наук, доцент*),
- Н. А. Шведова** (Институт США и Канады РАН; *доктор политических наук, профессор*),
- И. Н. Кодина** (Ивановский государственный университет; *технический секретарь*)

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»

Тел./факс в Иваново: (4932) 41 75 79
E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
Наш адрес в Internet: www.gender.ivanovo.ru, www.elibrary.ru и www.ivanovo.ac.ru

Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в каталоге российской прессы «Почта России» 78462

WOMEN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 3 (52) — 2009

Russian Ministry of Education and Sciences
Ivanovo State University
Women's Movement of Russia

The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws on
Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77-16955 on January 9, 2004

Editorial Board:

Prof. O. A. Khazbulatova, Dr.Sc. history (Editor-in-chief, co-chair of editorial board, Ivanovo State University),
E. F. Lakhova, Cand.Sc. politics (Women's Movement of Russia, co-chair of editorial board, Moscow),
S. G. Aivazova Dr.Sc. politics (Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. V. N. Egorov, Dr.Sc. economics (Ivanovo State University),
A. I. Evstratova (Kostroma State University of Technologies),
Assoc. Prof. T. B. Ryabova, Cand.Sc. history (Ivanovo State University),
Prof. Z. H. Saralieva, Dr.Sc. history (Nizhniy Novgorod State University),
Assoc. Prof. N. B. Gafizova, Assoc. Prof. history (Ivanovo State University),
Prof. N. A. Shvedova, Dr.Sc. politics (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences), ***J. N. Kodina*** (Ivanovo State University, technical secretary)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, ul. Ermaka, 39
Publishing House «Ivanovo State University»

Tel./Fax: (4932) 41 75 79

E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
Internet page: www.gender.ivanovo.ru, www.elibrary.ru и www.ivanovo.ac.ru

The issues may be sent by the preliminary request

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 3 (52) — 2009

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Батова, О. В. Боронина, О. Я. Литвак*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Подписано в печать 29.05.2009 г. Формат 70x108^{1/16}.
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 6,1. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41.

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ООО «Центр социальной поддержки женщин и семьи»
(Издательский центр «Юнона») 153002 Иваново, пр. Ленина, 47

ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ И УПРАВЛЕНИИ

ББК 60.542.21:60.561.3

С. Г. Айвазова

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН: НЕМНОГО ИСТОРИИ И ТЕОРИИ¹

19 марта 1917 года знаменитая Зинаида Гиппиус записала в своем дневнике: «Весенний день, не оттепель — а дружное таяние снегов. Часа два сидели на открытом окне и смотрели на тысячные процессии. Сначала шли “женщины”. Несметное количество; шествие невиданное (никогда в истории, думаю). Три, очень красиво, ехали на конях. Вера Фигнер — в открытом автомобиле. Женская и цепь вокруг. На углу образовался затор, ибо шли по Потемкинской войска. Женщины кричали войскам — “ура”... Мы с Дмитрием уехали в Союз писателей, вернулись — они все идут».

Это — свидетельство очевидца о 40-тысячной манифестации женщин, требовавших не только «хлеба» и «возвращения мужей» с войны, но и предоставления им «права голоса» — права избирать и быть избранными в органы власти своей обновлявшейся страны. Исторические источники свидетельствуют о том, что в отличие от многих других событий тех дней женская манифестация 19 марта была тщательно подготовленной и хорошо организованной. Ее поддерживало общество, которое к тому времени уже признало лозунги равноправия — признало благодаря настойчивой и кропотливой работе женских организаций, более 10 лет добивавшихся их реализации.

Начало этой истории восходит к другим революционным дням — к октябрю 1905 года, когда под нажимом общества на свет появился Высочайший манифест Николая II, провозгласивший, что в стране вводится новый конституционный строй и как орган народного представительства созывается Государственная дума. Опубликованный 11 декабря 1905 года закон о порядке выборов в Думу предоставил избирательные права только мужчинам. Женщины оказались исключенными из категории граждан, обладающих политическими полномочиями. С этого момента в России и возникает вопрос о гражданском равноправии женщин, о предоставлении им права избирать и быть избранными в органы власти, а вместе с этим — вопрос о гендерном измерении института выборов. Его разрешением занимались в первую очередь женские организации,

---

© Айвазова С. Г., 2009

¹ Раздел из недавно опубликованной книги С. Г. Айвазовой «Российские выборы: гендерное прочтение» (М. : Моск. учебники и картолитография, 2008).

активно отстаивавшие в начале XX века идеи равноправия. Они использовали для этого разнообразные формы коллективного действия — собрания, митинги, демонстрации, петиции в органы государственной власти.

В их числе было и «Обращение» старейшего Русского женского взаимно-благотворительного общества в Государственную думу от 3 мая 1906 года, под которым подписались более 5 000 женщин. Председательница этого общества А. Н. Шабанова вручила «Обращение» депутату Думы Л. И. Петражицкому, который имел репутацию не только блестящего юриста, но и сторонника женского равноправия. Обсуждение «Обращения» в Думе привело к образованию специальной депутатской Комиссии, которая должна была разработать законопроект о предоставлении женщинам избирательных прав. Но первая Государственная дума не успела рассмотреть «женский» вопрос. Она была распущена сразу же после возникновения данной Комиссии. Равноправки (так звали в начале века поборники женского равноправия в России) обратились и во вторую Государственную думу. Однако и вторая Дума тоже была распущена, так и не приступив к законотворческой деятельности. Вскоре разразилась Первая мировая война, которая во многом стала катализатором Февральской революции.

Женские организации очень активно участвовали в ее развитии. Самыми известными из них были тогда Русское женское взаимоблаготворительное общество, Союз равноправности женщин, Женская прогрессивная партия, Российская лига равноправия женщин и др. И в предреволюционный период, и в дни Февральской революции их активистки вели широкую пропагандистскую деятельность практически во всех слоях российского общества — они работали на фабриках и заводах, в политических партиях и профсоюзах, с различными фракциями Государственной думы и земской общественностью. Именно эта упорная многолетняя деятельность позволила равноправкам потрясти революционный Петроград грандиозной манифестацией 19 марта.

Непосредственным поводом для ее проведения стало обнародование Декларации Временного правительства от 3 марта 1917 года о начале подготовки к созыву Учредительного собрания на основе «всеобщего, прямого, равного, тайного голосования». В Декларации не было сказано ни слова об отмене ограничений на право голоса для женщин. На следующий же день, 4 марта, лидеры крупнейших женских организаций обратились с письмом к Временному правительству, настаивая на внесении в документ уточняющей поправки, которая следующим образом скорректировала бы данную норму: «всеобщее, прямое, равное, тайное голосование без различия пола, вероисповедания и национальности». Письмо было вручено министру-председателю Временного правительства князю Г. Е. Львову, председателю Государственной думы М. В. Родзянко, отправлено в Исполком Совета рабочих и солдатских депутатов. Одновременно началась подготовка специальной акции, призванной оказать давление на власти. С этой целью широко распространялись обращения в поддержку идей женского равноправия, проводились митинги, собрания. В процесс было вовлечено около 90 женских организаций. Их возглавляла Лига равноправия женщин, во главе которой стояла очень известная в ту пору деятельница, врач по профессии, П. Н. Шишкина-Явейн.

Через две недели, 19 марта, акция состоялась. Поначалу возле здания городской думы был собран многотысячный митинг. Выступая на нем, П. Н. Шишкина-

Явейн заявила: «Мы пришли сказать, что Учредительное собрание, на котором будет представлена только одна половина населения, никоим образом не может считаться выразителем воли всего народа, а только половины его». После митинга участницы акции, организовавшись в гигантскую колонну, двинулись в сторону Государственной думы, чтобы потребовать официального ответа на обращение женских организаций. Марш проходил под лозунгами: «Место женщины в Учредительном собрании!», «Без участия женщин избирательное право — не всеобщее!», «Требуем голоса в Учредительном собрании!» и т. д. Среди манифестанток можно было встретить представительниц самых разных слоев общества — фабричных работниц и женщин-врачей, больничных сиделок и писательниц, горничных и курсисток, телеграфисток и сестер милосердия.

Подойдя к Государственной думе, манифестантки потребовали, чтобы к ним вышел сам Родзянко. Они заявили, что не покинут площадь, пока не получат положительного ответа на свои требования. Под их давлением сначала Родзянко, а затем и князь Львов сообщили о том, что власти признают законность требований манифестанток и готовы расширить норму «всеобщее избирательное право», включив в нее и право голоса для российских женщин. Это обещание было выполнено. В «Официальное положение о выборах в Учредительное собрание», утвержденное Временным правительством 20 июля и вступившее в силу 11 сентября 1917 года, вошла норма, устанавливавшая, что Учредительное собрание будет избрано на основе «всеобщего, без различия пола, и равного избирательного права». Так 90 лет тому назад Февральская революция официально признала равноправие женщин одним из важнейших принципов функционирования российской политики. Октябрьская революция подтвердила верность этому принципу.

Российский случай можно считать типичным для истории борьбы за женское равноправие. Начиная с эпохи великих буржуазных революций и вплоть до наших дней процесс слома традиционных гендерных логик соответствия, как правило, приходится на периоды подъемов социальных движений, массовых протестов или даже революционных потрясений. Алгоритм процесса примерно одинаков для разных стран и разных культур: на волне массовых выступлений при активном участии женщин последние заявляют о своих социальных интересах, о претензиях на роль субъекта политического действия. Реакция среды на эти заявления практически всегда отрицательная. Почему? Свой ответ на этот вопрос дал один из крупнейших мыслителей современности Р. Дарендорф: «Долгое время аристотелевское положение о том, что женщины “по природе”, может быть, и не люди второго сорта, но все же должны находиться у домашнего очага, а не на рыночной площади гражданской общественной жизни, господствовал в государственной философии. Движение суфражисток привязало требование гражданских прав к вопросу об избирательном праве и в конце концов, после Первой мировой войны, добилось успеха в большинстве развитых стран. Однако дискриминация, превращающая женщин в “граждан второго класса”, сохранилась и сохраняется до сих пор. Ее формы изощренны и малозаметны, но весьма заметно их действие. Так что и здесь требования позитивных сдвигов остаются частью современного движения за гражданские права»².

---

² Дарендорф Р. Современный социальный конфликт : очерк политической свободы. М. : РОССПЭН, 2002. С. 52.

Итак, источником возникновения движения за права женщин стало неравенство в обладании статусом гражданина, сложившееся в эпоху буржуазных революций. Эти революции проходили под лозунгом «Свобода, равенство, братство», который, по сути, являлся предельно лаконичным выражением требования «общественного договора», призванного уравнивать всех членов общества перед лицом закона. Но они отказали в равенстве людям неимущим, представителям не белой расы, женщинам. Зазор между теоретическими обоснованиями универсальной либеральной идеи «общественного договора», имплицитно предполагавшей наделение всех членов общества равным гражданским статусом, и ее практическим воплощением в правовую систему с целой серией исключений из универсальных правил и спровоцировал развитие массовых социальных движений — рабочего, национально-освободительного, женского. Каждое из них по-своему добивалось для своих участников всей полноты гражданских прав — или, по словам того же Р. Дарендорфа, «гарантированного гражданского статуса как высшего воплощения жизненных шансов», включающего не только равенство прав, но и равенство возможностей³.

Современная политика, как и политика раннего модерна, продолжает по большому счету функционировать по принципу исключения или дискриминации женщин, фактически превращая их в граждан второго сорта. В качестве доказательства приведем только одну цифру: средний показатель представленности женщин в парламентах различных стран мира составлял на конец апреля 2008 года около 18 % от общего числа их депутатов. Это значит, что и сегодня публичная политика во многом сохраняет свое «онтологическое» свойство — она является «естественной» средой обитания в основном для лиц мужского пола. Мужчины — «политические животные» по определению. Появление женщин в этом поле требует специального обоснования. Испокон веку место женщин «церковь — кухня — детская». Ну, может быть, еще фабрика или железная дорога, где они укладывают рельсы, чтобы помочь содержать семью. И все. Почему это так? По мнению некоторых исследователей, само поле политики очерчивается путем означивания женщин как некоего «чужого», или «другого», в его пространстве. В частности, авторитетная американская исследовательница Джудит Батлер полагает, что «сфера политики выстраивает себя через производство и натурализацию “до-” и “не-”политического... Это — производство конститутивного внешнего». Такие несущие конструкции либеральной политики, как универсальность, равенство, правовой субъект, «выстроены через акты немаркированных расовых и гендерных исключений и путем слияния политики с публичной жизнью, где приватное (репродукция, сфера “феминного”) рассматривается как до-политическое»⁴.

Ту же идею, но в иной форме, по-своему развивает политолог Кэрол Пейтмен, специально занимавшаяся изучением проблем либерального гражданства. Она доказывает, что в его условиях происходит «разделение приватного и публичного... отделение мира естественного субъекта, то есть женщин, от мира конвенциональных отношений, то есть мужчин. Феминный, приватный мир

---

³ Там же. С. 53

⁴ Батлер Дж. Случайно сложившиеся основания // Введение в гендерные исследования. Харьков ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. 2. С. 256.

природы, частностей, различий, неравенства, эмоций, любви и кровных связей изолирован от публичной, универсальной — и маскулинной! — реальности конвенций, гражданского равенства и свободы, разума, согласия и контракта»⁵.

Справедливость этого вывода подтверждают и свидетельства истории, и высказывания современных политиков. В частности, хроники Великой французской революции напоминают об ожесточенных спорах вокруг ее главного документа «Декларации прав человека и гражданина», где торжественно провозглашалось: «Все люди рождаются и остаются свободными и равными в правах...». Женщины, активные участницы основных революционных событий, были уверены в том, что отныне и они станут «свободными и равными в правах». Создатели же этого документа, напротив, были убеждены в том, что понятие «люди» («les hommes» — во французском одновременно «люди» и «мужчины») на женщин не распространяется. От лица участниц революции писательница Олимпия де Гуж решительно заявляла: «Если женщина имеет право взойти на эшафот, то она должна иметь право взойти и на трибуну»⁶. Делегат Национальной ассамблеи Амар столь же решительно возражал: «Политические права любого гражданина предполагают, что он может участвовать в принятии решений, затрагивающих государственные интересы... Имеют ли женщины моральные и физические силы, необходимые для того, чтобы пользоваться такими правами? Всеобщее мнение признает, что нет... Каждый пол призван заниматься тем, что назначено ему природой»⁷.

Американский историк Джоан Скотт, комментируя эти хроники, обращала особое внимание на то, что гражданские требования французов оставили такой неизгладимый след в сознании как современников, так и позднейших исследователей Французской революции, что они передавали свои впечатления от ее событий, используя самый отвратительный женский образный ряд, и вели речь об ее участницах как «об исчадиях ада, гарпиях, Медузах»⁸.

Заметим, кстати, что практически в тех же выражениях высказывается сегодня о гражданских инициативах женщин известный российский политик Владимир Жириновский — и в своих публичных выступлениях, и в программных документах возглавляемой им ЛДПР. Он открыто заявляет, например: «ЛДПР расценивает как глубоко ошибочное и вредное чрезмерное искусственное вовлечение женщин в экономическую и политическую жизнь, стирание граней между социальными функциями мужчины и женщины. И женщина, и мужчина должны выполнять свои исконные обязанности, определенные самой природой. Мужчина должен выполнять функцию основного кормильца семьи, а женщина — быть главным образом хранительницей домашнего очага и продолжательницей человеческого рода...»⁹. Это — пример едва ли не самых корректных его высказываний на тему «Женщины и публичная политика».

---

⁵ Pateman C. *Feminism and Participatory Democracy* // Meeting of the American Philosophical Association, St. Louis, May 1986. St. Louis, 1986. P. 7.

⁶ См.: Duhet P. M. *Les femmes et la révolution*. Paris, 1971. P. 71.

⁷ Цит. по: Cerati M. *Le Club des citoyennes républicaines révolutionnaires*. Paris, 1966. P. 164.

⁸ Скотт Дж. Некоторые размышления по поводу гендера и политики // Введение в гендерные исследования. С. 951.

⁹ Из раздела «Мужчины и женщины» Программы ЛДПР, принятой в 2002 г. О смысле и значении этого подхода в политическом дискурсе современной России см.

Между тем за двести с лишним лет, разделяющих высказывания Амара и Жириновского, международное сообщество в принципе признало справедливость притязаний женщин на полноценный гражданский статус и подтвердило это признание в многочисленных (более сотни) международных конвенциях и декларациях о гражданских и политических правах женщин. Это признание было бы невозможно без мощной идейно-теоретической экспансии сторонниц (и сторонников) женского гражданского равноправия, в том числе и в политические науки¹⁰. В свое время вклад в легитимацию женской гражданской субъектности так или иначе внесли и теоретики утопического социализма, и марксисты, и некоторые либеральные мыслители. Постепенно сложилась и собственно феминистская критика как особая система взглядов, ядром которых является идея гражданского равноправия женщин и мужчин. Свою главную задачу теоретики женского равноправия видели в деконструкции традиционных понятий «субъект», «пол», «политика». И предложили два ее радикальных варианта. Первый основан на традиции экзистенциалистского феминизма, развивавшегося в русле мыслительных разработок французской писательницы и философа Симоны де Бовуар. Ее книгу «Второй пол»¹¹ справедливо называют Библией женского гражданского равноправия. Второй — выстроен в духе «эссенциализма», критически заостренного против основных постулатов С. де Бовуар и ее «школы».

Обосновывая право женщин на гражданство, на субъектность в истории и политике, Симона де Бовуар доказывала, что не существует прямой причинно-следственной связи между биологическими различиями «мужского» и «женского» и выстроенностью мужской и женской социальных ролей по принципу иерархического соподчинения, когда один является господином, а другая — его рабой. Такое распределение ролей, или первичное разделение труда, не задано «природой», не предопределено раз и навсегда, а навязано вполне конкретными социально-историческими обстоятельствами. Самый знаменитый тезис Симоны де Бовуар: «женщиной не рождаются, женщиной становятся». С его помощью она стремилась доказать, что изначально в женщине заложены те же потенции, те же способности к проявлению свободы воли, к гражданственности, что и в мужчине. Конфликт между изначальной способностью быть субъектом и навязанной ролью объекта чужой власти и определяет особенность пресловутого «женского удела», обрекающего женщин на социальную пассивность и гражданское бесправие.

Подходы Симоны де Бовуар напрямую оспорили ее соотечественницы — представительницы эссенциализма Люси Иригарей и Элен Сиксу. Они заявили о существовании особой женской идентичности, о специфике женского начала.

также: *Рябова Т. Б.* Рекрутирование гендерной идентичности в современной российской политической риторике // Новые направления политической науки : гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономия. Социальная политика. М. : РАПН : РОССПЭН, 2007. С. 172—173.

¹⁰ История вопроса подробно разбирается в книге: *Айвазова С.* Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: РИК Русанова, 1998.

¹¹ Книга вышла в свет во Франции в 1949 году, была переведена чуть ли не на все языки — от английского до японского. В России появилась почти полвека спустя, в 1997 году, но в самом полном, аутентичном варианте. См.: *Бовуар С.* Второй пол. М. : Прогресс : Алетейя, 1997.

И на этой основе, сформулировав тезис о «праве на различие» с мужчинами, стали отстаивать право женщин на субъектность, но субъектность отличную от мужской. Ученицы Симоны де Бовуар приняли эти тезисы в штыки: они были убеждены в принципиальной схожести, даже равенстве личностного начала в человеке, будь то мужчина или женщина, а потому доказывали, что подобной женской идентичности, или «сущности», в принципе нет и быть не может. По их мнению, быть женщиной — это не призвание, не назначение. Женщина способна реализовать себя как личность — в труде и творчестве.

Сторонницы «права на различие», отвечая на эту критику, подчеркивали, что вся предшествующая история и культура выстроена в соответствии с мужским видением мира, с мужскими вкусами, предпочтениями, что мир — «маскулинизирован». Поэтому, входя в круг публичной политики, женщины должны противопоставить стандартам и стереотипам мужчин свои, женские ценности и вместе с ними — основы политики нового типа, при которой женская «этика заботы» вытеснит мужскую этику «справедливости». По их убеждению, без утверждения своего особого взгляда на мир, на историю и культуру женщины рискуют потерять самобытность и просто раствориться, исчезнуть в «мужском» сообществе¹².

Спор между «эгалитаристками» и «эссенциалистками» со временем не только не разрешился, но развел их по разные стороны баррикад. Однако, несмотря на внутренние разногласия, в последние десятилетия XX века теория движения за гражданские права женщин пережила период бурного развития. Под воздействием идей крупнейшего французского философа современности Мишеля Фуко, разработавшего «капиллярную» теорию власти, а также теоретиков постструктурализма Жака Лакана, Жака Деррида, Жюльена Делеза и других, сложился так называемый постмодернистский феминизм, или постфеминизм¹³.

Хотя противники справедливо упрекают представителей постфеминизма в незавершенности, внутренней противоречивости мыслительных разработок, размытости используемых понятий, но именно в его рамках произошло определенное смысловое приращение к обоснованию идей гендерного равноправия. Теоретики этого направления сумели предложить новую увязку понятий «равенство» и «различие». С этой целью они переопределили термин «различие», предложив трактовать его не как маргинальность, исключение из культуры гражданственности, не как отклонение от нормы, а как некую ценность. В их парадигме любой «другой» (иная субъектность) получает свой полноценный гражданский статус, за этим «другим» признается право на полноценное существование в публичной политике. Они формулируют тезис о многогранности, многоликости, пестроте современного политического пространства, которое держится в напряжении не одним центральным конфликтом, не одним противоречием — классовым, расовым или национальным, а множеством разных конфликтов, разных противоречий, по-разному и разрешаемых.

---

¹² Irigaray L. *Le Temps de la différence*. Paris, 1989. P. 56.

¹³ К числу его крупнейших представительниц относят таких разных исследовательниц, как Джудит Батлер, Розы Брайдотти, Монику Виттиг, Юлию Кристеву, Шейлу Бенхабиб, Нэнси Фрейджер и других (подробный анализ их теоретических конструкций см.: Воронина О. А. *Феминизм и гендерное равенство*. М.: МЦГИ, 2004; Ушакин С. А. *Поле пола*. Вильнюс: ЕГУ—Москва: Вариант, 2007).

Понятие «субъектное разнообразие» стало базовым для постфеминизма. Джоан Скотт следующим образом описывает особенности этого подхода: «Современные феминистские теории не предполагают фиксированных отношений между сущностями, а трактуют их как изменчивые эффекты временной, культурной или исторической специфики, динамики власти... Ни индивидуальная, ни коллективная идентичность не существует без Другого; включенности не существует без исключенности, универсального — без отвергнутого частного, не существует нейтральности, которая не отдавала бы предпочтение ни одной из точек зрения, за которыми стоят чьи-то интересы, власть играет существенную роль в любых человеческих отношениях... Для нас различия — это факт человеческого существования, инструмент власти, аналитический инструмент»¹⁴.

Признание «субъектного разнообразия» фактически взорвало классическое либеральное представление о некоем «универсальном» субъекте публичной политики, который на поверку оказывался «состоятельным белым субъектом мужского пола». Феминистская критика сумела доказать, что «история субъекта является историей его/ее идентификаций»¹⁵. Концепт субъектного разнообразия подводил к совершенно новому пониманию политики. В его рамках доказывалось, что политика может и должна строиться не путем исключения «другого», а, напротив, путем его включения, наделения гражданским статусом, полномочиями гражданского участия. Таким образом ставился под сомнение сам принцип иерархического соподчинения и доминирования как единственно возможный при отправлении властных отношений, что, в свою очередь, расширяло поле возможностей для освоения сетевых, неиерархических форм коммуникации.

Но именно этот подход заставил феминистскую критику еще раз вернуться к чрезвычайно сложной проблеме — проблеме существования категории «женщины» как особой согласованной идентичности или особого коллективного «мы», которое должно быть представлено в поле публичной политики. Как верно подметила в этой связи российская исследовательница Н. Кукаренко, «в современных феминистских теориях категория *женщины* превращается в умопостигаемое поле различий, которая в силу своей плюралистичности больше не может выступать как объединительная. В результате возникает впечатление, что феминизмы, разлагая категорию субъекта, лишают женщин фундамента для коллективных действий»¹⁶.

Свой выход из этого теоретического тупика предложили теоретики самой последней волны постфеминизма, пришедшейся на конец XX века. Логика их толкования данной категории отчетливее всего прослеживается в работах философа Нэнси Фрейзер¹⁷. Фрейзер, с одной стороны, подтверждает в них, что ис-

---

¹⁴ Скотт Дж. Отголоски феминизма // Гендерные исследования / ХЦГИ. 2004. № 10. С. 11, 25.

¹⁵ См. подробнее: Муфф Ш. Феминизм, гражданство и радикальная демократическая политика // Введение в гендерные исследования. С. 216.

¹⁶ Кукаренко Н. Н. Гендерное неравенство и субъект феминистских политик // Новые направления политической науки. М. : РОССПЭН, 2007. С. 104.

¹⁷ Именно на них ссылаются известные теоретики гражданского общества Д. Коэн и Э. Арато (*Коэн Д., Арато Э.* Гражданское общество и политическая теория. М. : Весь мир, 2003. С. 677—692).

пользование понятий «женские интересы», «женская субъектность», «женская автономность», разумеется, можно отнести к проявлениям культурного сепаратизма или даже редукционистского биологизма. Но с другой — разъясняет, что на практике речь идет об использовании идеи женской автономии в специфическом ее смысле, точнее, о «средстве коллективного контроля над средствами интерпретации и коммуникации, достаточном для того, чтобы позволить женщинам участвовать на равных с мужчинами во всех видах социального взаимодействия, включая обсуждение политических проблем и принятие решений»¹⁸.

Еще дальше идет в своем категориальном анализе политолог Шанталь Муфф. Она весьма убедительно доказывает следующий принципиально значимый тезис: «Феминизм для меня — это борьба за равенство женщин. Эту борьбу не следует понимать как борьбу за реализацию равенства определенной эмпирической группы с общей эссенциальностью и идентичностью под названием “женщины”, но как борьбу против многочисленных форм угнетения, в которых категория “женщина” сконструирована как подчиненная»¹⁹. Ш. Муфф не без оснований полагает, что такой подход позволяет обнаружить не «естественную», а социальную природу выделения категории «женщины» как *некоей социальной группы, права которой систематически нарушаются*. Поэтому практическое применение этой категории легитимизирует и само понятие «женщины», и требования включения, интеграции женщин в сферу публичной политики.

Можно с полным основанием утверждать, что теоретические разработки феминистской критики способствовали расширению возможностей для политического представительства женщин. Сама проблематизация их положения в поле публичной политики спровоцировала острую общественную дискуссию, по-своему обеспечившую «прорыв» женщин в прежде закрытые для них сферы законодательной и исполнительной власти. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют фактические данные. Возьмем, к примеру, Великобританию. Парламентские выборы 1983 года привели в палату общин 19 женщин, их доля составила тогда 3 % от общего числа парламентариев. Те же выборы 2005 года обеспечили женщинам уже 19,5 % парламентских мест (126 из 646 депутатов). Выборы 1980 года позволили пройти в палату представителей Конгресса США только 19 женщинам, что составило около 4 % от общего числа конгрессменов. Выборы 2006 года обеспечили женщинам 16,8 % мест (73 из 435 депутатов)²⁰. Тогда же спикером Конгресса впервые в истории США была избрана женщина. Этот пост заняла конгрессмен от Демократической партии Нэнси Пелоси.

В канун 8 Марта 2008 года Еврокомиссия подготовила доклад «Мужчины и женщины в принятии решений», в котором анализировалось состояние дел с равноправием полов в высших эшелонах власти объединенной Европы. В док-

---

¹⁸ Фрейзер Н. Что критического в критической теории? Хабермас и гендер // Феминистская критика и ревизия истории политической философии. М.: РОССПЭН, 2005. С. 372.

¹⁹ Муфф Ш. Указ. соч. С. 232.

²⁰ См.: Гидденс А. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 311; а также данные Межпарламентской ассамблеи Европы на 29 февраля 2008 г. (URL: <http://www.ipu.org.wmn-e/classif.htm>).

ладе констатировалось, что в настоящее время среди тех, кто занимает высшие государственные должности в странах — участницах ЕС, 33 % женщин. В 1999 году их было 17 %. За этот же период с 14 до 20 % увеличилось число женщин на схожих должностях в структурах самой Еврокомиссии²¹.

Происходящий на наших глазах прорыв женщин в сферу политического представительства в странах «старой» демократии — это знак легитимации, то есть принципиального согласия общества на новые роли женщин, в том числе и на их участие в политике. Но сходный процесс происходит и в странах, где демократические процедуры либо только утверждаются, либо имитируются. В марте 2008 года Генеральный секретарь Межпарламентского союза Андерс Джонсон в своем докладе представил так называемую «карту» участия женщин в политике. Отметив, что по уже сложившейся традиции почти половину мест в законодательных органах своих стран имеют представительницы Скандинавии, он обратил внимание на то, что лидерство по числу женщин в парламенте начиная с 2005 года остается за Руандой. В этой стране, где громадное число мужчин погибло в ходе недавней гражданской войны, женщины занимают 48,8 % депутатских кресел, тогда как в Швеции среди парламентариев 47 % женщин, а в Финляндии — 41,5 %. Около 40 % женщин насчитывается также в парламентах Бурунди, Новой Зеландии и Танзании²².

Женщины осмеливаются конкурировать с мужчинами и в борьбе за должности глав государств. Во второй половине XX века в разное время 76 женщин в 56 государствах занимали посты премьер-министров или президентов. Первое десятилетие XXI века отмечено особыми женскими победами. В 2006 году, например, женщины возглавили 11 государств мира²³. В тот момент на пост президента Финляндии была переизбрана Тарья Халоннен. Канцлером Германии стала Ангела Меркель. Президентом Чили — Мишель Бачелет. Президентом Либерии — Эллен Джонсон-Серлиф. Президентом Латвии была в ту пору Вайра Вике-Фрайберге и т. д. В 2007 году в числе глав 71 государства, пришедших к власти на высшие государственные посты — президента или премьер-министра — было пять женщин. Это — генерал-губернатор Антигуа и Барбуда Луиза Лейк-Так, президент Аргентины Кристина Киришнер; президент Индии Пратибха Патил; президент Швейцарии Мишлен Кальми-Рей, премьер-министр Украины Юлия Тимошенко²⁴. На пост президента Франции в 2007 году претендовала социалистка Сеголен Руаяль. На пост президента США в 2008 году — представительница Демократической партии, бывшая первая леди страны, Хилари Клинтон. Все это — знаки «тихой женской революции», начатой в предыдущем столетии и с успехом отвоевывающей разные страны и континенты.

---

²¹ URL: http://ec.europa.eu/employment_social/emplweb/news/news_en.cfm?id=373

²² URL: <http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID=9219>

²³ В их числе: Бангладеш, Германия, Ирландия, Латвия, Либерия, Мозамбик, Новая Зеландия, Сан-Томе и Принсипи, Финляндия, Чили, Филиппины.

²⁴ Первый рейтинг главных событий и тем 2007 г. // Альм. издат. дома «Коммерсант». 2008. 14 янв. С. 94—95.

ББК 60.542.21:60.561.4

Т. А. Николаева

ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВ ЖЕНЩИН И ГАРАНТИЙ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Организация Объединенных Наций в своем Уставе утвердила веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности и в равноправие мужчин и женщин (ратифицирован Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20.08.1945 г.¹). Всеобщая декларация прав человека подтвердила принцип недопущения дискриминации и провозгласила, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах и что каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными в ней, без какого-либо различия, в том числе различия в отношении пола. Международные пакты о правах человека возложили на государства-участники обязанность обеспечить равное для мужчин и женщин право пользования всеми гражданскими, политическими, экономическими, социальными и культурными правами (ратифицированы Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18.09.1973 г.²). В Декларации о ликвидации дискриминации в отношении женщин, провозглашенной резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 07.11.1967 г.³, среди намеченных мер указано, что принцип равенства для мужчин и женщин должен быть включен в Конституцию или иным образом гарантирован законом (позже данная обязанность государств была закреплена в статье 2 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г.).

В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ 1993 г. (ст. 17), которая гарантирует равенство прав и свобод, в том числе независимо от пола (ст. 19.2). Согласно п. 3 ст. 19 Конституции РФ мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации.

Но нужно отметить, что до этого момента СССР уже ратифицировал ряд международных документов, регулирующих политические права женщин. К указанным актам относятся:

1) Конвенция о политических правах женщин, принятая 20.12.1952 г. Генеральной Ассамблеей ООН. Советский Союз подписал Конвенцию 31.03.1953 г., ратифицировал ее 18.03.1954 г. (Указ Президиума ВС СССР от 18.03.1954 г.⁴) с оговорками, одну из которых позже снял (Указ Президиума ВС СССР от 10.02.1989 г. № 10125-ХІ). Документ вступил в силу для СССР 07.07.1954 г. Конвенция признала, что каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной и право равного доступа к государственной службе в своей стране, а также равенство положения мужчин и женщин в отношении об-

ладания и пользования политическими правами. В связи с чем Договаривающиеся Стороны согласились, что женщинам на равных с мужчинами условиях, без какой-либо дискриминации, принадлежат следующие права:

- голосовать на всех выборах,
- быть избираемыми во все установленные национальным законом учреждения, требующие публичных выборов,
- занимать должности на общественно-государственной службе и выполнять все общественно-государственные функции, установленные национальным законом;

2) Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принятая 18.12.1979 г. Генеральной Ассамблеей ООН. СССР ратифицировал ее 19.12.1980 г. (Указ Президиума ВС СССР от 19.12.1980 г. № 3565-X³). Согласно данному акту, государства-участники должны принять все соответствующие меры по ликвидации дискриминации в отношении женщин в политической и общественной жизни страны, и в частности обеспечить женщинам на равных условиях с мужчинами право:

- голосовать на всех выборах и публичных референдумах и избираться во все публично избираемые органы,
- участвовать в формулировании и осуществлении политики правительства и занимать государственные посты, а также осуществлять все государственные функции на всех уровнях государственного управления,
- принимать участие в деятельности неправительственных организаций и ассоциаций, занимающихся проблемами общественной и политической жизни страны.

Согласно последнему документу государства-участники должны принимать все соответствующие меры, чтобы обеспечить женщинам возможность на равных условиях с мужчинами и без какой-либо дискриминации представлять свои правительства на международном уровне и участвовать в работе международных организаций.

В Пекинской декларации и Платформе действий, принятых IV Всемирной конференцией по положению женщин, проходившей в сентябре 1995 г., среди других стратегических целей указаны следующие:

- 1) принятие мер по обеспечению равного доступа женщин к директивным структурам и процессу принятия решений и их полного участия в них;
- 2) расширение имеющихся у женщин возможностей участия в процессе принятия решений и в работе системы управления.

В связи с этим перед правительствами государств были поставлены следующие задачи:

- защита и поощрение равных прав женщин и мужчин на участие в политической деятельности и на свободу ассоциации, включая членство в политических партиях;
- достижение равного представительства женщин и мужчин в правительственных органах и комитетах, равно как и государственно-административных образованиях, и в судебных инстанциях, включая принятие мер для значительного увеличения числа женщин, чтобы добиться равного представи-

тельства женщин и мужчин, при необходимости путем квотирования, на всех правительственных и государственно-административных должностях;

— принятие в рамках избирательных систем мер, побуждающих политические партии к привлечению женщин на выборные и назначаемые государственные должности в той же пропорции и на тех же уровнях, что и мужчин;

— содействие более широкому привлечению женщин из числа коренного населения к выработке решений на всех уровнях;

— стремление к достижению равного соотношения между мужчинами и женщинами в списках национальных кандидатов, выдвигаемых для избрания или назначения в органы Организации Объединенных Наций, специализированные учреждения и другие автономные организации системы Организации Объединенных Наций, прежде всего на должности старшего уровня;

— обеспечение женщинам и мужчинам равного доступа ко всему диапазону назначаемых государственных должностей и создание внутри правительственных структур механизмов для контроля за прогрессом в этой области и др.

В 1999 г. к 43-й сессии комиссии ООН по положению женщин Российская Федерация подготовила доклад «Национальный механизм улучшения положения женщин в России», в 2000 г. к специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН — национальный доклад о выполнении в Российской Федерации Платформы действий, принятой на IV Всемирной конференции по положению женщин. Россия представляет ООН периодические доклады о выполнении в Российской Федерации Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. В настоящее время в России ведется подготовка очередного доклада.

В Декларации тысячелетия, утвержденной Генеральной Ассамблеей ООН 08.09.2000 г., записано, что должно быть гарантировано равенство прав и возможностей мужчин и женщин. Непосредственно положений о политических правах женщин документ не содержит. В контексте Целей развития тысячелетия и Концепции устойчивого человеческого развития в Российской Федерации подготовлена гендерная стратегия, разрабатываются системы подготовки и переподготовки государственных служащих⁶.

В рамках Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ были приняты следующие документы:

1) модельный закон о государственных гарантиях равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин (Постановление от 18.11.2005 г. № 26-11⁷), в котором предложены некоторые гарантии гендерного равенства в области государственного управления (глава 2), например:

— создание условий для участия лиц разного пола в управлении государством путем обеспечения равного представительства мужчин и женщин в законодательной, исполнительной и судебной ветвях государственной власти и иных сферах управления государством через правовые, организационные и иные механизмы (ст. 6);

— равные возможности для лиц обоего пола при подготовке списков кандидатов от политических партий, избирательных объединений на выборах по округам. Кандидаты — мужчины и женщины — должны быть представлены в списках пропорционально численности мужчин и женщин в партии, объедине-

нии или в соответствии с нормами представительства, предусмотренными национальным законодательством о выборах (ст. 7);

— равный доступ мужчин и женщин к государственной службе (ст. 8). Например, при формировании государственных органов власти не допускаются какие бы то ни было ограничения по признаку пола; руководители органов власти обязаны обеспечить равный доступ граждан к государственной службе в соответствии с их опытом, способностями и профессиональной подготовкой. В кадровом составе служащих не должны существенно преобладать лица одного пола. Национальным законодательством может устанавливаться система квотирования на замещение должностей служащими одного пола (не более 30—50 % кадрового состава). Квоты вводятся как временная мера, которая может быть отменена по мере достижения сбалансированного представительства мужчин и женщин в государственных органах;

2) модельный закон об основах государственной службы (Постановление от 15.06.1998 г. № 11-5⁸). Правовой акт является практически гендерно слепым, то есть закрепляет только а) право каждого гражданина на государственную службу независимо от его пола и других различий (ст. 1), б) в качестве одного из основных принципов государственной службы — добровольность и равный доступ граждан к данной службе (ст. 5), в) проведение конкурса на замещение вакантной государственной должности, который обеспечивает равный доступ граждан к службе (ст. 9), г) размер общего трудового стажа служащего, различный для мужчин и женщин, достаточный для назначения пенсии (ст. 17, 25).

4 марта 1993 г. Президент Российской Федерации подписал Указ № 337 «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин», в котором была подчеркнута необходимость обеспечения условий для реального участия женщин в деятельности государственных органов и общественных организаций.

Во исполнение итоговых документов, принятых на IV Всемирной конференции по положению женщин (Пекин, 1995 г.), Постановлением Правительства РФ от 08.01.1996 г. № 6⁹ была утверждена Концепция улучшения положения женщин в РФ, в которой отмечена крайне незначительная представленность женщин в высших эшелонах власти (п. I), а среди задач обозначена необходимость обеспечивать условия для полноправного участия женщин в принятии решений на всех уровнях. Планировались следующие основные подходы к реализации данной цели (п. II): организация подготовки женщин к участию в политической, государственной деятельности и управлении; формирование новых нравственных норм, направленных на широкое вовлечение женщин в общественные движения, на участие женщин в составе представительных и исполнительных органов власти всех уровней; разработка соответствующих программ подготовки и переподготовки женщин, а также формирование резерва кадров женщин для работы в органах управления различного уровня; обеспечение доступа женщин ко всем видам деятельности на государственной службе, не ограничиваясь секторами, в которых женщины традиционно заняты (образование, здравоохранение, социальные службы); более широкое привлечение женщин-дипломатов к работе в загранаппарате, в том числе в постоянных представительствах России при ООН и других международных организациях;

рассмотрение вопроса об увеличении числа женщин — послов Российской Федерации; разработка и реализация программ правового просвещения женщин, разъясняющих женщинам их права и основные свободы, предоставленные как законодательством РФ, так и международными договорами, признанными Российской Федерацией; объективное освещение в средствах массовой информации подлинной роли женщин в политической жизни, широкое освещение хода выполнения в России Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и других актов о правах женщин, а также опыт зарубежных стран в этой области и др.

Также указанным постановлением была образована комиссия для обеспечения согласованных действий заинтересованных федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ по улучшению положения женщин (Межведомственная комиссия по вопросам улучшения положения женщин). Позже она была преобразована в Комиссию по вопросам положения женщин в Российской Федерации Постановлением Правительства РФ от 28.01.1997 г. № 91¹⁰, которое утратило силу (Постановление Правительства РФ от 26.07.2004 г. № 380¹¹).

30 июня 1996 г. Президент РФ издал Указ № 1005 «О повышении роли женщин в системе федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов РФ»¹², который утратил силу (Указ Президента РФ от 26.11.2001 г. № 1360 г.¹³). В нормативном правовом акте предлагалось рассмотреть вопрос о возможности введения минимальной квоты для замещения женщинами государственных должностей федеральной государственной службы (п. 1); принять меры по формированию банка данных о женщинах — федеральных государственных служащих в целях создания системы их обучения и повышения квалификации, а также создания кадрового резерва (п. 1); поощрять руководителей федеральных органов исполнительной власти, подразделений Администрации Президента РФ за привлечение женщин к государственной службе на ответственных должностях (п. 4) и др.

Во исполнение Указа Президента РФ от 18.06.1996 г. № 932 Правительство РФ своим постановлением от 29.08.1996 г. № 1032¹⁴ утвердило Национальный план действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 г. Среди запланированных мероприятий можно указать ежегодное представление рядом министерств РФ информации Правительству РФ о ходе реализации мер в области улучшения положения женщин с учетом решений IV Всемирной конференции по положению женщин (Пекин, сентябрь 1995 г.) (п. 1); подготовку и представление периодических докладов о выполнении в Российской Федерации Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (п. 2); проведение анализа соответствия законодательства РФ международным нормам, включая вышеуказанную Конвенцию (п. 3); подготовку Министерством иностранных дел РФ предложений по привлечению женщин-дипломатов к работе в загранаппарате, в том числе в постоянных представительствах Российской Федерации при ООН и других международных организациях (п. 5).

В течение 1996—1997 гг. Комитетом Государственной думы ФС РФ по делам женщин, семьи и молодежи разрабатывалась и неоднократно обсужда-

лась на федеральном и региональном уровнях Концепция законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин (постановление ГД ФС РФ от 20.11.1997 г. № 1929-П ГД¹⁵). В данном документе признается тот факт, что одного лишь указания в законе о равных правах мужчин и женщин, как показывает практика, явно недостаточно; например, для приведения положения с гендерным составом органов власти в соответствие с требованиями международных стандартов необходимо усовершенствовать законодательство о государственной и муниципальной службе (в первую очередь это касается руководящих кадров). В Концепции запланированы разработка комплекса мер, обеспечивающих совершенствование избирательного законодательства (п. 2.1), плюрализм кандидатов, в том числе кандидатов разного пола и возраста, широкое внедрение системы конкурсов на замещение руководящих должностей, создание программы подготовки и переподготовки женщин-служащих, формирование резерва кадров женщин для работы в органах управления различного уровня и т. д. (п. 2.2). Обращается внимание на варианты решения обозначенной проблемы, в том числе применяемые в практике многих развитых стран:

1) установление в законе правила, согласно которому при формировании составов руководящих органов, в том числе в системах государственной службы, рекомендуется соблюдение представленности мужчин и женщин, по мере возможности пропорционально близкой к составу населения;

2) использование принципа предпочтительного рассмотрения — при равном положении кандидатов из числа женщин и мужчин на утверждаемую государственную должность по итогам соответствующих конкурсов отдавать приоритет той стороне, которая менее представлена;

3) включение комплекса мер по существенному увеличению числа женщин на руководящих должностях среднего управляющего звена органов государственной власти и органов местного самоуправления при разработке концепции государственной кадровой политики. Эта мера способна облегчить женщинам необходимые стартовые возможности для дальнейшего продвижения по службе.

Можно отметить, что в настоящее время в России действуют законы о государственной службе, являющиеся практически гендерно слепыми, то есть закрепляющие лишь конституционный принцип о равном доступе граждан к государственной службе. Аналогичные положения содержатся в Указе Президента РФ от 10.03.2009 г. № 261 «О федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009—2013 годы)»¹⁶. В частности, среди ожидаемых результатов реализации программы указаны совершенствование порядка замещения вакантных должностей государственной службы на основе конкурса, обеспечивающего равный доступ граждан к государственной службе; внедрение и совершенствование механизмов формирования кадрового резерва; актуализация содержания программ подготовки и дополнительного профессионального образования служащих. Отличия между женщинами и мужчинами, состоящими на государственной службе, можно обнаружить лишь в законодательстве о социальном обеспечении (например, стаж государственной службы, дающий право на государственную пенсию)¹⁷.

В некоторых субъектах Российской Федерации разрабатывается законодательство о мерах по повышению роли женщин в системе органов государственной власти и местного самоуправления (например, в Чувашии, Ульяновской и Псковской областях).

Нужно сказать, что уже несколько лет в РФ предпринимаются усилия по разработке и принятию федерального закона о государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации.

Законопроект предусматривает обязанности всех субъектов права по практическому обеспечению статьи 19 (ч. 3) Конституции Российской Федерации при осуществлении избирательного права, при поступлении на государственную службу и при ее прохождении, а также при формировании состава руководящих структур государственных органов и органов местного самоуправления.

Законопроект устанавливает механизм обеспечения равных возможностей для мужчин и женщин. Фиксируется ответственность высших органов государственной власти и высших должностных лиц государства за реализацию конституционного принципа равных прав и равных возможностей женщин и мужчин. Предусматривается создание в учреждениях системы федеральных органов исполнительной власти и системы органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации структурных подразделений (уполномоченных), предметом деятельности которых станет обеспечение равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин в данной системе. Законопроект возлагает решение задач по обеспечению гарантий государственной защиты равных прав и равных возможностей мужчин и женщин в соответствии с Федеральным конституционным законом «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» на Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Предусматривается особая роль общественных организаций, в том числе создаваемых в целях реализации равных прав и равных возможностей мужчин и женщин, в разработке и осуществлении государственной политики в сфере равноправия.

Данный законопроект устанавливает порядок обжалования фактов дискриминации по мотивам пола и предусматривает необходимость ответственности должностных лиц за нарушение законодательства по вопросам равноправия мужчин и женщин.

В заключение хотелось бы отметить, что в последнее время в международных правовых актах женщинам все чаще гарантируется участие в процессе принятия политических решений (то есть фактически — доступ к высшим руководящим должностям наравне с мужчинами). Но необходимо признать, что в России конституционные положения о равных правах мужчин и женщин и равных возможностях их осуществления нередко носят декларативный характер, поскольку недостаточно разработана и эффективна система мер, обеспечивающих их реализацию. Принятие законопроекта позволит расширить возможности для осуществления российскими гражданами — мужчинами и женщинами — всей той совокупности их прав и свобод, что предусмотрена Конституцией Российской Федерации и нормами международного права.

- ¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1945. № 53.
- ² Там же. 1973. № 40. Ст. 563.
- ³ Корбут Л. В., Поленина С. В. Международные конвенции и декларации о правах женщин и детей // Сборник универсальных и региональных международных документов. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 2004. С. 47.
- ⁴ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938—1975. Т. 2. М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1975. С. 249.
- ⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. 1981. № 1. Ст. 3.
- ⁶ См.: Цели развития тысячелетия в контексте России: от экономического роста к устойчивому социальному развитию, основанному на правах человека. Современное положение, политика государства и возможная роль ООН. М., 2005.
- ⁷ Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств. 2006. № 37. С. 328—341.
- ⁸ Там же. 1998. № 18. С. 103—128.
- ⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 185.
- ¹⁰ Там же. 1997. № 5. Ст. 687.
- ¹¹ Там же. 2004. № 31. Ст. 3268.
- ¹² Там же. 1996. № 27. Ст. 3238.
- ¹³ Там же. 2001. № 49. Ст. 4611.
- ¹⁴ Там же. 1996. № 37. Ст. 4300.
- ¹⁵ Там же. 1997. № 48. Ст. 5527.
- ¹⁶ Российская газета. 2009. 11 марта.
- ¹⁷ См., напр.: Указ Президента РФ от 16.08.1995 г. № 854.

ББК 60.542.2:60.561.3

И. Н. Кодина

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ
НАСЕЛЕНИЯ МАЛОГО ГОРОДА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ
(на примере малых городов Ивановской области)**

Общественно-политическое участие как вовлеченность граждан в общественную и политическую жизнь общества является непосредственным показателем самоопределения личности, востребованности и осуществимости ею своих прав, выражением понимания человеком своего социального статуса и возможностей.

В современной политической социологии общественно-политическое участие исследуется по следующим направлениям:

— место политических и общественных ориентаций в общей структуре социальных ориентаций населения;

— степень политической интеграции (участие в деятельности политических партий, движений, общественно-политических объединений и организаций, интерес к политическим событиям);

— электоральное поведение (участие в выборах различных уровней);

— уровень общественной активности (участие в общественных организациях, формах самоуправления, благоустройстве городской территории, благотворительной деятельности и т. д.).

На степень участия населения малых городов в общественно-политической жизни существенное влияние оказывают следующие факторы: активная миграция трудоспособного населения в крупные промышленные центры, численное преобладание жителей предпенсионного и пенсионного возрастов, невысокий уровень доходов, наличие у многих семей личного подсобного хозяйства, высокая степень распространенности среди населения социальных болезней.

Важным фактором общественно-политического участия выступают также гендерные различия. В современном российском обществе гендерное измерение политики и проблем общественно-политического участия стало важной сферой исследовательского интереса. С одной стороны, многие ученые отмечают довольно низкий уровень участия всего населения в общественно-политической жизни страны, различные проявления индифферентности, безразличного отношения к ней, что является одним из слабых мест российской демократии [1; 4; 2, с. 317].

С другой стороны, наблюдаются различия в общественно-политическом участии мужчин и женщин. Между тем демократизация российского общества требует вовлечения в политическую жизнь и женщин и мужчин, более активного представительства женщин во властных структурах, в выборных органах, в руководстве ведущих партий и движений. Однако ученые констатируют, что женское общественно-политическое участие по-прежнему является менее активным, чем мужское [5].

С целью определения специфики общественно-политического участия мужчин и женщин в малом городе автором в феврале 2009 года проведено социологическое исследование (N=800). Исследование проводилось в четырех малых городах Ивановской области, различающихся численностью населения (от 2,5 тыс. чел. в г. Плесе до 40 тыс. чел. в г. Фурманове), степенью удаленности от областного центра (г. Кохма — город-спутник, г. Плес максимально удален от областного центра), а также функциональной направленностью (города — промышленные центры и туристические города).

Для анализа общественно-политической активности населения разного пола респондентам были заданы вопросы о социальных ориентациях, о членстве в общественных организациях, о готовности участвовать в акциях протеста, о степени участия в региональных и муниципальных политических выборах, а также о степени гражданской инициативности.

Оценивая место политических и общественных ориентаций в общей структуре социальных ориентаций горожан, отметим, что доминирующими ориентациями населения малых городов выступают ориентации на работу и доход (для 69,4 % респондентов), на укрепление семьи (для 31,2 %) и на карьерный рост (для 16,2 %). Ориентации на участие в общественной жизни харак-

Женщины в политике и управлении

терны лишь для 8,6 % населения, а ориентации на участие в политической жизни — для 5,8 % опрошенных. Следует отметить, что на участие в политической жизни малого города (политические выборы, митинги, принятие решений и пр.) мужчины ориентированы в два раза чаще, чем женщины, в то время как на участие в общественной жизни города (благоустройство территории, субботники, общественные акции и др.) чаще ориентированы женщины (рис. 1).

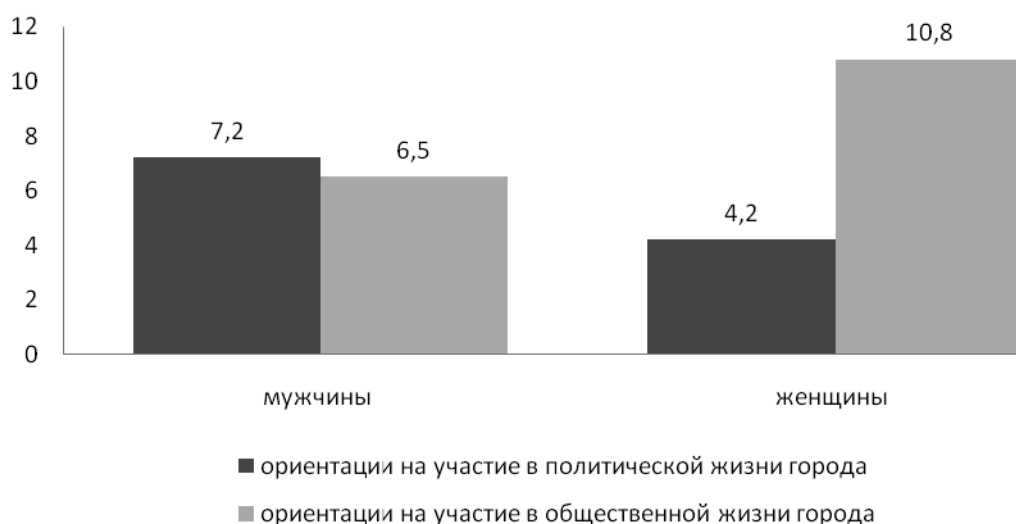

Рис. 1. Различия в общественно-политических ориентациях среди мужчин и женщин, % (N=800)

Степень активности мужчин и женщин в политической жизни города оценивалась через степень интереса к происходящим политическим событиям, через готовность участвовать в политических выборах различных уровней, через их членство в политических партиях, а также через готовность принять участие в акциях протеста, если таковые будут затрагивать интересы респондентов. Опрос показал высокую степень интереса к политическим событиям среди всех респондентов (общий уровень интереса составил около 80 %). Мужчины в целом чаще, чем женщины, следят за происходящими политическими событиями (каждый второй респондент), однако женщины чаще обсуждают их с друзьями и знакомыми (более половины опрошенных женщин) (табл. 1).

Таблица 1

Степень интереса к политике в зависимости от пола респондентов, % (N=800)

Степень интереса к политике	Пол	
	мужской	женский
Внимательно слежу за политическими событиями	46,2	32,0
Внимательно не слежу за политическими событиями, но иногда обсуждаю их с друзьями и родственниками	40,0	54,0
Политические события меня не интересуют	13,0	14,0
Другое	0,8	0,0

Повышенный интерес к политическим событиям проявляют те респонденты, чья жизнедеятельность в той или иной степени зависит от принятия властных решений: предприниматели, руководители, пенсионеры. Для респондентов обоего пола характерна зависимость возрастания интереса к политическим событиям по мере увеличения уровня образованности: так, среди респондентов с высоким уровнем образования интерес к политике возрастает до 67 %.

В ходе исследования отмечен достаточно высокий уровень участия респондентов обоего пола в политических выборах: 62 % мужчин и 67 % женщин обозначили свое участие в выборах как постоянное и регулярное. Среди тех, кто никогда не участвует в выборах, в 2 раза чаще встречаются респонденты мужского пола, но в целом их доля не превышает 11 %. Высокий процент населения, участвующего в выборах, традиционно подтверждается и показателями явки избирателей (см.: Ивановская газета. 2007. 3 дек.). Это не случайно, так как выборы в малом городе — одно из массовых событий, которому придается не только политическое, но и социально-общественное значение.

Данные исследования позволяют выделить *активные и пассивные формы политического участия*. К активным формам отнесены следующие: членство в политических партиях, готовность участвовать в акциях протеста, регулярное участие в политических выборах, высокий интерес к общественно-политическим событиям. Пассивные формы участия характеризуются отсутствием членства в партиях, низкой готовностью участвовать в акциях протеста, слабым интересом к политике и др.

Исследование показало, что активные формы участия в политической жизни малого города характерны для незначительного числа опрошенных мужчин и женщин. В политических партиях состоят не более 8,5 % женщин и 8,8 % мужчин. Среди них в основном руководители подразделений и специалисты с высшим образованием, пенсионеры и респонденты, имеющие высокий уровень образованности (два и более высших образования). Преимущественный возраст тех, кто является активным сторонником политических партий, составляет свыше 40 лет.

Повышенную степень готовности участвовать в акциях протеста демонстрируют мужчины. Женщины в два раза реже отмечают свою способность участвовать в акциях протеста. Для них характерны такие варианты ответов, как «не готова» — 24,2 % и «затрудняюсь ответить» — 28,8 % (рис. 2).

Пассивные формы участия в политической жизни города характерны для студентов, рабочих, респондентов, состоящих в незарегистрированном браке, женщин с неполным средним и незаконченным высшим образованием, а также мужчин в возрасте до 40 лет. Общий уровень соотношения пассивных и активных форм участия может быть охарактеризован как 70 / 30.

Активное участие в выборах и обсуждение политических событий со знакомыми характеризуют такое участие скорее как аффективное (способ общения), нежели как когнитивное (получение информации и фактов) и поведенческое (активные формы участия). Исследование показало, что эмоциональная вовлеченность в политическую сферу жизни города характерна в основном для женщин, в то время как рациональная и волевая — для мужчин.

Женщины в политике и управлении

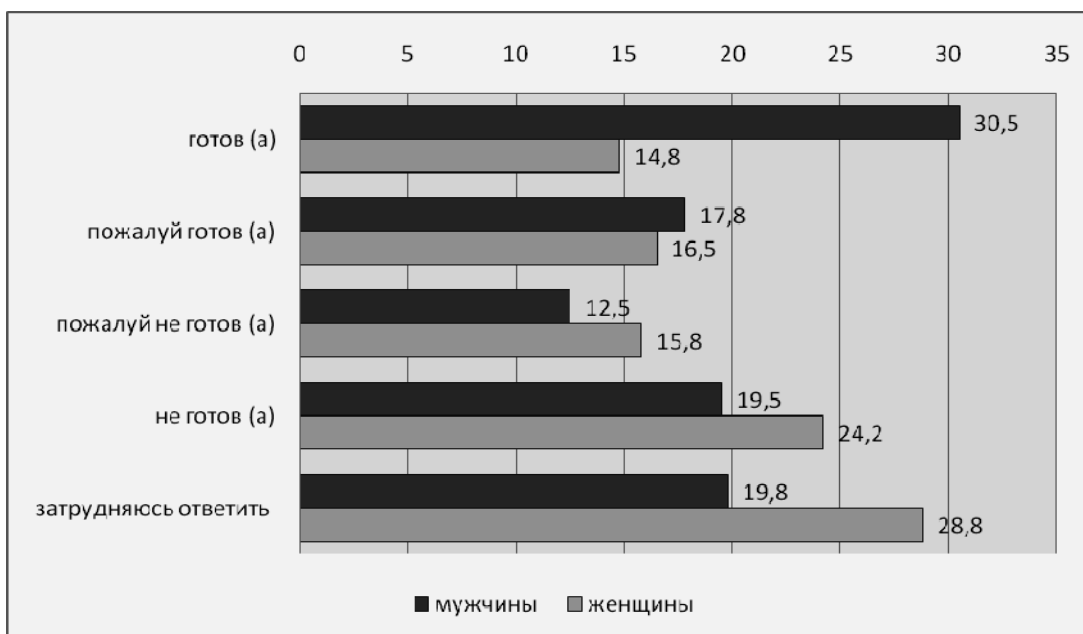

Рис. 2. Степень готовности мужчин и женщин участвовать в акциях протеста, затрагивающих личные интересы, % (N=800)

Для оценки степени общественной активности населения малого города респондентам были заданы вопросы о членстве в общественных организациях (религиозных, спортивных, профессиональных) и о формах общественной деятельности.

В общественных организациях различного профиля состоят 20 % мужчин и 18 % женщин. Однако если для мужчин более характерно членство в спортивных организациях (порядка 9 %), то женщины больше ориентированы на участие в работе профессиональных союзов (в них состоят 14 % женщин). Менее 1 % мужчин и женщин состоят в религиозных организациях, хотя в малом городе отмечается высокая посещаемость церковных учреждений (14,9 % опрошенных отметили этот вариант как способ проведения досуга; 36 % опрошенных указали на посещение церкви не реже чем раз в месяц).

Порядка 10 % жителей малых городов занимаются общественной деятельностью. Основную группу среди них составляют женщины — 13,2 %. Среди отдельных групп женщин показатель общественной активности достигает высоких значений: 11,5 % женщин-руководителей, 32 % женщин-пенсионерок, а также 19 % вдовых женщин отметили занятия общественной деятельностью как главные в своей структуре досуга. Среди мужчин повышенный интерес к общественной деятельности демонстрируют менеджеры среднего звена (38,1 %) и пенсионеры (14 %). Занятия общественной деятельностью, таким образом, определяются характером и спецификой основной трудовой деятельности, а также наличием свободного времени (его больше у пенсионеров и вдовых респондентов).

В ходе исследования были отмечены две зависимости: во-первых, чем выше уровень образованности респондентов (в первую очередь мужчин), тем

выше уровень их инициативности; во-вторых, чем моложе мужчины-респонденты, тем они инициативнее (среди респондентов в возрасте до 29 лет эта ценность выбирается в 2 раза чаще). Для опрошенных женщин эта зависимость становится прямо пропорциональной: чем старше женщина, тем выше степень ее инициативности.

Следует отметить, что инициативность мужчинами и женщинами воспринимается по-разному. На вопрос о том, может ли опрошенный назвать себя инициативным человеком, половина мужчин и женщин ответила утвердительно. Однако несмотря на то, что женщины относят себя к инициативной группе населения, многие из них отметили низкую готовность участвовать в делах города. Для мужчин, в свою очередь, инициативность выступает скорее способом самовыражения, в то время как для женщин — реальным инструментом деятельности. Так, среди женщин, имеющих трех и более детей, степень инициативности возрастает до 71,4 %, в то время как среди мужчин более высокая степень инициативности отмечается у тех, кто не имеет детей вообще (61,5 %). Самые высокие показатели инициативности отмечены среди мужчин-предпринимателей (до 100 %) и среди сотрудников МВД (до 60 %). Таким образом, ответы мужчин и женщин о степени личной инициативности строятся на разных основаниях. Мужчина более инициативен, если ориентирован в большей степени на себя и обладает низкой зависимостью от внешней среды. Женщина проявляет повышенную степень инициативности в тех случаях, когда появляются люди или ситуации, зависящие от нее (женщины-руководители; женщины, имеющие детей; женщины, состоящие в браке).

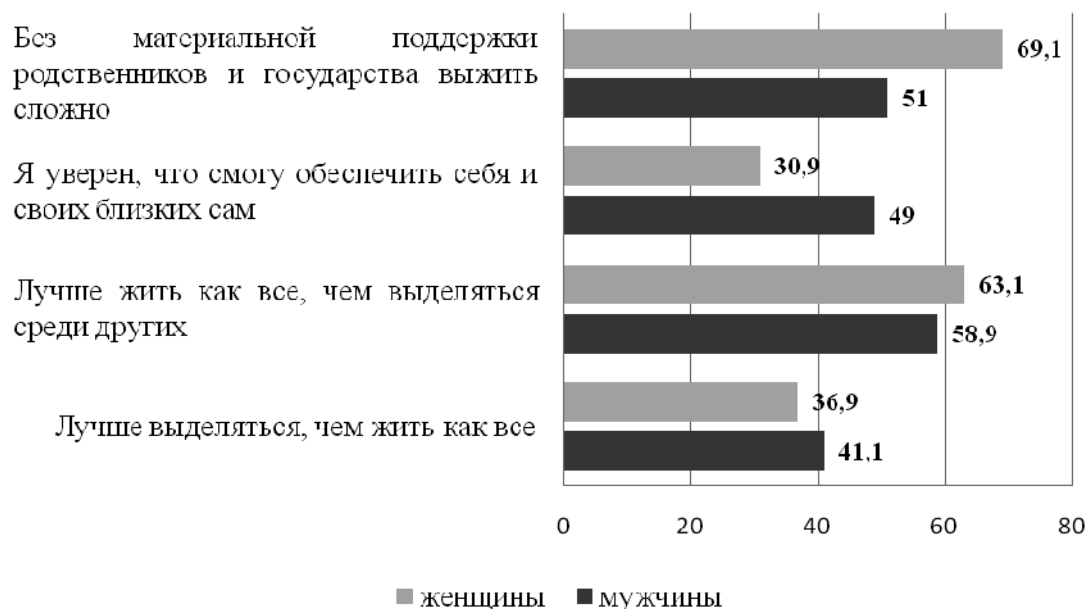

Рис. 3. Жизненные позиции мужчин и женщин, % (N=800)

В ходе исследования респондентам были предложены базовые суждения, позволяющие сделать вывод о жизненных позициях мужчин и женщин. Результаты показали, что мужчинам свойственна более активная жизненная по-

зия, направленная на поиск и демонстрацию своей индивидуальности (41,1 %) и самостоятельную способность обеспечивать себя и своих близких (49 %). Женщины малых городов демонстрируют в своем большинстве патерналистские ориентации (без материальной помощи родственников и государства выжить сложно — 69,1 %) и стремление не выделяться из остальных и жить как все (63,1 %) (рис. 3).

В ходе исследования выявлено, что фактором, обуславливающим степень общественно-политического участия мужчин и женщин, выступает срок их проживания в малом городе. При анализе результатов опроса респонденты были отнесены к трем группам:

1) *Коренные жители малого города, а также мужчины и женщины, прожившие в нем большую часть жизни.* Их степень включенности в общественно-политическую жизнь города может быть охарактеризована как невысокая. Она характеризуется готовностью принимать участие в акциях протеста (до 25 %), уровнем участия в общественной (до 19 %) и в политической жизни города (порядка 7 %), низким уровнем отслеживания политических событий (большинство населения следят за политической ситуацией нерегулярно), а также высокой степенью инициативности (49 %). Женщины этой группы более активно занимаются общественной деятельностью, чем мужчины (19 % женщин и 5 % мужчин). Сложившиеся устои жизни отражаются на регулярном участии в выборах (68 %).

2) *Мужчины и женщины, прожившие в малом городе около половины жизни.* Их степень включенности в общественно-политическую жизнь города может быть охарактеризована как достаточно высокая. Для этой группы характерна высокая степень готовности к участию в акциях протеста (до 40 %), интерес к политике (51 % населения регулярно следит за политическими событиями), ориентированность на участие в общественной и политической жизни города (по 7 %), участие в выборах (до 55 %). Мужчины этой группы более активны, чем женщины, и обладают высокой степенью инициативности (46 %).

3) *Мужчины и женщины, прожившие в малом городе меньшую часть жизни.* Их степень включенности в общественно-политическую жизнь города может быть охарактеризована как высокая. Эта группа населения демонстрирует высокую степень инициативности (до 52 %), а также готовности участвовать в политических акциях. У представителей этой группы высок интерес к политическим событиям (45 % следят за ними регулярно и 42 % — время от времени), а также высокая степень участия в выборах (до 71 %). Среди мужчин и женщин этой группы наблюдается практически равная включенность в общественно-политическую сферу жизнедеятельности города. К этой группе принадлежат в основном респонденты в возрасте от 41 года, а также люди, состоящие в браке и имеющие детей.

Проведенное исследование подтвердило зависимость степени вовлеченности мужчин и женщин в общественно-политическую жизнь от размеров малого города и его удаленности от областного центра. Так, чем меньше размеры города и чем дальше он располагается от областного центра и других более крупных городов, тем меньше среди населения распространены активные фор-

мы общественно-политического участия. В свою очередь, чем крупнее город, тем выше степень включенности горожан в данную сферу жизнедеятельности (табл. 2). Таким образом, тип малого города может выступать социокультурной детерминантой общественно-политической активности горожан и способствовать формированию активной жизненной позиции среди жителей обоего пола.

Таблица 2

Некоторые индикаторы включенности мужчин и женщин в общественно-политическую сферу жизни в зависимости от типа малого города, % (N=800)

Индикатор	Вариант ответа	Город			
		Плѣс	Комсомольск	Кохма	Фурманов
Степень готовности участвовать в акциях протеста	Готов	10,8	12,7	18,4	20,1
	Скорее готов	18,0	19,1	24,7	26,2
	Скорее не готов	15	21,9	30,5	32,4
	Не готов	17,1	19,3	20,4	21,3
	Затрудняюсь ответить	39,1	27	6	–
Степень интереса к политическим событиям	Внимательно слежу за политическими событиями	20,2	22,7	26,2	27,9
	Слежу за политическими событиями время от времени	23,9	24,7	25,7	27,7
	Политические события меня не интересуют	55,9	52,6	48,1	44,4
Частота участия в политических выборах	Да, регулярно	59,0	76,5	47,5	77
	Да, время от времени	35	17	37,9	13
	Нет, не участвую	6	6,5	14,6	10

Анализ материалов, полученных в ходе исследования, позволяет сделать следующие выводы. Сущностные характеристики общественно-политического участия мужчин и женщин в малом городе имеют общие и специфические черты.

К общим чертам могут быть отнесены невысокая степень общественной и политической активности (как среди мужчин, так и среди женщин), зависимость степени включенности в общественно-политическую сферу жизнедеятельности от сроков проживания в малом городе, а также зависимость общественно-политической вовлеченности мужчин и женщин от уровня образования и сферы деятельности.

В свою очередь, гендерные различия вовлеченности респондентов в общественно-политическую сферу жизни малого города состоят, во-первых, в

направленности общественно-политической деятельности мужчин и женщин (если для мужчин эта сфера жизнедеятельности является первичной сферой интересов, то для женщин — вторичной), во-вторых, в различной степени протестной активности (мужчины в большей степени готовы к участию в акциях протеста), в-третьих, в неодинаковом уровне интереса к политике (среди мужчин он выше, чем среди женщин).

Библиографический список

1. *Алтынбекова Г. А.* Гендерное измерение политического участия: новые концепции и подходы // Евразийское сообщество: общество, политика, культура. 1999. № 2.
2. *Дилигенский Г. Г.* Социально-политическая психология. М. : Наука, 2005.
3. Города Ивановской области / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ивановской области. Иваново, 2008.
4. *Козырева М. П.* Влияние неравенства на общественно-политическую активность населения. URL: http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=559&art_id=24803
5. *Темкина А. А.* Теоретические подходы к проблеме политического участия: гендерное измерение // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период / под ред. Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной, СПб. : Центр независимых социальных исследований, 1996.

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

ББК 60.561.51:60.542.22

И. С. Клецина

ОТЦОВСТВО В АНАЛИТИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ МАСКУЛИННОСТИ

Происходящие в российском обществе изменения не только затрагивают разные сферы общественной жизни (общественно-политическую, социально-экономическую, научно-образовательную), но также активно влияют на сферу приватной жизни людей, в частности на супружеские и детско-родительские отношения. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема изучения социальных и социально-психологических аспектов отношений в семье, вызванная ломкой традиционного гендерного порядка, основным следствием которого является сближение мужских и женских ролей и статусных позиций в обществе и в семье.

Наиболее заметные изменения происходят в сфере трудовой деятельности и производственных отношений, так как большинство семейных женщин совмещает профессиональную занятость и семейные обязанности, что освобождает их от традиционной привязанности исключительно к дому, семье и детям. Женщины все активнее осваивают те сферы профессиональной деятельности, где многие десятилетия производственные роли исполняли исключительно мужчины: военные структуры, сферы среднего и крупного бизнеса, высшего менеджмента и др. Не только профессиональные роли, но и статусные позиции женщин в общественной жизни постепенно приближаются к мужским. Уровень образования женщин, который не ниже, чем у мужчин, позволяет им продвигаться по карьерной лестнице и занимать руководящие должности. Мужчины утрачивают безраздельную монополию на высокостатусные позиции в сферах образования, государственного управления, бизнеса и даже в политике. Увеличение представительства женщин во властных структурах — заметная тенденция нашего времени [12].

Сходные тенденции отмечаются и в сфере брачно-семейных отношений. Все большее число мужчин наравне с женщинами занимаются домашним хозяйством и ориентированы на справедливый вариант распределения домашних обязанностей. Интенсификация работы многих матерей вне дома в условиях либеральной экономики неизбежно повлекла необходимость более активного участия молодых отцов в уходе за маленькими детьми и общения с ними [6, с. 5].

Общая тенденция повышения ценности личности проявляется в активизации процесса индивидуализации, который ведет к росту автономии индивидуального поведения относительно сложившихся норм мужского и женского

поведения. Новые (или «обновленные») мужчины и женщины демонстрируют новые типы и модели отношений друг с другом, в соответствии с которыми принцип доминирования и главенства в супружеских отношениях сменяется ориентациями на партнерство и паритет. По мнению И. С. Кона, «...ломка традиционного гендерного порядка закономерна и необратима. Ее причиной является не феминизм, а новые технологии, которые делают природные половые различия менее значимыми, чем раньше» [12, с. 38].

Несомненно, изменения в ролевом поведении мужчин и женщин связаны с изменяющимися нормативными эталонами маскулинности и фемининности, которые становятся менее жесткими и однозначными.

При рассмотрении вопроса о ролевом поведении мужчин и женщин в научной литературе основное внимание, как правило, уделяется проблемам женщин, особенно если речь идет о сложности согласования материнской и профессиональной ролей, семейной и профессиональной самореализации [7, 23]. Однако проблемы мужчин в роли родителей являются не менее значимыми и актуальными. Проблематика отцовства в контексте трансформационных процессов в сфере гендерных отношений является в нашей стране наименее изученной составляющей семейного взаимодействия; можно отметить лишь несколько работ отечественных авторов, посвященных изучению феномена отцовства с использованием гендерного анализа [6, 8, 12, 14].

Цель данной статьи заключается в рассмотрении феномена отцовства в контексте традиционных и новых подходов к пониманию маскулинности как нормативного эталона.

Отцовство (*fatherhood*) понимается как социальный институт, система прав, обязанностей, социальных ожиданий и требований, предъявляемых к мужчине как родителю и коренящихся в нормативной системе культуры и в структуре семьи. Другое значение термина «отцовство» (*fathering*) — это реальные практики, то есть деятельность, связанная с выращиванием и воспитанием детей [14, с. 305]. Отцовская идентификация — это процесс осознания себя в качестве родителя и принятие (или отрицание) имеющихся культурных норм поведения отца (принятие роли) [6, с. 106]. Феномен отцовства, так же как и материнства, может быть рассмотрен с двух точек зрения [3, 6, 14]: как *обеспечение условий развития ребенка* и как *часть личностной сферы мужчины*. Оба эти подхода взаимосвязаны. Они рассматривают один и тот же феномен с точки зрения двух его функций. Если отцовство рассматривается с первой точки зрения, то акцентируется влияние отца на развитие ребенка. Изучение отцовства с этой позиции включает анализ личностных вкладов отцов в развитие ребенка (детей). Рассмотрение отцовства со второй точки зрения позволяет выделить еще одну функцию отцовства — функцию самореализации мужчины. Родительство для мужчины такая же значимая сфера реализации себя, как и для женщины.

Проблематика отцовства относится к междисциплинарной сфере знания; представители разных дисциплин, используя понятийный аппарат своей науки и доминирующие в ней теоретические подходы, в данной теме исследуют частные вопросы. Так, к примеру, педагогов в большей мере интересуют воспитательные (чаще дисциплинирующие) практики отцов; психологи в большей

мере озабочены вопросом последствий в личностном развитии ребенка, воспитывающегося без отца; демографы рассматривают проблему ранней смертности мужчин и т. д.

С развитием гендерных исследований феномен отцовства стал изучаться комплексно и обобщенно. Использование социально-конструкционистской парадигмы в качестве базовой методологии гендерных исследований позволяет, прежде всего, говорить о 1) социокультурной обусловленности отцовства, 2) его зависимости от общественных условий, 3) динамичности отцовства в историческом контексте, 4) влиянии идеологии маскулинности на психологическое самочувствие мужчины в роли отца [6, 8, 14].

В целях научного анализа категория отцовства может быть исследована в контексте более общего концепта «маскулинность». Смысловое содержание и практическое наполнение отцовской роли обусловлено той конкретной моделью маскулинности, которая принята мужчиной как субъектом отцовской роли. **Маскулинность** — понятие, обозначающее социально сконструированные ожидания, касающиеся поведения, представлений, переживаний, стиля социального взаимодействия, соответствующих мужчинам, представленные в определенной культуре и субкультуре в определенное время [1, с. 8].

Исторически это понятие основывалось на представлениях о мужчинах и женщинах как естественно различающихся группах. Как и другие гендерные категории, маскулинность не имеет однозначного определения. В современном понимании маскулинность — социально конструируемый, исторически и культурно специфичный феномен. Маскулинность конструируется как социальными структурами и институциональными практиками, так и индивидуальными действиями.

Рассмотрим основные теоретические подходы к пониманию маскулинности и место отцовских ролей в этих концептуальных построениях.

Отцовские роли в теоретических подходах к пониманию маскулинности

Биолого-эволюционный подход. Основная мысль представителей данного подхода заключается в следующем: социальное поведение мужчин является результатом их природных биологических наклонностей, выработанных в результате эволюционного процесса [22, с. 154]. Биолого-эволюционный подход опирается на принцип естественного отбора эволюционной биологии и на принцип поведения, обусловленного поведенческими механизмами или инстинктами. Эти механизмы имели значение для выживания и закрепились в структурах головного мозга представителей популяции, которые выжили благодаря им [21, с. 332]. Биологические объяснения различий между полами подпитывались идеями эволюционных теорий. В середине XX века эволюционные теории являлись основанием *социобиологических* позиций.

Биологический детерминизм продолжает формировать социальные представления об «истинной природе» мужчин и маскулинности и в XXI веке. Логика рассуждения с точки зрения социобиологического подхода состоит в формировании в процессе эволюции явления *полового диморфизма*, то есть двух различающихся категорий людей, одной из которых оказались свойственны физическая агрессия, соревновательность, эмоциональная независимость и инструменталь-

ный подход к решению проблем, а другой — пассивность, склонность к сотрудничеству, заботе, эмоциональная зависимость. Биологические особи мужского пола соответствуют первой категории, а женского пола — второй.

Хотя, как отмечалось выше, многие полагают, что психологические и социальные различия между мужчинами и женщинами обусловлены биологическими факторами, строгие научные доказательства этой связи отсутствуют. Скорее наоборот: исследования предоставляют большое количество не подтверждающих ее результатов [19].

По законам эволюционной биологии мужской родительский вклад значительно меньше женского. Традиционный нормативный канон отцовства подразумевал не столько физический уход и заботу о детях, сколько реализацию властных полномочий в семье и социуме. Социальное расстояние между отцом и детьми нередко поддерживалось с помощью специальных ритуалов, правил избегания, передачи детей на воспитание в чужие семьи и т. д. Содержание и соотношение социально-педагогических функций отца — персонификация власти, кормилец, дисциплинатор, пример для подражания и непосредственный наставник сыновей в общественно-трудовой деятельности [14]. В семьях с традиционной моделью организации отношений дети дошкольного возраста обычно находятся на попечении матери. С семилетнего возраста детей начинает проявляться специфика в родительском влиянии в зависимости от пола ребенка: матери занимаются воспитанием девочек, подготавливая их к ролям матери и жены, а отцы уделяют основное внимание развитию мальчиков, прививая им полезные для жизни навыки, формируя трудовые умения и передавая опыт в конкретной сфере профессиональной деятельности.

Психоаналитический подход (классический психоанализ). Психоаналитическая теория З. Фрейда утверждает, что индивидуальные различия, ассоциируемые с маскулинностью и фемининностью, являются результатом сложного процесса решения бессознательного конфликта, характерного для раннего возраста. Зрелая личность с этой точки зрения представляет собой результат эмоционального развития в детстве. Особенности переживания в детстве психоаналитических комплексов (комплекса Эдипа и комплекса Электры) являются основанием для толкования содержания маскулинности и фемининности во взрослом возрасте.

Подобно биоэволюционной теории, психоанализ является эссенциалистским и универсалистским в том смысле, что он постулирует универсальные мужские свойства, а также механизмы и стадии формирования мужского характера. Однако в соответствии с психоаналитической точкой зрения черты мужского характера не заданы биологически, а формируются в процессе взаимодействия ребенка с родителями. Эти психодинамические процессы способствуют развитию такой маскулинной идентичности, которая является эмоционально независимой, склонной к соревнованию, вынужденной контролировать других в социальных отношениях, включая близкие отношения с женщинами.

В соответствии с тенденцией формирования мужской идентичности как противоположности женской идентичности мужчина в ситуации обретения новой для него роли отца также действует по аналогичному принципу: содержательная составляющая отцовской роли выстраивается как противоположность

материнской роли. Если мать основное время находится рядом с ребенком, то отец должен дистанцироваться от него; если мать проявляет эмоциональность и теплоту, то мужчина должен быть сдержанным в чувствах; если мать в первую очередь заботится об удовлетворении физиологических потребностей ребенка, то отец определяет свою задачу как заботу о развитии интеллектуально- и физического потенциала ребенка по мере его взросления.

Отцовская позиция и его ролевое поведение выступают как противоположные материнскому поведению.

Теории социализации. Маскулинность как гендерная роль. На протяжении XX века в социальных науках наиболее общепринятой концепцией для понимания специфики «мужского» была *теория половых ролей и социализации*. Концепт «половые роли» был разработан в середине XX века Т. Парсонсом. С точки зрения концепции гендерной социализации, существуют значительные различия между мужчинами и женщинами как социальными субъектами. Эти различия преимущественно являются результатом процесса социализации, который формирует женщин и мужчин для различных, но взаимодополняющих ролей. Т. Парсонс утверждает, что структурная дифференциация является требованием общества и разделение труда внутри семьи между «инструментальным» мужчиной и «экспрессивной» женщиной необходимо для адекватной социализации молодого поколения. Теории социализации предполагают, что ребенок обучается поведению и чертам, соответствующим девочке или мальчику, в семье, среди сверстников, в школе и других социальных институтах и в результате усваивает гендерно-специфические, «подходящие» его полу психологические характеристики и модели поведения. Мальчики усваивают модель инструментальной нормативной маскулинности, включающей ориентацию на освоение внесемейных ролей.

Дети наблюдают родительские модели поведения преимущественно в семье, поэтому, став отцами и матерями, мужчины и женщины часто повторяют стили поведения своих родителей. Если мужчина вырос и сформировался в семье с традиционной моделью поведения отца, то и в своей семье он в значительной мере будет следовать этой модели.

Гендерный подход как современная теория маскулинности и отцовства

В гендерных исследованиях проблематика отцовства стала изучаться позже, чем тема материнства. Роль отца стала широко обсуждаться и анализироваться в научной литературе лишь со второй половины 70-х годов XX столетия. Во многом это была реакция на успех женского движения «второй волны» и критику традиционных представлений о распределении родительских ролей. Отцовство стало рассматриваться не только как социальная функция, необходимая для правильного воспитания прежде всего сыновей, но и как важный элемент мужской идентичности [22].

Проблема отцовства в социокультурном контексте была актуализирована в русле мужских исследований. Современные теории маскулинности в целом отрицают биологический детерминизм и биолого-эволюционный подход как основание для понимания мужской и женской идентичности. Эти исследования

акцентируют иерархический характер социально конструируемых маскулинностей и анализируют то, как гендерные практики, идеологии и социальные структуры определяют друг друга, а также те символические и материальные отношения, в которых формируется представление индивида о маскулинности [1].

Во-первых, в гендерных исследованиях маскулинность трактуется как особая социальная идентичность, которая существует исключительно в определенном социуме и изменяется вместе с ним. По словам антрополога Дэвида Гилмора [4], маскулинность — это символический сценарий, бесконечно вариативный и не всегда необходимый культурный конструкт. Такая постановка вопроса позволяет трактовать маскулинность не как единое и стабильное целое, а как подвижную и изменчивую множественность.

Во-вторых, современная характеристика гендерных исследований мужчин и маскулинностей состоит в том, что наиболее важными для анализа видятся отношения доминирования и подчинения. Такой тип доминантно-зависимых гендерных отношений находит отражение в модели гегемонной (традиционной) маскулинности, которая имеет статус культурной нормы. У разных исследователей можно встретить различные по формулировкам, но близкие по смыслу основания построения нормативной маскулинности.

Роберт Брэннон одним из первых сформулировал четыре основных компонента мужской роли, то есть социально предписанные условия состоявшейся маскулинности: 1) необходимость отличаться от женщин; 2) необходимость добиваться успеха и опережать других мужчин; 3) необходимость быть сильным, независимым и не показывать слабость; 4) необходимость обладать властью над другими [26].

Психолог Джозеф Плек показал, что в основе становления мужской идентичности лежит «идеология мужественности» — набор социальных норм, содержащих предписания и запреты относительно того, что мужчинам надо чувствовать и делать. Структура этих ролевых норм складывается из трех факторов: 1) нормы статуса — ожидания того, что мужчина завоевывает статус и уважение других; 2) нормы твердости (умственной твердости — ожидания компетентности, эмоциональной — ожидания того, что мужчины в состоянии разрешать свои эмоциональные трудности без помощи со стороны, физической — ожидания физической силы); 3) нормы антиженственности [29].

Майкл Киммель выделяет следующие основания построения гегемонной маскулинности: антиженственность (маскулинность как бегство от фемининного); гомосоциальность (маскулинность как гомосоциальный спектакль); гетеросексуальность (маскулинность как гомофобия) [9].

Жанна Чернова в своем исследовании репрезентации маскулинности в российских мужских журналах 1990-х годов пришла к выводу о том, что гегемонная маскулинность, характерная для буржуазного либерализма, становится эталоном и предписанием для «настоящих мужчин» современной России. Образ «настоящего мужчины» включает следующие черты: «высокий уровень профессионализма, автономия, соревновательность, материальная независимость», «гетеросексуальность, гомофобия и “двойной стандарт” в предписываемых себе и другим, находящимся на более низких уровнях социальной стратификации мужчинам, а также женщинам, нормах» (цит. по: [22, с. 169]).

Несмотря на некоторые различия в составляющих гегемонной маскулинности, выделяемых разными авторами, явно видно то общее, что объединяет эти описания. Набор данных характеристик конструирует образ «мачо», опирающийся на представления о «мужском природном естестве» [22].

Следование нормативу *гегемонной маскулинности* не способствует успешной адаптации мужчины в быстро меняющемся обществе. Завышенные социальные и личные притязания («мужчина должен быть всегда и всюду первым и главным») и установка на силовое решение конфликтов («настоящий мужчина всегда выступает с позиции силы») способствует формированию конфликтности и агрессивности, которые часто не соответствуют индивидуально-психологическим характеристикам и возможностям реального мужчины. Это особенно болезненно проявляется в кризисных ситуациях, которых в современном быстро меняющемся мире становится все больше. Чувство, что он не оправдывает возложенных на него надежд и ожиданий, порождает у мужчины синдром «несостоявшейся маскулинности» и может способствовать усилению депрессивных настроений, социальной апатии, склонности к суициду, выработке стратегии «выученной беспомощности» (отказ от активной борьбы с трудностями и использование своей беспомощности в качестве средства эксплуатации других) [13].

Комплекс переживаемых мужчинами негативных состояний, ориентированных на реализацию нормативной маскулинности, был определен как гендерно-ролевой конфликт [30].

В гендерных исследованиях осуществляется переход от традиционного образа мужчины к попыткам взглянуть на место и роль мужчины в обществе с другой стороны. В рамках гендерного подхода и конструктивистской парадигмы маскулинность рассматривается не как природная данность, а как социальный конструкт, связанный со специфической доминантной позицией в сфере гендерных отношений. Главное достижение этого подхода — деконструкция идеи единой, «твердой», универсальной маскулинности. Существует множество типов маскулинности, однако каждый из них представляет своего рода предписанный сценарий, от реализации которого зависят относительная социальная успешность индивида, его самооценка и восприятие окружающими [1].

Анализ негативных последствий следования нормативному канону маскулинности приводит к необходимости преобразования смысла традиционной маскулинности и идеологии мужской «крутизны» в направлении нивелирования наиболее уязвимых компонентов традиционной мужской идентичности.

Традиционная гендерная идентичность в современном быстро меняющемся обществе подвергается огромным испытаниям, при этом размываются гендерные нормы и роли. Многие мужчины испытывают сильный дискомфорт, соотнося свое реальное Я с традиционными нормами маскулинности, и понимают, что многие острейшие проблемы невозможно решить старыми патриархатными способами. Ситуация в современном обществе такова, что мужчины подталкиваются жизнью (хотя и сильно сопротивляются при этом) к использованию «женских» практик, пересматривают свое отношение к воспитанию детей, домашней и профессиональной работе [11].

Трансформации в сфере гендерных отношений, происходящие в последние десятилетия, способствуют формированию модели *новой маскулинности*, включающей черты модернизированной мужественности. Новая модель не такая четкая и конкретная, как традиционная модель маскулинности, в ней больше вариаций и индивидуального своеобразия. Главная отличительная черта этой новой модели заключается в том, что она в равной степени ориентирует мужчин на самореализацию в профессиональной и семейной сферах [2]. И. С. Кон подчеркивает: «“Настоящий мужчина” сегодня — не только “силови́к”, но и ученый, инженер, художник, поэт-лирик и просто ласковый отец, а разные виды деятельности предполагают неодинаковые психологические свойства» [13, с. 14].

Исследований отечественных авторов, посвященных изучению составляющих новой эталонной модели маскулинности, пока немного (см., например: [10, 16, 17, 18]) тем не менее полученные в исследованиях данные свидетельствуют о том, что в нормативном эталоне маскулинности присутствуют фемининные черты. Изменения в новой модели маскулинности касаются и особенностей поведения мужчин в сфере семейных отношений: мужское доминирование и главенство уступают место эгалитарным тенденциям в поведении [2, 8, 14]. Особенно ярко это проявляется в сфере детско-родительских отношений. Если в рамках традиционной модели маскулинности в отношениях с детьми отец демонстрирует эмоциональную дистанцированность, невключенность в повседневные дела детей, властность, строгость и суровость в оценке их поступков и поведения, то *новый мужчина*, напротив, проявляет заботу о детях, устанавливает с ними доверительные и дружеские отношения, находится в постоянном контакте, чтобы понимать их проблемы и интересы и быть объективным, но доброжелательным в оценках их поступков [6, 8].

Модель новой маскулинности ориентирует современных мужчин на сохранение своей личностной индивидуальности и реализации себя в значимых социальных ролях. Реализация в рамках отцовской роли (особенно если речь идет о маленьких детях) — более доступная задача, чем самоутверждение в профессиональной сфере или гармонизация супружеских отношений, поэтому в сфере детско-родительских отношений наблюдаются и наиболее заметные изменения в мужском поведении.

Итак, использование гендерного подхода позволяет описать содержание нормативного канона маскулинности и показать те последствия для личностного развития, психологического здоровья и качества отношений мужчин с близкими людьми, к которым приводит жесткое следование этому эталону. Модель новой маскулинности, являющаяся альтернативой модели гегемонной мужественности, пока еще не находится в фокусе исследовательских интересов современных ученых и не проработана концептуально и эмпирически достаточно подробно. Она еще не утвердилась в публичном дискурсе, но стала основанием для построения новых моделей отцовства.

Гендерный анализ литературы по проблеме отцовства [3, 6, 14, 27, 28] позволяет соотнести особенности отцовского поведения с описанными моделями маскулинности. В процессе данного анализа акцент был сделан прежде всего на таких характеристиках поведения, как доминантность либо отсутствие до-

минирования в отношениях с детьми, эмоциональная сдержанность и холодность либо открытость и теплота в межличностных контактах, сходство либо различие практик отцовского и материнского поведения. В результате гендерного анализа был выделен ряд моделей ролевого поведения отцов.

Модели отцовского поведения в рамках традиционной модели маскулинности:

- *традиционный отец «старых времен»*, который заботится о своей семье как руководитель;
- *«отсутствующий отец»* (то есть отсутствующий прежде всего в психологическом плане, он может присутствовать физически, но почти не связан с отцовством).

Модели отцовского поведения в рамках новой модели маскулинности:

- *«ответственный отец»*, который активно включен в процесс ухода за детьми и их воспитания, однако вклад его в развитие детей меньше, чем у матери.
- *«новый отец»* как развивающийся тип мужчины (*new father*), который не только берет на себя ответственность за свою семью, но и делит поровну с супругой домашние обязанности и обязанности по уходу за детьми, их развитием и воспитанию.

Рассмотрим более детально выделенные модели отцовского поведения.

Традиционный отец. Традиционно гендерная роль отца, хотя и весьма различающаяся в разных культурах, сводится к следующим главным функциям: 1) обеспечение семьи/детей; 2) защита семьи/детей; 3) утверждение родительской власти как средства воспитания детей, приучение их к дисциплине, порядку, в случае необходимости — наказание детей [22, с. 198].

Традиционная «правильная» модель мужчины прежде всего связана с его работой и успехом как кормильца семьи: мужчина должен работать без усталости и усталости, делать карьеру, зарабатывать деньги, по возможности иметь успех и в семье. Но главное — кормить ее. Сознательно или подсознательно мужчины следуют данной модели, она руководит ими. При этом ограничиваются возможности освоения ими иных моделей ролевого поведения. Другой важный аспект традиционной роли отцовства — это руководящие функции в семье. «Традиционный» отец заботится о своей семье как руководитель, наставник, персонификатор власти. Такой отец всегда эмоционально сдержан, часто суров и строг. Традиционные отцы ни при каких условиях в своих занятиях или карьерных планах не идут на жертвы ради семьи. Традиционные модели отцовства сохраняются в нашем обществе, более того, они активно поддерживаются и насаждаются [25]. «Российские СМИ всячески подкрепляют традиционный стереотип властного отца» [14, с. 377].

Такая модель отцовства соответствует традиционной (гегемонной) модели маскулинности. Современным отцам сложно соответствовать данному образу, так как в большинстве семей мужчины уже не являются единственными кормильцами; защита детей от угроз современной цивилизации является задачей, значительно превышающей возможности отдельного человека; дистанцированный стиль взаимодействия с детьми не принимается ими и приводит к отчуждению и конфликтам в семье. Как правило, логическим продолжением

этой традиционной модели является «отсутствующий отец». Отцовство для таких мужчин означает лишь принадлежность к семье.

«Отсутствующий отец» — это отец, который практически не включен в повседневную жизнь своего ребенка (детей) либо утратил контакт с детьми вследствие развода; другими словами, отсутствующий отец — это мужчина, не имеющий психологического или физического контакта со своими детьми. Феномен отсутствующего отца наиболее широко был представлен в нашей стране в советское время. Гегемонная маскулинность обязывает мужчину быть первым везде и во всем, но соответствовать данному канону крайне тяжело. В советской России родительские права мужчин нарушались. Ж. Черновой в качестве причин дискриминации мужчин как родителей выделены следующие факторы: брачно-семейное законодательство; идеологическая и социальная поддержка родительства главным образом как материнства; государственная мобилизация мужчин, исключая их из сферы приватности; распространенность традиционных гендерных стереотипов, усугубленных гендерной политикой Советского государства. Государство рассматривало мужчину/мужа/отца в качестве проводника своей политики в семье и при этом значительно ограничивало возможности для самореализации мужчин в частной сфере, предоставляя им небольшой набор легитимных социальных ролей, главным образом связанных с «внешним», публичным миром. Сложившаяся практика нарушения прав отцовства наряду с невозможностью реализации мужчинами роли монопольного кормильца и доминированием женщин в приватной сфере явилась, по мнению исследователей, причиной кризиса маскулинности и отчуждения мужчин от отцовства [24].

По мнению М. Малышевой, гендерное неравенство в постсоветской семье даже увеличилось. Так, по данным московского обследования 1996 г. участие отца в воспитании детей, за вычетом дисциплинирования, которым занимается каждый четвертый отец, является не только факультативным, но нередко и символическим. По затратам времени отцовский вклад составляет от 8,5 % (помощь в приготовлении уроков) до 1,9 % (уход за больным ребенком) материнского вклада. Даже отвечая на вопрос, кто определяет, «что детям можно делать», решающую роль отцам отвели только 8,7 % жен и 8,2 % мужей [15, с. 269].

Эмпирические исследования, проведенные Т. А. Гурко [5, 6], свидетельствуют о том, что возникшая в советское время традиция отчужденного отцовства воспроизводится и в последующие десятилетия. Такое исполнение отцовской роли в наибольшей степени характерно для мужчин, работающих в старом секторе экономики и занятых трудом невысокой квалификации. Они не видят перспективы в передаче детям своих навыков и того, чему их учили родители, у них значительно снижен интерес к занятиям как с сыновьями, так и с дочерьми. Такие отцы, по свидетельству матерей, демонстрируют худшие образцы самоутверждения в своей маскулинности — авторитарность, агрессию, насилие, уход в алкоголизм. Основная стратегия общения с подростками в таких случаях — запреты и наказания вместо поощрения и демонстрации положительных видов деятельности [6, с.134].

Обусловленность реализуемой модели отцовского поведения традиционным канонам маскулинности подчеркивается и И. С. Коном: «Физическое от-

сутствие отца в патриархальной семье, его отстраненность от ухода за детьми — не только следствие его внесемейных обязанностей или его нежелания заниматься подобными делами, но и средство создания социальной дистанции между ним и детьми ради поддержания отцовской власти» [14, с. 315].

«Ответственный отец». Ответственное отцовство — это составная часть явления «ответственное родительство», которое формируется на основе принятия новой парадигмы маскулинности. «Ответственный и заботливый отец — одна из главных ипостасей “нового мужчины”» [14, с. 361]. Основными показателями такого отцовства являются: эмоциональная близость с детьми; вовлеченность в непосредственный уход, общение и игры с ребенком; забота о детях; ответственность за их физическое и личностное развитие.

Определенная группа мужчин, принадлежащих к успешным и активным социальным слоям, достигнув определенного уровня личного — материального и духовного — развития, начинает менять свое отношение к семейной жизни и проявляет активный интерес к воспитанию детей [20]. Они становятся равноправными участниками процесса подготовки к рождению ребенка — во многом нового аспекта семейных отношений и поведения будущих отцов. Самим отцам становится важно и интересно находиться в «информационном пространстве» процесса беременности. Будущие отцы помогают женам готовиться к родам, присутствуют при рождении детей, что, по мнению специалистов, формирует их эмоциональную связь с ними, осуществляют повседневный уход за маленькими детьми [6]. Отцы вместе с матерями ухаживают за маленькими детьми и активно включены в воспитание и развитие как сыновей, так и дочерей.

По данным Дж. Плека, дети активно вовлеченных отцов отличаются повышенной когнитивной компетентностью, повышенной эмпатией, менее стереотипными взглядами и более интернальным локусом контроля [31]. У детей заботливых отцов больше шансов на эмоциональное благополучие, они увереннее осваиваются в окружающем мире, а когда подрастают — имеют лучшие отношения со сверстниками [14].

Содержание отцовского поведения весьма похоже на материнское поведение, однако вклад отца в развитие и воспитание ребенка в целом меньше материнского вклада. Такие отцы пока не готовы отложить свои профессиональные дела и остаться дома на время болезни ребенка, оформив больничный лист; они также не готовы прервать свою карьеру, чтобы какое-то время вместо матери осуществлять уход за маленьким ребенком.

В случае развода такие отцы не прерывают контактов с детьми и сохраняют с ними психологическую связь.

«Новый отец» — наименее распространенный тип поведения по сравнению с предыдущими моделями, в большей мере характерный для западной, чем для отечественной культуры [28, 32, 33]. Всевозможные меры социальной политики, ориентированные на «активизацию» отцовства, активное конструирование образа «нового» — любящего, заботливого — отца способствовало увеличению участия мужчин в новых для них сферах родительского поведения [25]. Отличительной особенностью поведения «новых» отцов является реализация принципа эгалитарности во всех аспектах родительской роли. Такие от-

цы осуществляют постоянный контакт со своими детьми, они включены в их дела и проблемы, проводят с детьми много времени, играют с ними и помогают в учебе. Особенно заметен их вклад в воспитание детей до трех лет; если у традиционных отцов этот вклад ничтожен, то у «новых» отцов он примерно равен материнскому вкладу.

Главная отличительная особенность такой модели отцовского поведения заключается в том, что отец признает, что домашняя работа может быть альтернативой заработка, поэтому в определенные периоды жизни семьи он готов оставить свою профессиональную деятельность и быть так называемым домашним отцом, поскольку «тепло, заботливость и близость одинаково благотворны для ребенка, независимо от того, практикует ли их отец или мать» [14, с. 402]. В случае нарушения супружеских отношений и развода таким отцом осуществляется опека над детьми совместно с матерью. Мужчины этого типа сумели преодолеть представления о том, что активное и вовлеченное в жизнь детей отцовство несовместимо с маскулинностью.

«Новое отцовство» становится для мужчин одним из путей эмансипации, освобождения от зачастую навязанных социальных ролей. К тому же оно позволяет и внутренне изменить себя, преодолевая внешние барьеры социальных стереотипов [20].

Принятие новой модели маскулинности позволяет более продуктивно решать вопросы влияния на детей, лучше справляться с кризисными проявлениями в структуре мужской идентичности и способствует личностной самореализации мужчин.

Библиографический список

1. Берд Ш. Теоретизируя маскулинности: современные тенденции в социальных науках // *Наслаждение быть мужчиной: западные теории маскулинности и постсоветские практики* / под ред. Ш. Берд и С. Жеребкина. СПб. : Алетей, 2008. С. 7—37.
2. Берн Ш. *Гендерная психология*. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001.
3. Борисенко Ю. В., Портнова А. Г. Проблема отцовства в современном обществе // *Вопр. психологии*. 2006. № 3. С. 122—130.
4. Гилмор Д. *Становление мужественности : культурные концепты маскулинности* : пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2005. 264 с.
5. Гурко Т. А. *Родительство: социологические аспекты*. М. : Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 160 с.
6. Гурко Т. А. *Брак и родительство в России*. М. : Ин-т социологии РАН, 2008. 325 с.
7. Здравомыслова О. М. *Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации*. М. : Едиториал УРСС, 2003. 152 с.
8. Киммель М. *Гендерное общество* : пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2006. 464 с.
9. Киммель М. *Маскулинность как гомофобия: страх, стыд и молчание в конструировании гендерной идентичности* // *Наслаждение быть мужчиной: западные теории маскулинности и постсоветские практики* / под ред. Ш. Берд и С. Жеребкина. СПб. : Алетей, 2008. С. 38—57.
10. Клецина И. С. *Влияние маскулинных и фемининных характеристик на самоотношение мужчин и женщин* // *Конструирование маскулинности на Западе и в России* : межвуз. сб. науч.-метод. материалов. Иваново, 2006. С. 83—99.

11. *Козлова Н. Н.* Гендер и вхождение в модерн // *Обществ. науки и современность.* 1999. № 3. С. 164—174.
12. *Кон И. С.* Мужская роль и гендерный порядок // *Вестн. обществ. мнения.* 2008. № 2 (94). С. 37—43.
13. *Кон И. С.* Гегемонная маскулинность как фактор мужского (не) здоровья // *Социология: теория, методы, маркетинг : науч.-теорет. журн.* 2008. № 4. С. 5—16.
14. *Кон И. С.* Мужчина в меняющемся мире. М. : *Время*, 2009. 496 с.
15. *Мальшева М.* Современный патриархат : социально-экономическое эссе. М., 2001.
16. *Мальшева Н. Г.* Гендерные стереотипы в молодежных средствах массовой коммуникации : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.
17. *О муже(Н)ственности : сб. ст. / сост. С. Ушакин.* М. : Новое литературное обозрение, 2002. 720 с.
18. *Радина Н. К.* Изучение гендерной идентичности при помощи качественных методов: фокус-группа // *Гендерная психология : практикум.* 2-е изд. / под ред. И. С. Клециной. СПб. : *Питер*, 2009. С. 264—282.
19. *Реброва Н. П.* Взаимосвязь биологических и психологических характеристик личности: гендерный аспект // *Там же.* С. 48—73.
20. *Смирнов Д. А.* Современный российский мужчина в семье и о семье: стиль «молодого отца» в массовом сознании и поведении россиян // *Конструирование маскулинности на Западе и в России : межвуз. сб. науч.-метод. материалов.* Иваново, 2006. С. 58—79.
21. *Смит Н.* Современные системы психологии : пер. с англ. / под общ. ред. А. А. Алексеева. СПб. : *Прайм-ЕВРОЗНАК*, 2003. 384 с.
22. *Тартаковская И. Н.* Гендерная социология. М. : ООО «Вариант», 2005. 368 с.
23. *Темкина А. А., Роткирх А.* Советские гендерные контракты и их трансформация в советской России // *Социол. исслед.* 2002. № 11. С. 4—15.
24. *Чернова Ж.* Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания // *Российский гендерный порядок: социологический подход : коллект. монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной.* СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. С. 138—168.
25. *Шведова Н. А.* Гендерное равенство и устойчивое развитие: новые тенденции // *Женщина в Российском обществе : рос. науч. журн.* 2006. № 4. С. 3—21.
26. *Brannon R. C.* No «Sissy Staff»: The Stigma of Anything Vaguely Feminine // ed. by D. David, R. Brannon. *The Forty-Nine Percent Majority: The Male Sex Role.* Reading, Mass. : Addison-Wesley, 1976.
27. *Connell R. W.* *Masculinities.* Berkeley, CA: University of California Press, 1995.
28. *Johansson T., Klinth R.* Caring Fathers. The Ideology of Gender Equality and Masculine Positions // *Men and Masculinities.* 2008. Vol. 11, № 1. P. 42—62.
29. *Pleck J. H.* *The Myth of Masculinity.* Cambridge, 1981.
30. *Pleck J. H.* Paternal Involvement: Levels, sources, and consequences // *Role of the Father in Child Development.* 3rd ed. / ed. by M. E. Lamb. New York, 1995. P. 581—592.
31. *Pleck J. H.* The Gender Role Strain Paradigm: An Update // *A New Psychology of Men / ed. by R. F. Levant, W. S. Pollack.* New York: John Wiley & Sons, Inc., 1997. P. 66—103.
32. *Shows C., Gerstel N.* Fathering, Class, and Gender: A Comparison of Physicians and Emergency Medical Technicians // *Gender & Society.* 2009. Vol. 23, № 2. P. 161—187.
33. *Wall G., Arnold S.* How Involved is Involved Fathering? An Exploration of the Contemporary Culture of Fatherhood // *Gender & Society.* 2007. Vol. 21, № 4. P. 508—527.

ББК 60.561.51:60.561.3

И. В. Соколова, Т. А. Аймалетдинов

УЧАСТИЕ СЕМЬИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ МУНИЦИПАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ

Образ жизни современной российской семьи характеризуется динамичностью, внутренним разнообразием, сложной структурой и многовариантностью. В то же время образ жизни семьи претерпевает значительные изменения, главным образом определяемые появлением новых, а также видоизменением традиционных видов и форм ее жизнедеятельности. Поэтому важнейшей задачей современной социологии является анализ трансформаций всех сторон жизни семьи для создания комфортных условий реализации ее социального потенциала.

Не только в России, но и во многих других развитых странах мира все более четко проявляется устойчивая тенденция: социальное и физическое пространство жизни семьи, всех ее членов стремительно локализуется в черте границ муниципальных образований (городов, районов), а на первое место выходят потребности обеспечения комфортных и безопасных условий жизни, широких возможностей в продуктивном использовании появившегося свободного времени, саморазвития, самореализации, общения с друзьями и соседями, обучения и воспитания детей. Муниципальное сообщество при этом становится социальной группой, которая включает в себя семьи географически локальной территории, объединяет их интересы, позволяет решать муниципальные вопросы, проводить гражданскую экспертизу властных решений, улучшать условия и повышать качество жизни.

Как известно, образ жизни семьи представляет собой совокупность взаимосвязанных элементов, системно описывающих ее жизнь в многомерном пространстве общественных отношений. Так, например, предлагается понимать под образом жизни именно систему сфер жизнедеятельности, которые характеризуют социальный субъект (семейно-бытовая сфера, общественно-политическая, производственно-управленческая, духовная и т. д.) [3, с. 18]. При этом в самом широком смысле современная отечественная социология интерпретирует это понятие как устойчивый, сложившийся в определенных общественно-экономических условиях способ жизнедеятельности людей, проявляющийся в нормах их общения, поведения, складе мышления [4, с. 108].

Придерживаясь приведенного определения образа жизни семьи, выделим основные компоненты, ключевые сферы ее жизнедеятельности. Анализ современных научных источников показал [1, с. 77—85], что выделяются, как правило, пять ключевых составляющих образа жизни семьи: бытовая деятельность, социально-культурная деятельность, досуговая деятельность, социально-

экономическая и трудовая деятельность, а также общественно-политическая деятельность.

Первые четыре сферы жизни семьи стали предметом изучения авторитетного круга специалистов, тогда как общественно-политическая активность этой социальной группы остается малоизученной и в то же время крайне актуальной проблемой.

Исследование образа жизни семьи в целом и ее общественно-политической активности становится особенно актуальным и значимым именно в контексте информатизации общества, развития информационной среды всех сфер его жизнедеятельности [6, с. 20—26].

Информатизация общества способствует поляризации образа жизни современной семьи, усиливая и изменяя статус как позитивных, так и негативных его слагаемых, что, соответственно, насущно требует совершенствования образа жизни семьи в целом.

Проблема исследования участия семей в общественно-политической жизни понимается авторами как противоречие между широкими возможностями использования информационных и коммуникационных технологий для такого участия и реальной практикой в целом недостаточной политической активности семей, как правило, в русле традиционных неинформационных форм.

Несомненно, среди множества внешних факторов (социально-экономическая, культурная, экологическая среда и т. д.), влияющих на образ жизни семьи, особое место занимает государственная семейная политика. Однако есть и существенный субъективный фактор — гражданская активность семьи как субъекта политического процесса.

В настоящее время семейную политику как часть социальной политики исследуют многие известные социологи (В. И. Жуков, О. В. Кайлова, В. И. Фомичева, Г. И. Осадчая, С. В. Дармодехин, А. И. Антонов, Г. И. Климантова, Ж. Е. Чернова и др.). В то же время изучение семьи как субъекта политики и элемента гражданского общества, в том числе в контексте его информатизации, пока остается на начальном этапе (данная проблематика пока представлена немногочисленными зарубежными работами [7, 8]). Актуальность этой темы в условиях развития гражданского общества в России очевидна, поскольку именно в семье закладываются основы политической культуры, социальной ответственности, гражданской и социальной активности [2, с. 23].

Учитывая это, в 2009 году авторами статьи было разработано и проведено социологическое исследование «Образ жизни современной семьи в муниципальном сообществе мегаполиса», в основе которого лежала эмпирическая модель в контексте приведенного выше варианта операционализации понятия «образ жизни семьи». Целью этого исследования стало получение статистически значимых данных об образе жизни семьи по месту ее непосредственного проживания — в муниципальном районе. При этом особый исследовательский интерес представляли данные о том, насколько важной стороной жизни в современной семье считается ее общественно-политическая деятельность, как формируется, воспитывается в семье и реализуется на практике гражданская культура, какова доля семей, активно участвующих в местном самоуправлении.

В ходе исследования было опрошено 600 московских семей, из которых 400 представляли район «Савеловский», а 200 — муниципальные районы «Аэропорт», «Тимирязевский», «Беговой» и «Тверской»¹.

Первоочередной задачей исследования являлось выявление иерархии сфер жизнедеятельности современной семьи и места общественно-политического слагаемого в этой системе. Как показало исследование (рис. 1), приоритетной сферой жизни для большинства московских семей является ведение домашнего хозяйства и создание комфортных жилищных условий (66 %), вторую позицию занимают отдых и досуг (62 %), третье место — социально-культурная деятельность, на четвертой позиции — работа, труд и профессиональная самореализация (54 %). Наименее важной сферой жизни для абсолютного большинства опрошенных семей является участие в общественно-политической жизни (3 %), что свидетельствует о фактическом отсутствии активной гражданской позиции, традиций семейного участия в жизни общества и государства, муниципального сообщества.

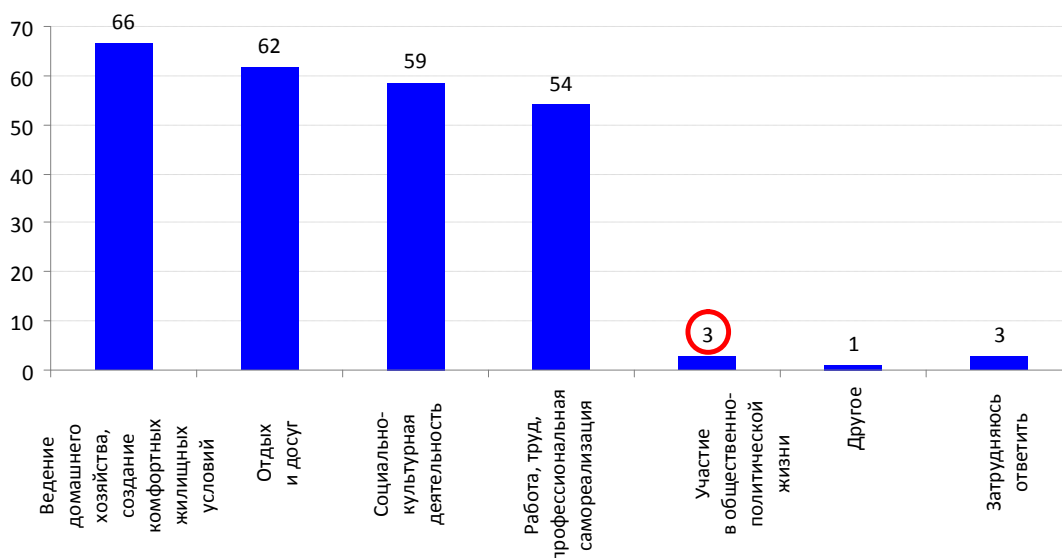

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Какие стороны жизни являются для Вас наиболее важными?», в % от всех опрошенных

Известно, что подобная слабость связи власти и населения отражает состояние общей политической апатии основной массы горожан: они в такой же мере равнодушны и к деятельности ТОСов, и к деятельности общественных движений и партий, и к другим формам гражданского участия. Ответственность за подобную апатию, по мнению исследователей, в значительной мере лежит на власти: гражданская активность населения колеблется в зависимости от той политики, которую проводят власти, в том числе городские. Подъем

¹ Опрос проводился методом личного формализованного интервью (N=600). Полученные статистические данные анализировались с применением методов одномерного и многомерного статистического анализа и анализа структуры данных.

гражданской активности может произойти самопроизвольно, по мере нарастания объективных изменений в городской среде, но его можно и организовать, проводя соответствующую целенаправленную политику. Учеными при этом анализируются информационные каналы, по которым горожане узнают о деятельности местных властей, а также предлагаются современные эффективные социальные технологии управления городом [2, с. 23—31].

Приведенные данные, однако, не описывают ситуацию в динамике. На данном этапе сложно судить, в каком направлении развиваются традиции гражданского участия семьи в местном самоуправлении и общественных делах по месту жительства. Анализ ответов на вопросы, каждый из которых был направлен на определение динамики изменения соответствующей сферы жизни семьи, показал следующие результаты (рис. 2). На фоне сокращения свободного времени во многих семьях больше внимания стало уделяться работе (52 %), домашнему хозяйству (39 %) и социально-культурной деятельности (31 %). Что касается участия в общественно-политической жизни, то наблюдается незначительная отрицательная динамика — только 9 % указали, что их семья за последние 2—3 года стала больше внимания уделять участию в общественно-политической жизни, еще 14 % ответили, что данная сфера стала для них менее приоритетной. Большинство опрошенных считают, что ситуация в этой сфере не изменилась: 47 % отметили, что в их семье никогда не уделялось особого внимания общественно-политической жизни, а еще 9 % — что всегда принимали активное участие в жизни общества и государства.

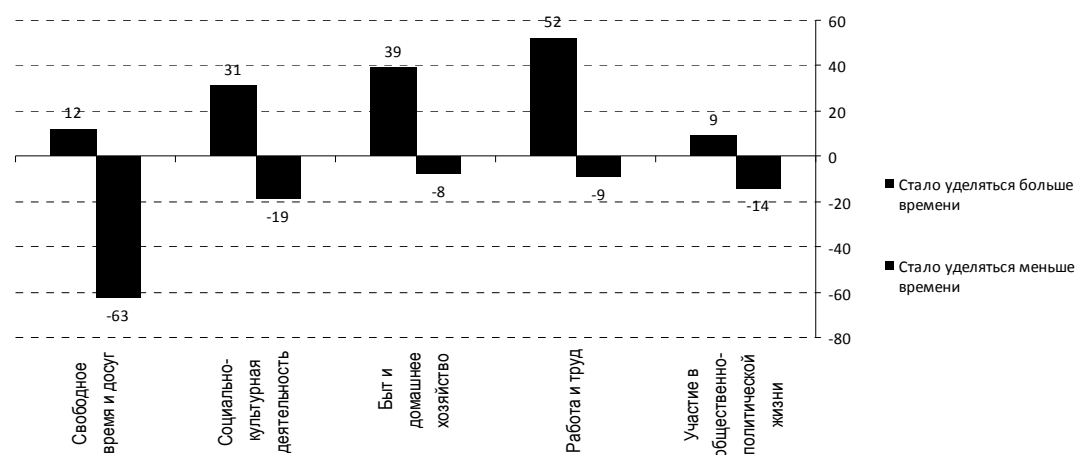

Рис. 2. Динамика сфер жизнедеятельности семьи за последние 2—3 года, % (рассчитывались доли ответов «Стало уделяться больше времени» / «Стало уделяться меньше времени» применительно к каждой из сфер)

Таким образом, лишь каждая десятая семья является сегодня в той или иной мере активным участником общественно-политической жизни, субъектом формирующегося гражданского общества. Еще столько же постепенно включается в этот процесс. Причем в последние годы наметилась тенденция сокращения этой незначительной категории семей, проявляющих интерес к общественной жизни, властям и местному самоуправлению.

Кто эти семьи и каковы их ценности, интересы и потребности, в чем заключаются особенности их образа жизни? Четко представляя себе ответы на эти вопросы, можно более детально понять и изучить мотивы общественной и гражданской активности российских семей. В дальнейшем эта информация может лечь в основу социальных технологий привлечения широкого круга семей к участию в политическом процессе.

С точки зрения социально-демографических особенностей (табл. 1), это молодые семьи или семьи, в которых возраст родителей превышает 45 лет. Причем участие в общественно-политической жизни практически не связано с уровнем образования родителей. Важным критерием выступает материальное положение. Доля тех, кто принимает активное участие в жизни общества, почти в три раза выше среди представителей высокодоходных групп, нежели среди семей с невысоким материальным достатком.

Таблица 1

Социально-демографические характеристики выборки и семей, активно участвующих в общественно-политической жизни, %

Характеристика	Значение	Все опрошенные	Семьи, активно участвующие в общественно-политической жизни
Возраст	До 34 лет	31	36
	35—44 года	54	43
	Старше 45 лет	15	21
Образование	Среднее образование и ниже	5	4
	Среднее специальное образование	18	16
	Высшее образование (в том числе неоконченное)	77	80
Какое из перечисленных описаний точнее всего соответствует материальному положению Вашей семьи?	Денег не хватает даже на питание	5	4
	На питание денег хватает, но не хватает на покупку одежды и обуви	9	10
	На покупку одежды и обуви денег хватает, но не хватает на покупку бытовой техники	21	14
	Денег вполне хватает на покупку крупной бытовой техники, но мы не можем купить новую машину	26	24
	Денег хватает на все, кроме таких дорогих приобретений, как квартира, дом	31	29
	Материальных затруднений не испытываем, при необходимости могли бы купить квартиру, дом	7	19

Могут быть выделены и другие статистически значимые отличия выделенной группы семей, проявляющих активную гражданскую позицию:

- более внимательное отношение к происходящим в районе событиям (27 % внимательно следят за происходящими в районе событиями против 13 % по выборке в целом);

- более полная включенность в муниципальное сообщество, характерны развитые отношения с другими семьями, проживающими в районе (87 % дружат с семьями, проживающими по соседству, против 78 % по выборке в целом);

- преобладание более активных и культурно-направленных форм досуга (посещение спортивных залов, секций, спортивные игры на воздухе: 33 % против 26 % по выборке в целом; посещение театров, концертов, кино и музеев: 66 % против 58 % по выборке в целом);

- интерес и доверие к местным СМИ, к неформальным каналам коммуникации (21 % доверяют местному телевидению против 16 % по выборке в целом; 31 % доверяют родственникам, членам семьи против 26 % по выборке; 19 % доверяют соседям по дому против 10 % по выборке в целом).

Особый исследовательский интерес представляют *формы общественно-политического участия семьи* в жизни района или города (табл. 2). Так, было выявлено, что для большинства семей участие в общественно-политической жизни ограничивается голосованием на выборах в городские органы власти и органы местного районного самоуправления (47 %). При этом 18 % указали, что участвовали в коллективном благоустройстве подъездов, домов, детских площадок и окружающих территорий, а 12 % — в благотворительной деятельности. Каждая четвертая опрошенная семья ответила, что ни в чем подобном ей участвовать не приходилось (27 %).

О чем могут свидетельствовать полученные данные и какова доля тех семей, которые в той или иной форме участвуют в общественно-политической жизни муниципального сообщества? Для сравнения приведем ответы на схожий вопрос в исследованиях гражданской активности в одном из крупных городов провинции Онтарио (Канада) [9, с. 138—140]. Согласно опубликованным данным, участие в выборах местной администрации в 2006 году приняло 78 % взрослого населения города, при этом практически каждый третий житель (27 %) указал, что участвовал в собраниях и демонстрациях по вопросам местного значения. Более половины жителей города (67 %) состоят в одной из десятков городских общественных организаций. Примеры других стран также являются показательными, демонстрируя сопоставимые данные².

Общественно-политический нигилизм современной городской семьи проявляется и в крайне низкой осведомленности о деятельности местной власти и органов местного самоуправления. Едва ли показателем интереса к местной политике и местному самоуправлению может служить явка на прошедшие выборы. Последнее является зачастую тем, что М. Вебер называл «традиционным социальным действием», совершаемым, как правило, без осмысления, на основе

---

² Проект «The eUSER» (<http://www.euser-eu.org>). Исследование проведено в 10 странах Европейского союза в марте 2007 г. Опрошено 10 000 респондентов (1000 респондентов в каждой стране).

усвоенных социальных образцов поведения и норм. Так, по данным исследования, 47 % семей участвовали в выборах городских органов власти и органов местного самоуправления. Однако лишь 8,5 % осведомлены о деятельности управы района и только 5 % — о деятельности органов местного самоуправления.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Если Вам приходилось участвовать в общественно-политической жизни района, то в какой форме?», %

Вариант ответа	Все опрошенные	Семьи, активно участвующие в общественно-политической жизни
Участие в выборах городских органов власти, органов местного самоуправления	47	60
Участие в проведении избирательной кампании (сбор подписей, агитация)	5	7
Участие в митингах, демонстрациях, пикетах по поводу событий в жизни города, района	2	4
Участие в деятельности районных общественных организаций (правозащитных, религиозных, благотворительных, экологических)	1	3
Участие в деятельности политических партий, движений, профсоюзных организаций	3	1
Подписание обращений, петиций по поводу событий в жизни вашего города, района	4	10
Коллективное благоустройство подъездов, домов, детских площадок, окружающих территорий	18	17
Участие в работе домкомов, кооперативов, местном общественном самоуправлении	4	4
Сбор средств, вещей для людей, попавших в тяжелое положение, благотворительность	12	19
Другое	1	1
Нет, ни в чем подобном участвовать не приходилось	27	7
Затрудняюсь ответить	14	7

Анализируя причины сложившейся ситуации, когда лишь каждая десятая семья принимает участие в общественно-политической жизни, следует остановиться на мотивах и стимулах, которые могли бы повлиять на гражданскую активность современной семьи. Так, в ходе исследования семьям задавался вопрос: «Что, прежде всего, может подвигнуть Вас на активное участие в жизни района, мероприятиях, организуемых его жителями?» Согласно полученным данным (табл. 3), каждая вторая семья (44 %) хочет видеть гарантии того, что ее участие принесет реальную пользу. Еще 36 % указали, что стали бы участвовать в общественно-политической жизни при наличии свободного времени. А каждая четвертая семья (24 %) отметила, что ей необходима полная осведомленность о том, где проводятся общественные мероприятия и как принять в них участие.

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос
«Что, прежде всего, может подвигнуть Вас на активное участие в жизни района, мероприятиях, организуемых его жителями?», %**

Вариант ответа	Доля выбравших
Гарантии того, что мое участие принесет реальную пользу моей семье и всем жителям района	44
Наличие свободного времени	36
Полная осведомленность о том, где проводятся общественные мероприятия	24
Желание отстоять свои права	13
Осознание того, что это социально полезное и одобряемое дело	12
Возможность повлиять на политику местных властей	8
Возможность заработать	8
Поддержка и активное участие со стороны соседей, других жителей	5
Ничто не может заставить меня участвовать в общественной жизни	4
Угроза общественного порицания со стороны соседей по дому, товарищей, близких	0
Другое	0
Затрудняюсь ответить	21

Роль семьи в формировании гражданского общества видится особенно важной, поскольку ее включение в общественно-политическую жизнь напрямую определяет реализацию семейных интересов, решение ключевых проблем жизнедеятельности. Зарубежный опыт показывает, что, выступая структурным элементом гражданского общества, семьи наиболее активно объединяются в сообщества на муниципальном уровне, так как именно в рамках реализации местного самоуправления можно наиболее эффективно решать общие для жителей проблемы, выбирать наиболее приемлемые направления и средства повышения качества жизни. С точки зрения специалистов, в настоящее время низкая гражданская активность является следствием сложной социально-экономической ситуации в стране [5, с. 178—185]. С ростом уровня жизни политическое участие семьи в местном самоуправлении, безусловно, будет приобретать особую ценность, выступая эффективным инструментом управления качеством жизни.

Логичным в то же время является вопрос о том, какие новые средства и формы привлечения жителей к демократическому управлению и самоуправлению сегодня могут быть востребованными. Ведь арсенал традиционных приемов вовлечения широких масс в жизнь общества и государства (от агитации до административных методов) неэффективен.

Значительное внимание в течение последних лет в России и во многих странах мира уделяется развитию «электронного государства» («электронного правительства», e-government).

Общая идея информатизации органов государственной власти и местного самоуправления состоит в создании комфортной информационной среды, в кото-

рой граждане могут свободно получать информацию о деятельности органов власти и в то же время иметь возможность активно включаться в политику — от проведения демократической экспертизы властных решений до участия в выборах федерального, регионального и местного уровня. Инструменты электронного правительства в этом контексте могут сегодня быть адекватной и эффективной социальной технологией вовлечения широкого круга семей в управленческие процессы на местном уровне, особенно если речь идет о крупных городах и мегаполисах с присущим им высоким уровнем информатизации социальной среды.

В рамках реализации ФЦП «Электронная Россия» за последние годы были созданы сотни сайтов местных органов власти и органов местного самоуправления, через которые жителям предоставляется возможность получать всестороннюю информацию о развитии города/района, работе различных служб и организаций, обращаться к представителям местной власти и органам самоуправления. Однако реальная эффективность функционирования данных сайтов снижается их недостаточной информативностью, пока еще относительно невысоким уровнем использования Интернета в России, а также недостаточной информационной и политической культурой общества. Так, например, согласно данным ВЦИОМ, правильно определяют местное самоуправление сегодня лишь 37,5 % россиян, в то время как большинство — 62,5 % — неверно представляют себе его сущность либо затрудняются дать его определение³.

В то же время активное гражданское участие семьи в решении вопросов местного значения является нормой развитых демократических государств. Электронные сервисы местных органов власти и органов местного самоуправления являются важнейшей составляющей информационной среды муниципальных сообществ многих стран. В ходе исследования, проведенного в рамках проекта «The eUSER» среди стран Европейского союза, было выявлено, что более 70 % опрошенных европейцев за последние полгода обращались в органы государственной власти и местного самоуправления, из них 17,1 % делали это через Интернет. Наиболее высокая доля тех, кто использовал инструменты «электронного правительства» для обращения к органам власти, была отмечена в Дании (36,1 %), Франции (28,4 %), Ирландии (23,3 %) и Великобритании (23 %) ⁴.

В настоящее время в России информирование граждан по вопросам локального значения продолжает осуществляться средствами традиционной информационной инфраструктуры — местных СМИ, досок объявлений и т. д., а обращения граждан в органы государственной власти, как правило, происходят в форме личного визита или телефонного звонка. Несмотря на возможности обращения к местной власти и органам местного самоуправления через интернет-сайт или по электронной почте, данный канал взаимодействия пока остается мало востребованным, хотя и обладает весомыми преимуществами с точки зрения экономии времени, удобства и оперативности.

В то же время в условиях массовой информатизации интернет-коммуникация с местными властями и органами местного самоуправления приобретает новое значение: семьи могут оперативно получить информацию по вопросам развития социальной инфраструктуры района или города, юридические, психо-

---

³ По данным базы данных «Архивариус» на сайте ВЦИОМ (www.wciom.ru).

⁴ См. примеч. 2 на с. 47.

логические консультации и другую ценную для них информацию. В ряде зарубежных стран политическое участие граждан в жизни местного сообщества также реализуется при выборах местного самоуправления через Интернет. Интересным и полезным здесь может быть опыт Эстонии, где уже несколько лет выборы в органы местного самоуправления проводятся через глобальную сеть, а также активно разрабатываются технологии мобильного голосования.

Сайты местных органов государственной власти и органов местного самоуправления также могут стать инструментом получения социологической информации о социальном самочувствии семей и местного сообщества в целом, о наиболее актуальных и волнующих вопросах развития территории муниципального образования, об отношении жителей к принимаемым управленческим решениям и многим другим проблемам. В настоящее время на многих сайтах муниципальных образований размещены онлайн-опросы, однако их содержание зачастую свидетельствует о непрофессионализме в разработке программы исследования, о несистемном характере его проведения, отсутствии мониторинговых замеров, редком дополнении онлайн-исследований традиционными исследовательскими процедурами.

В этой связи особенно актуальна совместная работа органов местной власти и самоуправления, профессиональных исследовательских коллективов по генерированию качественной социологической информации, ее дальнейшему применению в целях повышения качества жизни муниципального сообщества, создания комфортных условий жизни семьи и развития всех форм ее жизнедеятельности.

Таким образом, участие семьи в общественно-политической жизни муниципального сообщества в условиях новой информационной среды требует как совершенствования образа жизни семьи, всех его взаимосвязанных слагаемых, формирования нового, информационного образа жизни семьи, так и совершенствования информационной среды муниципального сообщества, повышения его информационной культуры.

Библиографический список

1. *Аймалетдинов Т. А.* Изменение образа жизни семьи в условиях информатизации общества // Социальная политика и социология. 2009. № 1.
2. *Заборова Е. Н.* Участие граждан в управлении городом // Социол. исслед. 2002. № 2.
3. *Капустин Е. И.* Уровень, качество и образ жизни населения России. М., 2006.
4. Краткий словарь по социологии / авт.-сост. П. Д. Павленок. М., 2001.
5. *Салморбекова Р.* Местное самоуправление как социальный институт в период трансформации общества // Социология: теория, методы, маркетинг. 2005. № 3.
6. *Соколова И. В.* Информатизация общества как объект социологического исследования // Ученые записки РГСУ. 2008. № 4.
7. *Barnes J., Katz I.* Children and Families in Communities: Theory, Research, Policy and Practice. Wiley, 2007.
8. *Coleman S., Blumler J.* The Internet and Democratic Citizenship: Theory, Practice and Policy (Communication, Society and Politics). London, 2009.
9. *Soderstrom M.* Green City: People, Nature & Urban Places. Toronto, 2006.

ББК 60.561.51:60.542.22

А. В. Смирнов

РОЛЬ ОТЦА В ФОРМИРОВАНИИ ОТНОШЕНИЯ К АРМИИ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Современная российская армия, на протяжении последних двух десятилетий претерпевающая трансформацию под влиянием общественно-политических и социально-экономических факторов, столкнулась с рядом системных проблем, обуславливающих снижение ее боеспособности и приводящих к значительным функциональным сбоям. Прежде всего это проблемы, связанные с призывом на срочную военную службу. Трансформационные процессы, произошедшие в армии постсоветской России, не затронули главный принцип комплектования Вооруженных сил, основанный на всеобщей воинской обязанности, согласно которой каждый гражданин мужского пола по достижении определенного возраста должен пройти военную службу по призыву. Вместе с тем с начала 90-х годов наблюдается снижение положительной мотивации молодежи к службе в армии. В качестве одной из причин этого часто называют исключение ценностей военной службы¹, ранее общепринятых (прежде всего в советский период), из системы значимых индивидуальных ценностей допризывной молодежи. Важную роль в этом процессе играет семья как главный агент социализации. При этом при изучении влияния типа семьи на отношение к тому или иному объекту или явлению рассматривается прежде всего состав семьи: полная или неполная.

Существенным здесь является само отсутствие одного из родителей. Отец и мать в воспитании детей дополняют друг друга. «Тот крепкий сплав мужественности, твердости характера, который идет от мужского начала в семье, и мягкость, сердечность, идущие от женского, благотворно сказываются на детях обоего пола. Но особенно он необходим для мальчика» [9, с. 220]. В многочисленных исследованиях, посвященных изучению роли отца, проводимых в последние десятилетия, доказано, что отцовское влияние часто оказывается независимым от материнского или, по крайней мере, таким же важным, как материнское [4, с. 15].

Учитывая, что основной причиной образования неполной семьи является развод супругов² и тот факт, что в более чем в 90 % случаев дети разведенных

© Смирнов А. В., 2009

¹ Служба в армии способствует становлению мужественности (только в армии можно стать «настоящим мужчиной»), содействует физическому развитию, формирует необходимые для дальнейшей жизни личностные качества, умение жить в коллективе, развивает чувство самоуважения, дает уважение в обществе и т. д.

² В качестве других причин, обуславливающих образование неполных семей, выступают внебрачная рождаемость, показатели которой в последние годы неуклонно возрастают (в России в последние десятилетия число детей, рожденных вне брака, вы-

родителей остаются с матерью, а не с отцом, можно выделить целый ряд проблем, касающихся социализации подростка. Прежде всего они связаны с самоидентификацией подростка.

При отсутствии одного из родителей самовосприятие ребенка концентрируется на образе того из родителей, который живет вместе с ним и заботится о нем, причем эта тенденция больше выражена у мальчиков, воспитываемых матерью, нежели во всех остальных случаях [2, с. 81; 10, с. 286—287]. Этому может способствовать множество факторов:

- «патологическая форма» отношения к своему ребенку со стороны матери, зачастую выраженная в чрезмерной любви к нему, в необоснованной всеобъемлющей опеке [9, с. 217];
- возрастание авторитета матери, связанное с материальной и духовной зависимостью от нее; отец при этом рассматривается как жизненно менее важный объект [3, с. 110];
- обида и агрессия (особенно если развод произошел в раннем детстве) в отношении отца (в некоторых случаях и в отношении матери, позволившей отцу уйти) [3, 6, 10];
- восприятие отца как девианта, в случае если развод произошел по причине его девиантного поведения (например, пьянства), или чрезмерная ориентация ребенка на оценочные суждения матери в отношении отца, зачастую необъективные [10, с. 135—140] и др.

Помимо прочего, дети как из полных семей, так и из неполных выбирают приоритетным советчиком по мировоззренческим вопросам, проблемам перспективного самоопределения мать. Однако для «детей развода» характерно более высокое предпочтение матери, что связано прежде всего с отсутствием в семье отца. В неполных семьях обращаемость детей к отцу за советом в крайней степени незначительна [3, с. 110—111].

Таким образом, мальчик в неполной семье (где воспитание ведет мать) во многом идентифицирует себя с женским началом, опираясь в своей деятельности и жизненных взглядах на оценки и опыт матери. Эта идентификация тем выше, чем раньше он лишается общения со своим отцом. Взрослея, мальчик постепенно все больше осознает свое «мужское бытие» и ищет отца, отождествление с которым способствует отделению от матери и деидентификации с ней [4, с. 15—16].

Не испытывая влияния со стороны мужчины (в том числе и мужского авторитета), дети из неполных семей, как правило, не могут восполнить этот пробел в школе, где преподавательский коллектив состоит преимущественно из женщин. Тем самым психическое развитие ребенка принимает односторонний характер, ему недостает как раз того, в чем выражается особенность мужской психики. Как результат — псевдозрелость таких детей. Учеными отмечено, что отсутствие эмоционального и интеллектуального контакта с отцом приводит к снижению социальной активности мальчиков, в том числе их интереса

росло почти в три раза по сравнению с началом 1970-х годов), и непропорциональный рост смертности мужчин в трудоспособном возрасте от неестественных причин [3, с. 110; 5, с. 131].

к учебе, способствует инфантилизму. Наступает кризис половой идентичности: идеальные представления об истинной мужественности и ее атрибутах и реальные представления подростка («каким я должен стать мужчиной и что я должен для этого делать») находятся как бы в разных плоскостях и практически не пересекаются. Естественно, что регулирующая функция идеальных образов становится незначительной, атрибуты мужественности теряют свою актуальность, получают распространение тенденции феминизации мужского поведения. Последствия, перечисленные нами, несколько сглаживаются при регулярном общении с отцом [1, с. 484; 3, с. 113; 9, с. 220].

С учетом перечисленных выше факторов можно предположить влияние типа семьи, в которой воспитываются потенциальные призывники, на формирование их отношения к армии, служба в которой на протяжении многих десятилетий воспринималась как неотъемлемый этап становления «настоящего мужчины». Наличие такого влияния находит подтверждение в данных, полученных в результате комплексного социологического исследования отношения допризывной молодежи к армии, проведенного нами в январе — феврале 2007 года³: отношение к армии у старшекласников, воспитывающихся в семьях с обоими родителями, более позитивно, чем у старшекласников, воспитывающихся в неполных семьях. Конкретизируем этот тезис:

- респонденты из неполных семей склонны к более негативному восприятию армии и военной службы, чем респонденты из семей с обоими родителями (рис. 1);

Рис. 1. Оценка характера ассоциаций, возникающих у старшекласников при словосочетании «современная российская армия», в зависимости от типа семьи, %, n=389

³ Основной метод сбора информации — опрос, вид опроса — аудиторное анкетирование. Опрос проходил в январе — феврале 2007 года. Опрашивались старшекласники средних образовательных учреждений (n=389), студенты вузов (n=392), учащиеся средних специальных учебных заведений (n=392) г. Иванова и Ивановской области. Тип выборки — ступенчатая комбинированная, $\Delta=5\%$, $P=0,95$.

- наибольшую положительную мотивацию на прохождение военной службы по призыву показывают респонденты, воспитывающиеся в семьях с обоими родителями, и, соответственно, наименьшее желание служить проявляют респонденты из неполных семей (рис. 2);

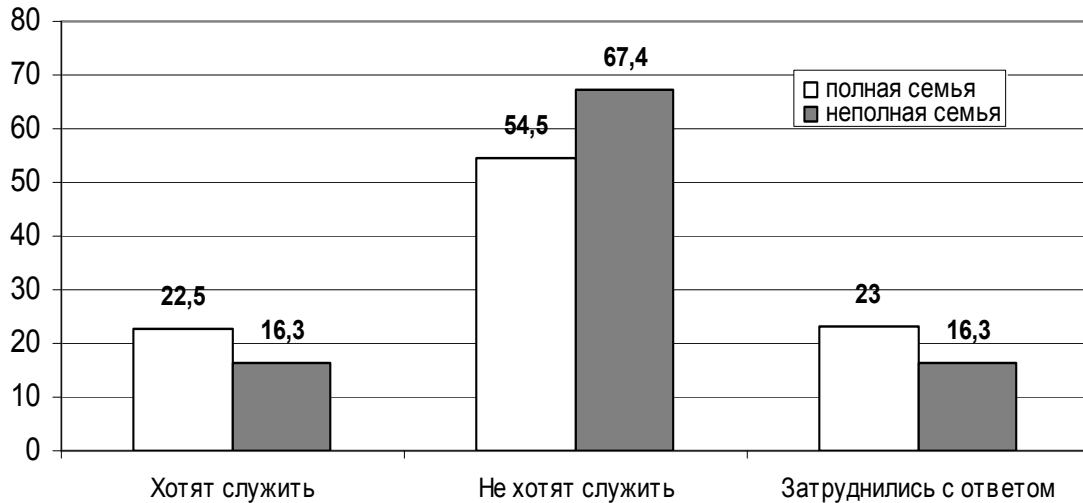

Рис. 2. Оценка мотивации старшеклассников на прохождение военной службы по призыву в зависимости от типа семьи, %, n=389

- респонденты из неполных семей показывают наибольшую положительную установку на избежание военной службы по призыву (рис. 3);

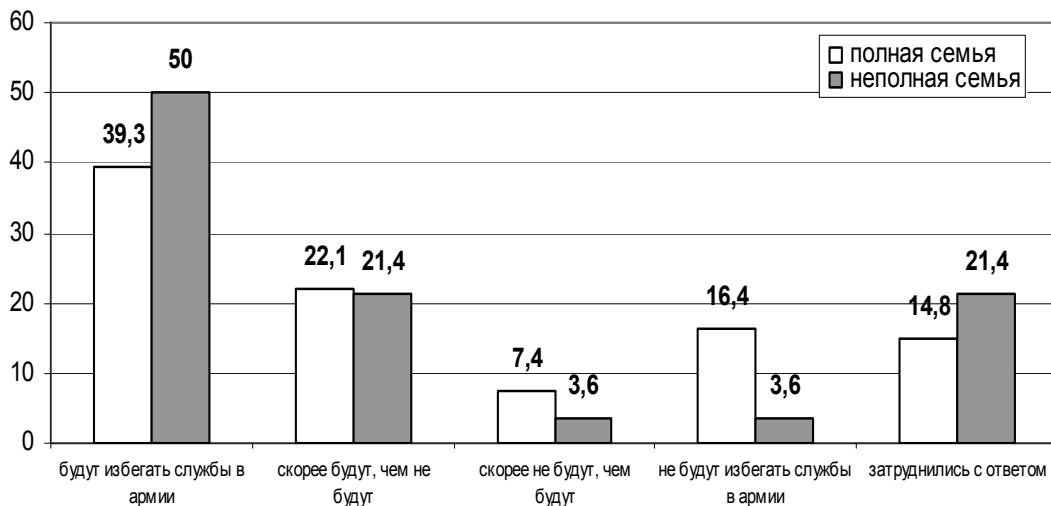

Рис. 3. Оценка установок старшеклассников на избежание военной службы по призыву в зависимости от типа семьи, %, n=389

- респонденты из неполных семей более пассивны в самостоятельной допризывной подготовке и, соответственно, показывают меньшую готовность к службе в армии (рис. 4 и 5);

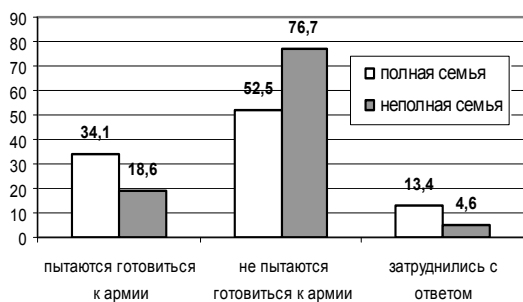

Рис. 4. Оценка активности старшекласников в самостоятельной подготовке к прохождению военной службы по призыву в зависимости от типа семьи, %, n=389

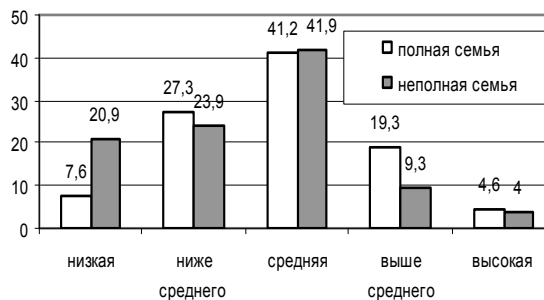

Рис. 5. Оценка степени готовности старшекласников к службе в армии в зависимости от типа семьи, %, n=389

- сторонников добровольного принципа комплектования армии среди респондентов из неполных семей больше, чем среди респондентов из семей с обоими родителями (рис. 6);

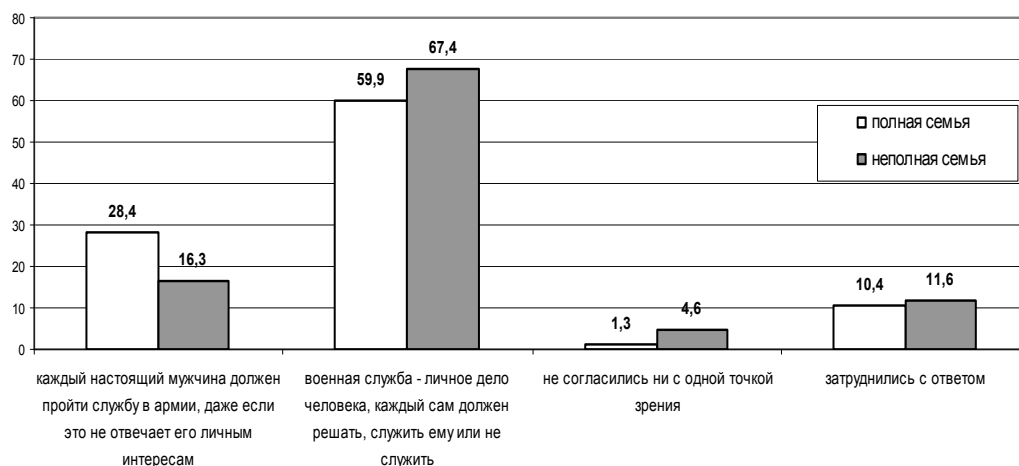

Рис. 6. Оценка отношения старшекласников к различным принципам комплектования Вооруженных сил в зависимости от типа семьи, %, n=389

- популярность альтернативной гражданской службы у респондентов из неполных семей выше, чем у респондентов из семей с обоими родителями, соответственно военная служба по призыву у них менее популярна (рис. 7);
- самый низкий рейтинг доверия к армии наблюдается в группе респондентов из неполных семей (-0,48 ед. против -0,28 ед. у респондентов из полных семей)⁴. Так, доля респондентов из полных семей, доверяющих

⁴ При анализе данных нами использовались два показателя: собственно доленое распределение ответов, полученное в ходе опроса, и рассчитываемый на его основе рейтинг доверия (K_d), который исчисляется по формуле $K_d = (Q^+ - Q^-) / (Q^+ + Q^-)$, где Q^+ — это доля положительных суждений (т. е. доверяющих институту), Q^- — доля отрица-

армии, составляет 25,1 %, в то время как аналогичный показатель среди респондентов из неполных семей ниже и составляет 20,9 %. В то же время доля не доверяющих армии старшеклассников из неполных семей на 6,4 % превышает долю ответивших подобным образом старшеклассников из полных семей.

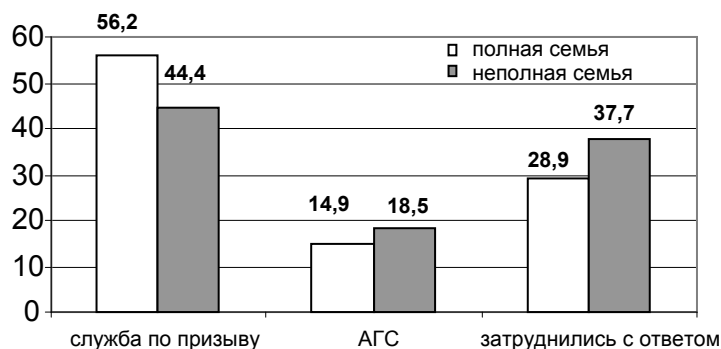

Рис. 7. Оценка выбора старшеклассниками различных форм реализации воинской обязанности в зависимости от типа семьи, %, n=389

Итак, отсутствие отца в семье приводит к определенному кризису полоролевой идентичности у подростка, что, в свою очередь, негативно сказывается на его отношении к армии. Однако О. Г. Калинина и А. Б. Холмогорова в своем исследовании доказали, что полоролевая идентичность подростков и, соответственно, их поведенческие интенции зависят не только от наличия отца в семье, но от и характера его образа и предлагаемых им образцов поведения [4, с. 15—26]⁵. Иными словами, применительно к теме нашего исследования личное отношение отца к армии, его оценки и характер личного опыта взаимодействия с данным социальным институтом, сам факт прохождения им военной службы по призыву прямо или косвенно должны оказывать влияние на формирование отношения к армии у его сыновей.

Подтверждением такого влияния служат данные, полученные нами в результате опроса старшеклассников. Так, старшеклассники, отцы которых отрицательно относятся к перспективе прохождения ими военной службы («считает, что я не должен служить»), более негативно настроены в отношении армии и менее готовы к службе, чем старшеклассники, отцы которых положительно относятся к этой перспективе («считает, что я должен служить») (см. таблицу).

Аналогичным образом, как образец реального поведения, влияет и факт прохождения отцом срочной военной службы по призыву. В частности, как по-

---

тельных суждений (т. е. не доверяющих институту). Если $K_0 = 0$, институт обладает нейтральным рейтингом (общественное мнение поляризовано, число положительных суждений совпадает с числом отрицательных суждений). Если $K_0 < 0$, то институт обладает отрицательным рейтингом доверия (преобладают отрицательные суждения). Если $K_0 > 0$, то институт обладает положительным рейтингом доверия (преобладают положительные суждения).

⁵ В частности, для старших подростков отсутствие в семье отца несущественно отражается на их маскулинности, если при этом образ отца у юноши позитивен.

Социология семьи

казали результаты исследования, старшеклассники, отцы которых ранее служили, более позитивно относятся к армии, чем те старшеклассники, у которых отцы не проходили военную службу по призыву (см. таблицу).

Влияние факта прохождения отцом военной службы по призыву и его мнения о необходимости ее прохождения сыном на формирование отношения старшеклассников к армии, %, n=389

Вариант ответа	Отец служил	Отец не служил	Отец считает, что сын должен служить	Отец считает, что сын не должен служить
<i>Характер ассоциаций, возникающих у старшеклассников при словосочетании «современная российская армия» в зависимости от факта прохождения отцом военной службы</i>				
Негативные ассоциации	66,9	79,3	63,9	68,5
Позитивные ассоциации	35,3	17,2	41,3	29,3
Нейтральные ассоциации	16,3	10,3	17,4	19,2
<i>Мотивация старшеклассников на прохождение военной службы в зависимости от факта прохождения отцом военной службы</i>				
Хотят служить	23,1	13,8	33,9	14,1
Не хотят служить	52,5	72,4	35,8	76,1
Затруднились с ответом	24,4	13,8	30,3	9,8
<i>Отношение старшеклассников к принципу комплектования Вооруженных сил на добровольной основе в зависимости от факта прохождения отцом военной службы</i>				
Каждый настоящий мужчина должен пройти службу в армии, даже если это не отвечает его личным интересам	29,4	10,3	23,4	14,1
Военная служба — личное дело человека, каждый сам должен решать, служить ему или не служить	57,0	75,9	56,0	68,5
Не согласились ни с одной точкой зрения	1,4	10,3	8,4	9,8
Затруднились с ответом	12,2	3,4	12,2	7,6
<i>Активность старшеклассников в самостоятельной подготовке к службе в армии в зависимости от факта прохождения отцом военной службы</i>				
Пытаются готовиться к армии	32,1	24,1	41,3	27,2
Не пытаются готовиться к армии	55,7	65,5	43,1	65,2
Затруднились с ответом	12,2	10,3	15,6	7,6

*А. В. Смирнов. Роль отца в формировании отношения к армии
у старшеклассников*

<i>Степень готовности старшеклассников к службе в армии в зависимости от факта прохождения отцом военной службы</i>				
Низкая	6,3	20,7	1,8	14,1
Ниже среднего	26,7	34,5	19,3	35,9
Средняя	42,1	37,9	45,9	33,7
Выше среднего	20,8	6,9	27,5	13,0
Высокая	4,1	0	5,5	3,3
Средний балл по группе	2,89	2,31	3,15	2,55
<i>Рейтинг доверия старшеклассников к армии в зависимости от факта прохождения отцом военной службы</i>				
Доверяют	25,8	6,9	37,6	15,2
Не доверяют	44,3	72,4	33,9	57,6
Затруднились с ответом	29,9	20,7	28,4	27,2
Рейтинг доверия	-0,63	-0,82	0,05	-0,58

Таким образом, отец, имея важнейшее значение для возникновения у своего ребенка ощущения принадлежности к мужскому полу и овладения способами поведения, свойственными мужчинам, оказывает существенное влияние на формирование у него отношения к армии, служба в которой на протяжении многих десятилетий воспринимается как неотъемлемый этап становления «настоящего мужчины». Исходя из этого, весьма значимыми факторами, обуславливающими суть отношения потенциального призывника к армии, является наличие отца в семье и характер предлагаемых им образцов поведения в отношении данного социального института, что и было подтверждено результатами проведенного нами исследования.

Библиографический список

1. *Абрамова Г. С.* Возрастная психология. М., 2000.
2. *Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А.* Социальная психология личности. М., 2001.
3. *Дементьева И. Ф.* Негативные факторы воспитания детей в неполной семье // Социол. исслед. 2001. № 11.
4. *Калинина О. Г., Холмогорова А. Б.* Влияние образа отца на эмоциональное благополучие и полоролевую идентичность подростков // Вопр. психологии. 2007. № 1.
5. *Каримова З. Х.* Жизненные ценности одиноких матерей // Социол. исслед. 2007. № 6.
6. *Кон И. С.* Психология ранней юности. М., 1989.
7. *Кулагина И. Ю., Колюцкий В. Н.* Возрастная психология: полный жизненный цикл развития человека : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М., 2001.
8. *Мухина В. С.* Возрастная психология. М., 1999.
9. *Титаренко В. Я.* Семья и формирование личности. М., 1987.
10. *Фридгор Г.* Дети разведенных родителей: между травмой и надеждой. М., 1995.

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

ББК 60.542.21:60.561.4

Н. А. Шведова

БИЛЛЬ О ПРАВАХ ЖЕНЩИН: ТРИДЦАТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ¹

Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (UN Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women — CEDAW) (далее: Конвенция) была принята и открыта для подписания и ратификации на Генеральной Ассамблее 34/180 18 декабря 1979 года, вступила в силу 3 сентября 1981 года в соответствии со статьей 27 [1]. Конвенция признана как *Билль о правах женщин*. Она была инициирована СССР, а Россия в качестве правопреемницы обязалась выполнять ее. Одобрение и принятие Конвенции ознаменовало значительный успех международного женского движения в достижении цели гендерного равенства.

Роль и значение Конвенции

Конвенция — основополагающий международно-правовой документ — заняла особое место среди семи ключевых международных договоров по правам человека. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания, Конвенция о правах ребенка и Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей — чрезвычайно важны: в совокупности они создают широкую международно-правовую базу для борьбы за права человека в универсальном своем проявлении.

Отправной точкой в деятельности Организации Объединенных Наций по улучшению положения женщин было подписание в 1945 году в Сан-Франциско Устава ООН. В его преамбуле говорится о необходимости вновь утвердить веру *в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций*. Таким образом, уже в Уставе ООН провозглашен принцип равенства прав мужчин и женщин. Базовый принцип Конвенции чрезвычайно

© Шведова Н. А., 2009

¹ Статья подготовлена на основе исследования, выполненного при финансовой поддержке РГНФ в рамках его научно-исследовательского проекта «Россия в контексте тридцатилетия Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» № 09-03-00810а/Р.

ясен: «Каждая личность независимо от своего пола, этничности, сексуальной ориентации, возраста, физических возможностей, культурных или религиозных традиций обладает равной ценностью и достоинством и должна иметь возможность для реализации всех прав человека» [1]. Все люди должны иметь равные возможности во всех областях жизни. Цель правительства — в изменении систем, которые сохраняют неравное распределение власти и ресурсов между женщинами и мужчинами. Эти принципы заложены в принятой ООН Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

Конвенция всесторонне определяет права женщин и является основным международным инструментом для решения проблем гендерной дискриминации. Ратифицируя эту Конвенцию, государства-участники берут на себя обязательство не только установить формальное правовое равенство между мужчинами и женщинами, но также принять меры для обеспечения реального осуществления женщинами своих прав наравне с мужчинами. В Конвенции приводится широкое определение дискриминации в отношении женщин и содержится призыв к равенству практически во всех сферах жизни, включая участие в политической деятельности, образование, здравоохранение, сферу трудовых отношений, экономическую и культурную деятельность, семейные и супружеские отношения. Страны-участницы представляют национальные доклады, посвященные соблюдению положений Конвенции, в Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин не реже одного раза в четыре года. В 2008 году ее поддержали 185 стран из 192 государств — членов ООН [2].

Международные меры, принятые для развития принципов Конвенции, демонстрируют вклад ООН в трактовку гендерного равенства полов. Основной принцип равенства участия мужчин и женщин в общественной жизни — краеугольный камень Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Конвенция охватывает исчерпывающий круг гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав и возлагает юридические обязательства на государства, которым необходимо обеспечить их защиту, продвижение и реализацию. Страны должны рассмотреть законодательные, регулирующие и другие соответствующие меры для внедрения в жизнь экономической и социальной политики, создающей условия для равенства между женщинами и мужчинами.

Под эгидой ООН состоялась Четвертая Всемирная женская конференция (Пекин, 1995), которая определила стратегические цели для полного женского участия во властных структурах и на уровне принятия решений. В 2000 году новая инициатива ООН — Декларация Тысячелетия (*The Millennium Declaration*) — опять отразила обеспокоенность положением женщин в мире, провозгласив одной из своих восьми целей — через борьбу с дискриминацией в отношении женщин добиться гендерного равенства. Была поставлена задача помочь женщинам обрести силы для реализации своих фундаментальных прав и свобод, которая рассматривалась как ключевой инструмент в эффективной борьбе с женской бедностью, голодом и болезнями и стимулирование устойчивого развития. Данная инициатива подчеркнула, что гендерное неравенство в сфере образования, здравоохранения и бедность подрывают глобальное социально-экономическое развитие.

Бедность, высокий уровень заболеваемости, алкоголизм, низкая продолжительность жизни, безработица, младенческая и материнская смертность — приоритетные проблемы для ООН и всего мирового сообщества по выполнению программы Целей в области развития на рубеже тысячелетия. Следует подчеркнуть один из важнейших индикаторов — *ценность человеческой жизни и прав человека, которые занимают приоритетное место не только в общественном идеале, но и в обыденном сознании и практике цивилизованного общества*. В этом, как представляется, кроется ключ к разгадке успешности цивилизованных обществ, которые озабочены судьбой людей, живущих на земле.

Организационные структуры ООН по гендерному равенству

Совокупность подразделений по гендерному равенству представляет собой структурно-организационный механизм ООН по положению женщин. В рамках ООН Экономический и социальный совет (ЭКОСОС), один из главных органов ООН, занимается проблемой нарушения прав женщин и ликвидации всех форм дискриминации. Функция ЭКОСОС — контроль за выполнением тех задач, которые являются приоритетными в данной сфере. Экономический и социальный совет учрежден Уставом в качестве главного органа по координации экономической, социальной и другой соответствующей деятельности ООН, а также специализированных учреждений и институтов, известных как «семья организаций ООН». В рамках ООН существуют *Комиссия по положению женщин*, учрежденная в 1946 году, и *Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин (Комитет CEDAW)*, созданный в 1982 году, которые непосредственно занимаются улучшением положения женщин в мире. Международное женское движение с самого начала и по настоящее время участвует в этой работе, поддерживая и предлагая конструктивные рекомендации по существу деятельности подразделений ООН по гендерному равенству. При анализе функций и деятельности Комиссии по положению женщин ООН особое внимание следует уделить ее 49-й сессии (28 февраля 2005 г.). На ней были осуществлены десятилетний обзор и оценка Пекинской платформы действий («Пекин + 10»), отмечена 30-летняя годовщина Первой Всемирной конференции ООН по проблемам женщин (Мехико, 1975 г.).

Особенности функций и деятельности Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин состоят в их специфической направленности. Данный Комитет следит за достижениями в решении проблемы прав женщин в тех странах, которые присоединились к Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Государство становится членом Комитета после ратификации Конвенции и, следовательно, признания своих законных обязательств по борьбе с дискриминацией в отношении женщин. Анализ гендерной политики России с точки зрения трех основных обязательств, возлагаемых Конвенцией на государства-участников, а именно:

— недопущения прямой или косвенной дискриминации в отношении женщин в законодательстве и защиты женщин от дискриминации (государственная власть, судебные органы, предприятия или частные лица);

— улучшения фактического положения женщин путем осуществления конкретных и эффективных стратегий и программ;

— решения проблем, связанных со сложившимися отношениями между мужчинами и женщинами и бытующими гендерными стереотипами; убеждает в том, что страна нуждается в активизации своей деятельности в этой сфере.

Игнорирование надлежащих временных специальных мер не может быть оправдано утверждениями о своем бессилии, о наличии каких-либо рыночных или политических факторов, а также кризисной ситуацией в стране. Действие соответствующих законов о недискриминации и временных специальных мерах должно распространяться на государственные структуры, частные организации и предприятия.

Отчет о выполнении Россией Конвенции представляется полезным для государственных и негосударственных организаций, юристов, специалистов в гендерной области и широкой общественности и необходимым для дальнейшего улучшения положения с равенством мужчин и женщин в стране, обеспечения выполнения Россией ее международных обязательств.

Инструменты и методы по определению фактов для исследовательской деятельности, выявлению дискриминации служат главным целям мониторинга: показу злоупотребления правами человека; достижению государственной подотчетности; обеспечению решения проблем и планирования эффективной стратегии защиты. Успех этих действий опирается на спектр мер, которые включают распространение информации, собранной в ходе мониторинга. Представляется целесообразным исследовать процесс документирования, в том числе руководящие принципы и соответствующие инструменты для информационной процедуры, хранение (накопление) и повторное слушание дела. Фокус внимания — на документировании в сфере прав женщин и гендерного равенства, а также на стратегии распространения результатов мониторинговой активности (т. е. представление доклада Комитету по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Специальному докладчику по насилию в отношении женщин). Необходимо изучение других способов использования информации, собранной в процессе мониторинга, для привлечения внимания общественности к актуальным проблемам гендерного равенства в России (т. е. СМИ, образовательно-просветительские кампании).

Тридцать лет спустя

Роль международных факторов, определяющих статус женщин в государстве и обществе, роль государства, федерального правительства в формировании гендерной политики и влияние международного сообщества на данную политику, степень влияния самих женщин на разработку политики государства в отношении женского населения с учетом общих и специфических проблем в этой сфере, реальное воздействие гендерного фактора на развитие политического демократического процесса — все это, с одной стороны, формирует гендерную политическую культуру, а с другой — подвергается воздействию господствующих тенденций в существующей политической культуре.

Однако и тридцать лет спустя реальное положение женщин в мире и в современной России трудно оценить однозначно. Требуется серьезного внимания и изучения углубившийся гендерный дисбаланс, что мешает устойчивому развитию и процветанию стран. Реализация прав и свобод рассматривается как основной инструмент эффективной борьбы с женской бедностью, болезнями и стимулирования устойчивого развития. Гендерное неравенство в сфере образования, здравоохранения и бедность подрывают глобальное социально-экономическое развитие. Политика гендерного равенства, выработанная и проводимая международным сообществом, нацелена на реализацию прав и свобод женщин как прав человека, создание и расширение возможностей для их активного участия в коллективном процессе изменений, что является ключом успешного развития.

Российская Федерация приняла на себя обязательства по Конвенции без оговорок. Принцип равенства участия мужчин и женщин в общественной жизни — краеугольный камень Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. В России по основным показателям человеческого развития женщины не уступают мужчинам, а порой даже превосходят их. Конституция РФ обеспечивает равенство между мужчинами и женщинами во всех сферах жизни. Однако существует колоссальный разрыв между законом и практикой в отношении социально-экономического и общественно-политического статуса женщин. Отчуждение женщин как от власти, так и от собственности — один из серьезнейших просчетов модернизации общества.

Международное сообщество в лице ООН выработало специальные индикаторы для объективной оценки социального статуса женщин. В политической сфере — это политические и гражданские права женщин, степень их политического участия, свободы выражения несогласия с официальным курсом. В профессиональной сфере — это степень реализации права на труд, справедливость его оплаты, возможность продвижения по службе, условия совмещения производственных и семейных ролей. Важны также индикаторы в семейной сфере, в области образования, охраны здоровья, культуры, защищенности от насилия. В частности, при оценке ситуации в России были использованы следующие индикаторы гендерного анализа, которые получили свое отражение в международных документах, нацеленных на продвижение гендерного равенства:

- ожидаемый период жизни при рождении для женщин и мужчин;
- гендерное различие в ожидаемом периоде жизни;
- число женщин и мужчин среди работодателей (нанимателей);
- гендерные различия среди занятых/незанятых, а также занятых на работах с вредными условиями труда;
- число мест, занимаемых женщинами в парламенте (Государственной думе и Совете Федерации), в Российском правительстве, Конституционном и Верховном судах;
- число женщин и мужчин — членов партий, составляющих парламент, число женщин и мужчин в списках кандидатов от этих партий, число женщин и мужчин среди депутатов от этих партий;
- число мужчин и женщин, пользующихся родительским отпуском по уходу за детьми до 1,5 лет;

- число мужчин и женщин, пользующихся родительским отпуском по уходу за детьми до 3 лет;
- соотношение ежемесячной средней зарплаты женщин и мужчин;
- соотношение ежемесячной зарплаты в бюджетных секторах и средней зарплаты по экономике в целом;
- соотношение среднего пособия пожилых мужчин и среднего пособия пожилых женщин;
- индекс, основанный на гендерном распределении студентов, вовлеченных в профессиональные образовательные институты по категориям (отдельно для различных уровней профессионального образования);
- число криминальных насильственных деяний, направленных на женщин и мужчин, зарегистрированных кризисными центрами и Министерством внутренних дел.

Каковы тенденции и факторы, оказывающие влияние на жизнь женщин в России? Нуждается ли Россия в гендерном равенстве, при котором создаются условия в государстве и обществе для осуществления мужчинами и женщинами равных прав при равных возможностях? В какой степени необходимо и действительно наличие в международных и национальных правовых и регулирующих правилах требований о включении гендерного анализа (подхода) во все политические курсы (политики) и социально-экономические решения, касающиеся важных проблем с точки зрения достижения цели гендерного равенства, и его использования в них. Каковы пути и средства, международные инициативы, обеспечивающие женщинам обретение силы для реализации своих фундаментальных прав и свобод? Можно ли достичь прогресса (устойчивого развития) без соблюдения равенства полов?

Гендерная слепота — отказ от признания важности гендерного фактора — это тупик для эволюции человеческой цивилизации. Отказавшись от цели достижения равенства полов, общество неизбежно, при оптимистическом варианте, столкнется с опасностью неэффективного, неравномерного развития и острого социального неравенства или, при пессимистическом варианте, будет обречено на сегрегацию на рынке труда и в общественно-политической жизни, на углубление и расширение масштабов социальных недугов в стране — от демографического до духовного кризисов.

Наряду с этим в настоящее время атмосфера политической культуры в России характеризуется тенденцией к признанию «реального мира», в котором равенство полов не является приоритетом, поскольку своего решения ждут, как представляется значительной части правящей элиты, более срочные проблемы. Сегодня, когда страна переживает различные изменения в политическом и институциональном плане, бесконечные «стенания» о коррупции и «злоупотреблениях» чиновников, доминирование разговоров о международном и российском экономическом и финансовом кризисе все чаще становятся «прикрытием» нежелания решения насущных проблем.

В России все больше места отводится силам свободного рынка и есть стремление поддержать становление гражданского общества. Это, возможно,

было бы не плохо, если бы доминирующее положение не занимала политика, которая мало способствует укреплению принципа равенства полов. Государство и, к сожалению, общество в целом часто видят в женщине только женщину-мать. В такой политике, по сути, игнорируется необходимость совмещения семейной жизни и профессиональной деятельности, а степень прогресса измеряется скорее экономическими, чем общечеловеческими понятиями. Личность женщины, ее права как права человека отодвигаются на второй план.

Российская Федерация как страна, стремящаяся в мировое сообщество и возложившая на себя обязательства, подписав целый ряд международных документов о гендерном равенстве, обязана их соблюдать и развивать то лучшее, что выработано и принято мировым сообществом. Напомним, что ООН была создана 24 октября 1945 года, чтобы развивать мир и международную безопасность, продвигать экономическое и социальное развитие, защищать фундаментальное человеческое достоинство и признавать равенство прав мужчин и женщин.

Речь идет о мерах, предпринимаемых международным сообществом в отношении улучшения статуса женщин. Решая главные задачи экономической модернизации и морального самосохранения, Россия неизбежно должна опираться как на опыт собственной истории, так и на лучшие образцы мирового опыта, основанные на утверждении достоинства человека и его бесценного права выбора.

Дискриминация в отношении женщин в России на практике комплексна и часто невидима, скрыта, что усложняет ее характер. Дискриминация по признаку пола должна быть осуждена цивилизованным сообществом и объявлена насилием, которое сковывает потенциал и мужчин, и женщин — граждан России и мешает им занять свое достойное место в жизни. Статистические данные отражают противоречивую картину российской жизни. Они свидетельствуют о том, что существует довольно четкое разделение сфер деятельности на «мужские» и «женские» и что права женщин часто нарушаются, мужчины также порой становятся жертвами общественной системы.

В то время как различные политические движения и партии в странах устоявшейся демократии обратили внимание на вопросы гендерного равенства и включили их в повестку международных и национальных форумов, проблема активной борьбы с идеологией патриархата в России практически в забвении. Между тем многие эксперты, как международные, так и отечественные, доказали: идеология гегемонии, такая как патриархат, угнетает обе стороны — и мужчин, и женщин. Патриархатная идеология сковывает способности мужчин к развитию себя как личности. И эта идеология требует от своих адептов ее распространения, в том числе и путем прямого насилия. Современному мировому сообществу есть, что ей противопоставить.

В этих условиях необходима работа над созданием национального механизма, ибо без наличия такого инструмента невозможна реализация в полной мере ни политических, ни социальных, ни иных прав женского населения в России. Важно разрушать устаревшие барьеры между отцовством и материнством, которые в значительной степени надуманы. Вот почему следует расширять понятия о значении ответственного отцовства. Движение к гендерному равен-

ству не означает потери мужественности. Оно означает для мужчин жизнь в мире, в котором неравенства всех видов отвергаются.

Стоит отметить, что существует комплекс политических, социально-экономических и психологических факторов, препятствующих интеграции женщин в политические процессы. В силу особого социального и психологического опыта женщины демонстрируют новый тип лидерства: неиерархичный в отношении подчиненных и коллег, неагрессивный в отношении избирателей. Поэтому именно женщины могут способствовать установлению социального государства. Для этого необходимо, чтобы правовые нормы, как российские, так и международные, укрепляли положения, предполагающие не только равенство прав, но и равенство возможностей их осуществления.

Очевидной становится истина: женщины вносят свой особый вклад в общественную жизнь. Они не только лучше мужчин представляют свои интересы, но и смогут влиять на политическую систему, занимая руководящие посты. Партнерство мужчин и женщин в политике является источником более полной и представительной демократии, поскольку создаются реальные возможности учета многополюсных интересов в обществе. Международный опыт указывает на эффективные средства решения этой задачи, среди которых отметим следующие:

- проведение институциональных реформ, связанных с процессом отбора руководящих кадров, подготовки программ обучения и повышения квалификации;

- изменение партийной политики в отношении формирования партийных списков и отбора кандидатов во время выборов;

- разработку государственной политической платформы, учитывающей представительство женских интересов, включение основных её постулатов в партийные программы независимо от их идеологической направленности;

- создание позитивного образа женщины-политика в средствах массовой информации;

- организацию курсов и школ лидерства для женщин;

- проведение гендерных исследований по количественному и качественному представительству женщин в институтах власти;

- развитие и укрепление женского движения и женских неправительственных организаций (НПО);

- проведение женскими организациями кампаний в поддержку потенциальных кандидаток, создание фондов для их поддержки на выборах;

- развитие культуры политической корректности относительно женщин в политике;

- воспитание перспективных лидеров и подготовка общественного мнения к адекватному восприятию женского лидерства.

Применять и развивать эти принципы могут и женщины, и мужчины. В этом, как представляется, кроется ключ к разгадке успешности цивилизованных обществ, которые озабочены судьбой мужчин и женщин и в которых существует государственная гендерная политика.

Вряд ли можно уповать на универсальное и единственное средство, способное умножить женское представительство в парламенте страны. И все же

мировой опыт показывает, что система гендерных квот, используемая для создания партийных списков кандидатов, и «дружественные» («благоприятные») женщинам электоральные системы (в частности, пропорциональная) дают позитивные результаты с точки зрения женского представительства.

В современном мире мужчины, составляющие большинство клуба властных структур, концентрируют государственную власть в руках своего пола, что однозначно попирает права человека — женщин. Они претендуют на выражение воли и интересов всего человечества, искренне считая только себя его представителями. При этом интересы женщин как половины общества ускользают из их поля зрения, если не предаются забвению на поле политической брани. Очевидно, что отношение российских политиков к системе квотирования, существующей в странах Северной Европы, т. е. к реальной возможности достижения равенства мужчин и женщин, — лакмусовая бумажка их просвещенности и реальной приверженности идеям демократии.

Ныне принято считать: чтобы добиться создания устойчивого и процветающего цивилизованного государства и демократического общества необходима целесообразная и разумная интеграция женщин в активную социально-экономическую и общественно-политическую жизнь страны. Укрепление власти закона и прав человека остается ключевым элементом усилий по модернизации государства и общества. Чтобы создать цивилизованное комфортное общество и государство надо решить шесть задач, направленных на достижение цели гендерного равенства, а именно добиться:

— полного признания и уважения прав женщин как неотъемлемой части прав личности;

— демократической представительности полов (стержневой элемент равенства);

— экономической независимости, органически связанной с проблемой равенства полов;

— гармонизации или эффективного совмещения профессиональной деятельности и семейной жизни как для женщин, так и для мужчин;

— образования, благодаря которому общество передает от поколения к поколению представления о гендерных ролях, культурные нормы, знания;

— признания социальных диспропорций и необходимости перераспределения ответственности со стороны обоих полов.

Как убедительно показывает исторический опыт и мировая практика, только посредством национального механизма гендерного равенства можно прийти к осуществлению этой цели.

России необходимо развивать систему мониторинга для интеграции гендерных проблем в соответствии с индикаторами, которые используются в гендерном анализе и которые отражены в международных документах, нацеленных на достижение гендерного равенства.

Особенно следует подчеркнуть, что появление и функционирование реального национального механизма гендерного равенства требует обязательной предпосылки, а именно *наличия демократического, активного, развитого женского движения, способного через трения, сомнения и расхождения строить коалиции, чтобы отстаивать свои интересы.*

Для разрешения конфликта между женской личностью и диктатом общества нужны концентрация усилий, энергии и целенаправленная деятельность прежде всего самого женского движения, общественных сил, а также политических элит и государства. Гендерный полисегментный взгляд на место и роль, на ресурсы и возможности женщин послужит благой цели — активизации политики гендерного равенства в интересах России.

О современном женском движении

Женское движение в России находится в стадии становления. В его недрах поднимаются вопросы общенационального и общечеловеческого характера. Нет сомнения в том, что вектор его развития устремлен к достижению такого положения в обществе, которое позволит ему занять адекватное историческим требованиям место, т. е. стать выразителем интересов женского населения в контексте реальных прав женщин, повышая степень их воздействия на государственную политику и модифицируя политические партии, формы и методы их действия.

Без преувеличения можно утверждать, что именно активное, инициативное и настойчивое женское движение, постоянно работающее над повышением своего профессионального и политического уровня, может стать главным фактором всех позитивных изменений в статусе женского населения на пути достижения цели гендерного равенства. *Здесь — болевая точка решения и демографических проблем.*

Российскому обществу в целом необходимо понять, что гендерная гармония — это единственный путь к цивилизованному и комфортному обществу и государству, в котором уютно всем гражданам страны.

Правительства должны способствовать расцвету гражданского общества как опоры демократии, укреплять его и развивать способности НПО к эффективной правозащитной деятельности, надзору за правительством, защите прав человека и основополагающих свобод.

Достижение гендерного баланса требует:

- политической воли к совершенствованию законодательства,
- эффективной экономической и социальной политики.

Оптимистично выглядит тенденция к росту самосознания женского населения.

Если согласиться с тем, что главнейшей функцией любого женского движения является работа по подъему самосознания женских масс в духе гендерного равенства и справедливости, то нельзя не заметить, что российское женское движение развивается именно в этом направлении и накопило бесценный опыт.

Действительно, особое историческое значение деятельности женских организаций лежит в плоскости формирования самосознания россиянок, роста их самооценки, чувства собственного достоинства, основанного на признании права на собственный выбор роли в обществе. Заслуга в этом женского движения неопределима. Конечно, оно разнолико и по социальному составу, и по идеологической направленности, однако утверждает в общественном сознании и в самосознании самих женщин идею о женщине как субъекте истории.

Таким образом, женщины являются важными носителями политических и экономических перемен. Инвестиции в развитие потенциала женщин и расширение их возможностей, и прежде всего на уровне принятия решений, — меры не только имеющие самостоятельную ценность, но и представляющие собой объективно необходимый и надежный путь к обеспечению участия женщин в процессе экономического роста и развития. Поэтому так важно преодолеть реальное отчуждение «женского фактора» в политической жизни России.

Сегодня партии и блоки, реально располагающие властью в стране, не проявляют ни должного интереса, ни соответствующего внимания к этой проблеме. А между тем очевидно, что тот из субъектов политического процесса, кто первый ее осознает и направит политическую волю на мобилизацию женского потенциала, окажется в политическом выигрыше.

Следует отметить специфические слабости женского движения в России, среди которых наиболее существенными представляются:

- недостаточное осознание активистками своих гражданских прав, плохое их знание, низкая юридическая грамотность, неумение защищать свои права;

- недостаточное осознание необходимости политического участия;

- недостаточная взаимосвязь феминистской теории и практики женского движения;

- инкорпорирование независимых общественных организаций в государственные структуры;

- отсутствие настоящей работы по строительству коалиций как в пределах женских НПО, так и с другими общественно-политическими силами, включая партии и профсоюзы.

Очевидно, что женским НПО следует научиться работать с разными политическими силами, чтобы передвигаться в поле реальных политических процессов. Необходима также работа с молодежью.

Вопреки всем трудностям и препятствиям, женское движение в России живет и функционирует не хуже любого другого социального или общественного движения в стране. Женские организации появляются, исчезают и вновь появляются, чтобы выразить интересы различных женских групп и объединений. Сформировано информационное поле. Можно создавать временные коалиции, альянсы. Проблемы выживания и трудности сочетания семейных обязанностей и работы вне дома — объективные предпосылки для широкой поддержки со стороны женского населения страны целей женского движения России. Много будет зависеть от его лидеров, которым придется позаботиться не только о стратегии женского движения, нацеленной на достижение равенства прав и возможностей для женщин и мужчин путем консолидации на основе решения конкретной задачи, но и о подкреплении ее тактическими разработками. При этом следует особое внимание уделить потребности изменения общественного сознания и повышения самооценки женщин.

28—29 ноября 2008 года в Москве состоялся Второй Всероссийский женский съезд, приуроченный к столетнему юбилею Первого Всероссийского женского съезда. Нет сомнения в том, что это значимое историческое событие.

Во-первых, в условиях спада и практически тотального отсутствия в СМИ информации о женском движении, женские неправительственные организации продемонстрировали, что они живы и действуют, не преступая свой меловой круг, разумно и взвешенно принимая компромиссы.

Во-вторых, съезду, в котором приняли участие почти 1000 делегатов и делегаток из 73 регионов, предшествовал процесс активизации и подъема женского движения на местах, в регионах, где были проведены свои конференции, семинары, встречи, круглые столы.

В-третьих, сам процесс подготовки Второго Всероссийского женского съезда стал консолидацией усилий женских инициатив, школой роста самосознания женщин, понимания своих интересов и целей. Это было проявление самоорганизации женских масс снизу.

В-четвертых, в процессе подготовки и проведения съезда приобретен опыт взаимодействия с представителями государственных структур, одни из которых проявили достаточно высокую гендерную чувствительность, а другие остаются объектом для дальнейшей работы НПО. В совокупности наметилась положительная тенденция. Конечно, впереди трудный и длительный путь.

Непременным объективным условием для достижения гендерного равенства является наличие в стране национальных (региональных) целевых программ по улучшению положения женщин, которые представляют собой часть национального механизма гендерного равенства. Такая программа пользуется высоким статусом — она утверждается высшим законодательным органом. Целесообразно составлять ее с учетом реальных условий и с прицелом на преемственность (минимум на 5 лет). Она имеет автономное управление, находясь, однако, в ведении исполнительного государственного органа, ответственного за положение женского населения в стране. Кроме того, соответствующее подразделение парламента проводит ежегодные слушания по ее осуществлению.

Национальные, как и региональные, женские программы являются содержательной частью национального механизма по обеспечению равных прав и возможностей женщин и мужчин. *Существуют и другие компоненты — организационный, правовой и образовательный.* Среди них одно из важнейших мест занимает такая «женская программа», которая должна быть нацелена на обеспечение финансовой, технической, информационно-консультативной помощи женским и другим общественным организациям, развивающим деятельность, направленную на улучшение статуса женщин. Особенно это важно в условиях кризиса. Основная ее задача — помощь широкому кругу женских организаций и объединений в совместной работе с государственными структурами.

«Женская программа» осуществляет два типа финансовой помощи: для оперативной работы общественной женской организации и для развития проектов.

Право на получение финансовых средств по данной программе предоставляется только организациям, которые отвечают установленным критериям:

— принятие принципов и цели достижения равенства женщин, как они определены федеральными документами (Конституция РФ ст. 19), международными документами, подписанными Российским государством, и прежде всего Конвенцией о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин;

- управление на демократических началах;
- поддержка членами организации лиц, подающих заявку от ее имени;
- предоставление информации о своей деятельности другим женским общественным организациям, работающим в том же направлении, открытость источников финансирования;
- деятельность по программе не менее одного года к моменту подачи заявления на грант.

Частные лица, государственные органы или агентства, университеты и колледжи, организации коммерческого характера не должны входить в список возможных получателей средств по такого рода «женской программе». Программа не финансирует капитальные затраты и расходы на поездки за границу.

Таким образом, подобная программа способствует развитию женской инициативы, с одной стороны, а с другой — позволяет государственным органам снимать социальную напряженность, возникающую в определенных сегментах общества.

Сама идея — долгосрочная, так как отвечает объективным потребностям России. Это идея будущего, которое надо закладывать вчера. Без введения шаг за шагом национального механизма гендерного равенства в социально-политический процесс общества на его прагматическом реальном уровне невозможно построить ни демократическое общество, ни правовое государство. Актуальность такой программы напрямую связана с необходимостью активизации женского электората на всех уровнях.

В начале XXI века роль и положение женщин превратились в важнейший феномен, политическая и социальная значимость которого признана всем мировым сообществом, о чем свидетельствует создание правовой базы для достижения равенства прав и возможностей полов. Международное сообщество выработало согласие относительно того, что гендерное равенство является важным принципом современности. Стратегия устойчивого развития среди основополагающих принципов предусматривает принцип гендерного равенства, который одновременно является условием развития. Между тем мировая политика очень несбалансированна. Опасная неустойчивость политической системы создается в числе прочего и гендерным дисбалансом. Новая философия существования — это партнерство. Настал тот самый момент, когда утверждение в жизненной практике этики взаимоотношений, основанной на принципе гуманизма и гуманности, как никогда востребует концепцию гендерного равенства и гармонии. Поэтому сегодня многие политологи пишут, что XXI век — это век женской политики [3].

Библиографический список

1. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979 г.). URL: <http://gender.hrworld.ru/law/convention.html>
2. URL: <http://www2.ohchr.org/english/bodies/ratification/8.htm>
3. Женщина — Президент России? // ОНС. 2000. № 2.

ББК 60.542.21:60.561.3

Л. Р. Шафигуллина

ЖЕНСКИЕ СОВЕТЫ ТАТАРСКОЙ АССР В УСЛОВИЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ

Современный этап развития женского движения в нашей стране нельзя рассматривать изолированно, абстрагируясь от исторического прошлого. Многие участницы возникших в 1990-е гг. женских общественных организаций были членами возродившихся в период перестройки женских советов. Используя накопленный опыт работы в женсоветах, они в условиях демократизации, рыночных реформ продолжали отстаивать интересы женщин.

Примечательно, что женские советы активно вели свою работу в первые и последние годы существования советского государства. К тому же многие авторы считают ликвидацию женотделов в 1930-е гг. «знаком свертывания демократии в стране» [17, с. 453], а в годы перестройки, с провозглашением курса на демократию, женсоветы вновь возродились. Советская власть на протяжении всего своего существования использовала потенциал женщин в строительстве социализма (при взятии власти, индустриализации, коллективизации, в антифашистской борьбе, восстановлении народного хозяйства после войны...). Так произошло и в годы перестройки. «Почему нам надо было объединиться? Да по той же причине, что и в первые годы революции: чтобы поднять женские массы на решение задач огромной важности», — отмечала Д. С. Давлетшина [6]. Естественно, для власти значение женского движения заключалось в том, что посредством его к активности привлекались миллионы женщин и, таким образом, значительно расширялась социальная база перестройки. Как и в 1920-е гг., когда женотделы были главной формой партийной работы среди политически отсталых женщин, власть преследовала идеологические цели. Через такие «приводные ремни», «механизмы» партия обращалась к народу, чтобы ознакомить с задачами советского государства. По словам М. С. Горбачева, озвученным на апрельском Пленуме ЦК КПСС 1985 г., страна нуждалась в том, чтобы в управление экономикой, культурой, в общественную жизнь еще активнее вовлекались женщины. Этой цели должны были служить женские советы [3, с. 116].

В данной статье рассматривается практика деятельности женских советов и ставятся следующие вопросы. Каковы причины воссоздания системы женсоветов в СССР в период перестройки? Какими были их цели, задачи, формы действия и результаты? Какие противоречия в проводимой в отношении женщин политике обнаружались в ходе перестройки?

По тем направлениям, по которым работали женсоветы, можно определить проблемы, беспокоившие все общество. Из обращений, писем, жалоб

женщин можно увидеть, что волновало население, поскольку все бытовые трудности в первую очередь обрушивались на их плечи. Например, в среднем в год в женсоветы Татарской АССР поступало около 1000 писем с просьбами об улучшении организации труда, медицинского обслуживания населения, жилищных условий, о пенсионном обеспечении, решении трудовых конфликтов, судебно-правовых вопросов. Материалы женсоветов представляют собой ещё слабо введенный в научный оборот, интересный источник по изучению периода перестройки, в котором содержится значительная информация об изменениях, происходивших в обществе в ходе реформ.

Некоторые авторы возобновление деятельности женсоветов связывают с призывом М. С. Горбачева на XXVII съезде партии «возродить женсоветы и объединить их в единую систему во главе с Комитетом советских женщин...» (см.: [11, с. 15]). Однако во многих республиках женсоветы не прекращали своей деятельности со дня создания, например в Узбекистане, Азербайджане, Литве, Таджикистане. После войны они были возрождены в таких городах, как Иваново, Павловский Посад, Электросталь и др. В ТАССР женсоветы существовали в 1920-е гг. и в послевоенное время. К началу 1980-х гг. энтузиазм «поугас», формализм подменил живую работу. Однако не совсем верно считать отправной точкой возрождения женсоветов XXVII съезд КПСС. Еще на июньском (1983 г.) и апрельском (1984 г.) Пленумах ЦК КПСС К. У. Черненко была «поставлена задача по усилению идеологической и массово-политической работы, охвату идейным влиянием всех социальных групп населения, повышению роли органов общественной самодеятельности — к их числу относились и женские советы» [5, л. 17] — и принято постановление «О дальнейшем улучшении работы Советов народных депутатов». На примере ТАССР можно сделать вывод о том, что импульсом к возобновлению деятельности женсоветов послужило именно это постановление, так как во второй половине 1983 г. по республике были учреждены городские, районные составы женских советов. Немало сил и энергии к этому приложила Д. С. Давлетшина. Будучи секретарем Президиума Верховного Совета ТАССР, она обнаружила огромную почту от женщин: «они жаловались на плохие условия труда, отсутствие должной и действенной помощи со стороны руководства предприятий, профсоюзов, в целом, правительства» [7, с. 112]. Это подтолкнуло её к поиску решения данных проблем. Д. С. Давлетшина поехала в Москву к известной на весь мир женщине — лётчику-космонавту, депутату Верховного Совета СССР, председателю Комитета советских женщин Валентине Терешковой. Она тоже была в растерянности, поскольку возглавляемый ею Комитет занимался только международными контактами: «Если получится у вас в Татарии, то мы ваш опыт внедрим по всему Советскому Союзу» [7, с. 113]. По приезде в Казань Д. С. Давлетшина занялась воссозданием женсоветов в ТАССР, поскольку первые женские отделы на территории республики, как и по всей стране, были учреждены еще в 1920-е гг. под руководством Н. А. Ваньковой. В тот период идеологическая задача была главной, и заключалась она в том, чтобы не упустить женские массы из-под влияния партии. К тому же в круг деятельности женотделов входили борьба с детской беспризорностью, безработицей среди женщин, улучшение условий для работы, организация детских садов, яслей,

столовых, пунктов питания, субботников и др. Первый съезд женщин ТАССР был проведен 5—6 октября 1927 г., в его работе приняли участие 140 делегаток. Через 58 лет состоялся второй съезд женщин Татарии (9 февраля 1985 г.), на котором был принят Устав и программа организации. Проведению съезда предшествовала тщательная подготовка. В соответствии с Положением о женсоветах ТАССР, утвержденным Президиумом Верховного Совета ТАССР 31 июля 1984 г., на съезд были избраны делегатки от женсоветов по ступеням (село, район, город, республика). Всего в работе съезда приняли участие 549 делегаток, которые рассказали о неустроенном быте, отвратительных условиях труда, отсутствии охраны здоровья матерей и детей. По тем временам говорить об этом открыто с большой трибуны в адрес партии и правительства было чрезвычайной смелостью. Однако высказанные замечания подкреплялись аналитическим материалом о положении женщин в республике, подготовленным специальными комиссиями республиканского женсовета. В результате был определен спектр задач, над которыми должны были работать женские советы республики: осуществление контроля за соблюдением законодательства по вопросам положения женщин на производстве, охраны труда, здоровья матерей и детей, нравственное воспитание подрастающего поколения, оказание помощи многодетным семьям, шефство над детскими домами и трудными подростками.

Необходимо упомянуть еще об одном событии, которое побудило советское руководство воссоздать систему женсоветов. Подходило к концу Десятилетие женщины (1976—1985 гг.), объявленное Генеральной Ассамблеей ООН, а на июль 1985 г. в Найроби (Кения) была намечена итоговая Всемирная конференция ООН под лозунгом «Равенство. Развитие. Мир». Общественная и политическая жизнь Советского Союза проходила в 1980-е гг. под знаком одобренной в 1979 г. Генеральной Ассамблеей ООН Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. СССР был одним из инициаторов подготовки и принятия Конвенции и ратифицировал ее уже в 1980 г. Первая страна социализма на международной арене должна была показать высокие результаты по достижению равноправия женщин и мужчин. Необходимость подведения итогов Десятилетия женщины в СССР заставила на государственном уровне задуматься над проблемами женщин. К тому же на 1987 г. было намечено проведение Всемирного конгресса женщин в Москве.

В результате вновь, как и в 1920-е гг. — «сверху», была воссоздана система женсоветов во главе с Комитетом советских женщин. Хотя следует оговориться, что в отличие от 1920-х гг. в 1980-е гг. в ТАССР и других республиках это стало возможным во многом благодаря инициативе «снизу». Комитет советских женщин был образован в сентябре 1941 г. как антифашистская организация. Комитет укреплял связи с движениями женщин разных стран, был одним из инициаторов создания Международной демократической федерации женщин. В годы перестройки в круг забот Комитета вошли все вопросы жизни советских женщин. В свою очередь, женсоветы на местах были включены в международное женское движение. Одним из его направлений на протяжении Десятилетия женщины являлась борьба против угрозы термоядерной войны, также женщинами ТАССР велась агитация, собирались деньги в Фонд мира. В течение 1985—1991 гг. ТАССР посетили делегации Немецкого женского союза, женских орга-

низаций Туниса и Мозамбика. Комитет советских женщин не раз направлял за границу в качестве руководителя делегаций председателя Республиканского женского совета Д. С. Давлетшину. Она была в Мозамбике, Ираке, Германии, США, где делилась опытом работы женских организаций СССР и ТАССР.

После воссоздания системы женсоветов функции Комитета советских женщин расширились. Основной целью было содействие повышению трудовой и общественно-политической активности женщин, расширению их участия в решении социально-экономических задач, управлении государственными и общественными делами. Полномочия женсоветов были зафиксированы в Положении о советах женщин, принятом на Всесоюзной конференции женщин в январе 1987 г. По статусу женсоветы, как органы общественной самостоятельности населения, пользовались всеми правами, предоставленными Конституцией СССР общественным организациям. Кроме международной деятельности, на Комитет были возложены все вопросы, касающиеся жизни советских женщин. Комитет на начальном этапе определял цели, задачи, основной план работы женсоветов. Конечно, на местах спускаемые сверху директивы корректировались. Иногда происходило и наоборот — некоторые идеи, способы решения проблем в республиках отмечались Комитетом и распространялись по всему Союзу. Постепенно местные советы расширяли свои функции и становились более самостоятельной в принятии решений структурой, способствовавшей росту самосознания женщин и осмыслению ими своих интересов. В быстро изменяющейся социально-экономической и политической ситуации в стране им приходилось адаптироваться к новым условиям.

Основные права и обязанности женсоветов были прописаны в положениях о женсоветах, принятых Верховными Советами республик. В ТАССР оно было утверждено 31 июля 1984 г. [14, л. 493—497]. Советы женщин создавались по территориально-производственному признаку. В трудовых коллективах и по месту жительства их члены избирались открытым голосованием на собраниях и конференциях женщин сроком на два с половиной года. Районные, городские, республиканские советы женщин формировались, как правило, по принципу делегирования представителей нижестоящих советов на срок 2—3 года (районные и городские) и 5 лет (республиканский). Члены женсоветов вели в один из дней недели, обычно по пятницам, приём посетителей. Без всякой предварительной записи и согласования с чиновниками своего визита люди могли попасть на прием к председателю республиканского совета женщин со своими проблемами, заботами и предложениями.

Женсоветы ТАССР обладали широкими правами, зафиксированными в Положении. Право законодательной инициативы позволяло вносить в советские, государственные, общественные и хозяйственные органы предложения по вопросам, входящим в компетенцию советов женщин. Поскольку председателем республиканского совета женщин являлась Д. С. Давлетшина, которая одновременно занимала должность секретаря Президиума Верховного Совета ТАССР, то довольно часто в повестку дня заседаний вносились наиболее важные вопросы, поступавшие от женсоветов.

Совместно с профсоюзными органами женсоветы имели право «участвовать в разработке планов улучшения условий, охраны труда и санитарно-

оздоровительных мероприятий, в планировании средств предприятий и организаций на социально-бытовые нужды» [15, с. 7], тем самым осуществлялся контроль за соблюдением санитарных норм. Например, женсовет при леспромхозе г. Заинска добился «выделения помещения под комнату гигиены женщин, открытия аптечного киоска, кабинета-ингалятория» [12, л. 10]. Женсоветами ежегодно проводился рейд по предприятиям республики с целью выявления нарушений в вопросах охраны труда, касающихся женщин: проверяли уровень безопасности труда в цехах (на заводе им. Горького в г. Зеленодольске было выявлено, что наибольший травматизм наблюдается среди маляров по причине сложных условий, в которых им приходилось работать, администрация пошла навстречу — вывела маляров из опасной зоны) и обеспечение спецодеждой, защитными средствами; контролировали количество сверхурочных заданий; проводили анализ травматизма среди женщин; следили за соблюдением администрацией КЗОТа в отношении беременных и кормящих. Так, например, в ходе медицинского обследования нижекамских предприятий выявилась просто страшная картина. Состояние здоровья женщин и детей в этом городе напрямую было связано с экологической обстановкой — теперь это всем известно, а тогда об этом мало кто знал. Такой показатель, как уровень преждевременных родов, на агрегатном, двигательном, автотранспортном, литейном заводах КамАЗа превышал в 2,5—4 раза средний по объединению. Экспертная оценка умерших новорожденных, матери которых работали на КамАЗе и имели контакт с вредными производствами, показала: в 80 случаях с высокой вероятностью имело место влияние вредного производства на течение и исход беременности, что привело к рождению детей недоношенными, с аномалиями развития [4, л. 14]. Обработав полученные материалы, женсоветы выступали с требованиями в соответствующие органы ограничить работу женщин на вредных производствах, внедрить льготные режимы труда, улучшить санитарные нормы (строительство душевых кабин, женских гардеробов), разработать мероприятия по сокращению ручного труда и оснащению предприятия новым оборудованием. «Собираясь на свои заседания, — вспоминает Д. С. Давлетшина, — мы приглашали “на ковер” самых крупных командиров производств. Не скрою, мы очень умело использовали власть, свое служебное положение, наконец, авторитет Верховного Совета, представленный в моем лице, чтобы принудить генеральных директоров таких крупнейших предприятий, как “Нижекамскнефтехим”, “Нижекамскшина”, “Теплоконтроль”, РТИ, “Оргсинтез”, дать отчет о состоянии охраны труда и здоровья женщин на своих производствах» [7, с. 117]. В дальнейшем женсоветы следили за ходом выполнения комплексных планов улучшения условий работы женщин, принимаемых на предприятиях. К рекомендациям руководители предприятий могли прислушаться, но не обязательно должны были их выполнять в полном объеме. Находилось огромное количество причин, по которым эти рекомендации не могли быть реализованы. Работа на предприятиях показала в некоторых случаях беспомощность женсоветов в решении вопросов охраны труда женщин. Во многом результат зависел от настойчивости входящих в совет женщин, поскольку их постановления носили все же рекомендательный характер.

Контроль за работой медицинских и детских учреждений, предприятий торговли, общественного питания, службы быта по вопросам обслуживания населения также входил в круг деятельности женсоветов. По результатам рейдов проводились совместные совещания с Министерством здравоохранения ТАССР, профсоюзами и выработывалась программа действий по улучшению работы данных учреждений: в поликлиниках открывались кабинеты здорового ребенка, родильные отделения, осуществлялся ремонт больниц, строительство домов ребенка, школ-интернатов. Вопросы охраны материнства и детства в республике решались комплексно. Особое внимание уделялось здоровью беременных женщин и матерей. Совместно с Министерством здравоохранения ТАССР были организованы при предприятиях цеховые акушерско-гинекологические участки, внедрена диагностика состояния плода, стали функционировать санатории «Мать и дитя». Однако не всё оказалось под силу решить женсоветам. Администрацией предприятий ставились препятствия переводу беременных женщин на удобный режим труда, наблюдались факты, когда беременные женщины привлекались к работам в ночную смену, не редки были случаи увольнения беременных женщин, а также матерей, имеющих детей до 1 года, случаи перевода их после декретного отпуска на нижеоплачиваемую работу.

В период перестройки, после начала радикальной экономической реформы, дискриминация женщин в сфере занятости резко увеличилась. Переход предприятий на хозрасчет и самофинансирование, внедрение таких форм организации труда, как бригадный подряд, поставили под удар самую уязвимую часть трудового коллектива — женщин. Вкупе с призывом М. С. Горбачева к расширению сектора услуг реформы предполагали перспективу долговременного сдвига в женской рабочей силе от промышленной занятости к занятости в сфере услуг [10, с. 25]. Пытаясь воспользоваться правом иметь неполный рабочий день, неполную рабочую неделю, скользящий график, дополнительные отпуска, женщины невольно вступали в конфликт с администрацией, становились невыгодной рабочей силой. При сокращении штатов в первую очередь увольняли женщин. В ходе перестройки обнаружилось противоречие. С одной стороны, женщин призывали активно участвовать в реализации комплекса реформ, с другой стороны, эти реформы породили лишь новые проблемы для женщин. Они составили незащищенную часть общества, страдающую от преобразований, происходивших в стране. Прежняя система социальных гарантий оказалась несовершенной. Однако если мы обратимся к выступлениям М. С. Горбачева, то станет более понятна политика правительства в отношении женщин: «В черед наших трудных будней мы как бы упустили из виду специфические права и потребности женщины, связанные с ее ролью матери, хозяйки семьи, ее незаменимой функцией по воспитанию детей. У женщины, занятой на стройке, на производстве, в сфере обслуживания, в науке, поглощенной творческой работой, просто не стало хватать времени на самые житейские дела — домашнее хозяйство, воспитание детей и просто на уют в кругу семьи. И оказалось, что многие беды — и в поведении детей и молодежи, и в вопросах общественной нравственности, культуры, да и на производстве — связаны с ослаблением семейных уз, девальвацией семейного долга» [3, с. 116]. Не сле-

дует ли из этого вывод, что политика в отношении женщин направлена на то, чтобы вернуть их домой, к патриархальной семье. Тем самым можно решить и проблему занятости: нет безработных женщин — они сами решили посвятить себя семье. По данным, озвученным З. Пуховой (председатель Комитета советских женщин) на XIX Всесоюзной конференции, «сами женщины на вопрос, хотели бы они оставить работу, если бы их семья была полностью обеспечена, в подавляющем большинстве своем (80 %) отвечают: нет!» [16, с. 79]. Неверно видеть основание падения авторитета семьи только в женщине. Истинные причины более глубокие, и коренятся они в отставании экономики, научно-технического развития, запущенности социальной сферы, в нарушении законодательства. Темпы вовлечения женщин в общественное производство значительно опережали развитие социальной сферы и сферы общественного воспитания детей, в результате чего на практике сфера труда и сфера семьи/быта все дальше отдалялись друг от друга. Работая вне дома, женщины не были освобождены от работы по дому и бытовых нагрузок. Слабо развитое общественное питание, очереди, транспортные проблемы, неудовлетворительный ассортимент товаров (промышленных и продовольственных), растущий дефицит всего вынуждали женщин тратить огромное количество времени на простое жизнеобеспечение семьи.

Одна из основных задач, которые ставили перед собой женсоветы, — развитие политической активности женщин и расширение их участия в принятии решений на высшем уровне власти. Это было необходимо для того, чтобы озвучить те проблемы, с которыми они сталкивались. Более открытая политическая среда, наполненная духом состязательности, не только создала новые условия для независимых действий, но также способствовала сокращению числа представительных мест для женщин в национальных и республиканских законодательных органах. В СССР в течение длительного времени существовали негласные квоты представительства женщин в высших эшелонах власти, тем самым поддерживался стабильный уровень участия женщин в советах. Уровень же участия советских женщин в политической жизни страны в 1980-е гг. был весьма далек от идиллической, благополучной картины достигнутого равенства, которую рисовали выборы, проводившиеся ранее в соответствии со спущенными сверху разрядками. Результатом первых квазисоревновательных выборов, состоявшихся в 1989 г. и частично разрушивших старую систему квот, которая гарантировала определенное, пропорциональное количество мест для женщин, как для членов других социальных категорий, явилось существенное сокращение доли женщин-депутатов. В ходе выборов по новой избирательной системе количество женщин в представительных органах всех уровней значительно уменьшилось, несмотря на предоставление Комитету советских женщин целевой квоты в Верховный Совет СССР — 75 мандатов. Если в Верховных Советах СССР предыдущих созывов женщины составляли примерно 35 % от общего состава, то в 1989 г. их количество снизилось до 15,6 %. В регионе ситуация сложилась еще хуже: в Верховном Совете ТАССР XI созыва женщины составляли 38,8 %, в Верховном Совете Республики Татарстан XII созыва — 6 % [1, с. 14].

На примере ТАССР можно увидеть, что в изменившихся условиях проявилось неумение женщин пользоваться своими политическими правами. На круглом столе, организованном редакцией газеты «Коммунист Татарии» и республиканским женсоветом после выборов, обсуждались причины таких удручающих результатов. Во-первых, низким оказался процент женщин, выдвинутых кандидатами в депутаты в Верховный Совет. Л. Г. Космылина отметила, что «с 190 округов было выдвинуто 812 кандидатов, 4 с лишним кандидата на 1 место. И женщин едва более 10 с небольшим процента» [2, л. 9]. Женсоветы столкнулись с тем, что женщины не хотели участвовать в выборах. Многие испытывали страх перед выборными баталиями, так как они проходили в достаточно жестоких формах. В выступлении Л. Г. Космылиной приведен следующий пример: «...в городе Казани у нас была одна великолепная женщина, которая была выдвинута в кандидаты в депутаты СССР, но ее буквально оболгали, после чего она была серьезно больна. Не каждая женщина хочет пройти через эту мясорубку» [2, л. 10]. К предвыборной борьбе женщины оказались совершенно не готовы, не все умели вести агитацию, достойно отстаивать свою точку зрения. Женская часть кандидатов сильно уступала не только по количественным показателям, но и по своим деловым и иным качествам мужской части.

К тому же общественное мнение складывалось не в пользу женщины-кандидата. По результатам прямой связи с избирателями, транслировавшейся по местному телевидению, можно было проследить отношение к женщинам в Советах: «...где-то 50 % мужчин были единого мнения, что женщина — хранительница очага, ей положено щи варить» [2, л. 9]. В основном в женщине видели жену и мать, что ущемляло ее право на свободное развитие как личности. Одновременно женсоветы испытывали психологическое давление со стороны партийных органов. Например, А. Г. Лейман, председатель Автозаводского районного женсовета г. Набережные Челны, говорила о том, что представители райкома партии Автозаводского района и парткома КамАЗа ожесточились против женсовета и начали проверки, после того как «женсовет не стал выдвигать кандидатом в депутаты председателя народного контроля Попова — мужчину, это же смешно, чтобы женсовет выдвинул в кандидаты мужчину, когда... женщин... деловых много» [2, л. 14]. Но ведь не все женсоветы оказались стойкими, многие все же утвердили кандидатов-мужчин, испугавшись сокращения, снижения зарплаты и т. д.

Достаточно велик был процент женщин, выдвинутых кандидатами в народные депутаты, но не избранных на съезд. Еще более усугублял ситуацию такой факт, что по одному округу женсоветы выдвигали нескольких женщин, а по другим округам — ни одной. Кандидаты-женщины оказались слабыми конкурентами в предвыборной борьбе.

Прошедшие выборы народных депутатов СССР, РСФСР и местных Советов показали фактическую неспособность женских советов на местах пользоваться правом выдвижения кандидатов от общественной организации, участвовать в качестве координационной силы в избирательной кампании в трудовых коллективах, по месту жительства.

Воздействие атмосферы гласности на полемику по «женскому вопросу» было особенно драматическим. И дело не только в том, что этот дискурс значительно расширил свой масштаб, открытость, формы, но и в том, что целый ряд проблем, в прошлом табуированных, включая проституцию, изнасилования, контрацепцию и гомосексуализм, стал легитимным предметом анализа и дебатов. С коммерциализацией искусства, с возрастающей пропагандой в художественных фильмах «свободной любви» (фильм «Интердевочка») под сомнение была поставлена традиционная ценность семьи. Молодые девушки уже не хотели так жить, так выкладываться, как их матери, и отказывались от брака, семьи, рождения детей. Проблемы нестабильности современной семьи были отмечены М. С. Горбачевым: «...многие беды — и в поведении детей и молодежи, и в вопросах общественной нравственности, культуры, да и на производстве — связаны с ослаблением семейных уз, девальвацией семейного долга» [3, с. 116]. По мнению Е. Здравомысловой и А. Темкиной, в официальном дискурсе кризис гендерных ролей осмыслялся прежде всего в контексте демографического кризиса. Возникало противоречие между спадом рождаемости и потребностями трудовой мобилизации населения. С другой стороны, мобилизованная для выполнения целей социалистического строительства женщина испытывала трудности в реализации ролей жены и матери. Вовлеченная в общественно полезный труд женщина не справлялась с семейными обязанностями, следствием чего являлись разводы, проблемы в воспитании детей, одинокое материнство. В качестве альтернативы властью рассматривалось «возвращение женщины в семью». Начала усиливаться государственная политика, поддерживающая семью. Для изменения ситуации использовались не только методы воздействия на общественное мнение, но и экономические меры. Многочисленные, но не значительные по величине льготы беременным и матерям в 70—80-е гг. (увеличение числа детских садов и яслей, увеличение оплаты декретных отпусков и отпусков по уходу за ребенком, приоритеты в распределении жилья молодым семьям, разработка программ помощи семье) призваны были стимулировать деторождение. Таким образом, происходила натурализация женской роли — продвижение идеологии материнства как естественного предназначения. Вместе с тем социальная инфраструктура (медицинские, детские дошкольные учреждения, сфера бытового обслуживания) не соответствовала потребностям семьи, заставляя осуществлять собственные стратегии по адаптации к структурным проблемам (использование социальных сетей и родственных связей).

Конечно, женщины ТАССР не остались в стороне от обсуждения появившихся проблем, но самое главное — от их разрешения. В первую очередь женсоветы республики претворяли в жизнь проекты Комитета советских женщин (комплексные целевые программы «Семья», «Здоровье», «Забота»). Совместно с идеологическим отделом татарского областного комитета КПСС и Казанским педагогическим институтом они разработали анкету «Мы и наша семья», по которой провели исследование в 19 трудовых коллективах предприятий и организаций республики с преобладающим женским контингентом. Женсоветами было проведено комплексное обследование каждой многодетной семьи. Это позволило выявить неблагополучные семьи, узнать все их нужды. Исходя из полученных первичных источников информации, женсоветы диф-

ференцированно организовали работу, привлекая к решению сложных проблем органы власти. В некоторых районах ими были учреждены клубы молодой семьи, школы, лектории для молодых родителей, курсы по психологии. Так, Заинский городской женсовет создал клуб молодой семьи «Грани семейной жизни». Молодые люди обучались тому, как планировать бюджет, как разработать семейное меню, как обставить квартиру, как постараться установить хорошие, тактичные отношения со свекровью или тещей [8, л. 1].

Женщин волновало также нравственное воспитание подрастающего поколения. На втором съезде женщин ТАССР они предложили создать целостную систему эстетического воспитания ребенка. Речь шла о том, чтобы внедрить в школьные программы такие познавательные дисциплины, как теория музыки, история изобразительного искусства, народных промыслов по программе Б. Неменского. Они участвовали в организации для детей культурно-массовых мероприятий, летнего отдыха, экскурсий. В конце 1980-х гг. остро встала проблема детской и подростковой преступности. В крупных городах республики появились группировки. За поведением подростков в свободное время устанавливался контроль, организовывался их досуг путем вовлечения в общественные работы, мероприятия. Такую проблему, как подростковая преступность, конечно, не под силу решить женсоветам в одиночку. Для достижения успешного результата поддерживалась тесная связь с детской комнатой милиции, РОНО, родительскими комитетами школ. В основном трудные подростки были из неблагополучных семей, которые женсоветы брали под контроль. С родителями-алкоголиками проводились индивидуальные беседы. Женсовет содействовал в их трудоустройстве, ходатайствовал о принудительном лечении и даже лишении родительских прав.

Проблемы, остро проявившиеся в ходе перестройки, женские советы во главе с Комитетом советских женщин в одиночку решить не могли, несмотря на то что их численность стремительно росла. На 1985 г. в республике действовало 58 женсоветов, а к 1990 г. их число увеличилось до 2319, они объединяли 22 987 женщин [9, л. 10]. По стране на 1989 г. функционировало около 230 тыс. женсоветов (2 млн 300 тыс. чел.). Но эти цифры могут ввести в заблуждение, так как не все формально зафиксированные в советах женщины активно участвовали в их деятельности. К тому же считалось, что женщины по месту работы и по месту жительства сами избирали делегатов, однако известно о множестве случаев, когда женсоветы заблаговременно выявляли «подходящих» женщин. Составленный таким образом список выносился на утверждение первичной партийной организации. Поэтому в некоторых городах и районах отбор делегатов осуществлялся в рамках номенклатурной системы. Многие из них после завершения съездов, конференций, собраний не были задействованы в работе женсоветов.

Следует упомянуть о том, что главная цель всех советских общественных институтов заключалась в распространении государственной идеологии. Комитет советских женщин и женсоветы на местах не были исключением. Система политического воспитания женщин имела преимущественно просветительский характер. Со стороны государственных структур проповедовался исключительный патернализм в отношении к женщинам. Им навязывалась центральная линия партии, правительства. Вся сообщаемая информация носила явно идео-

логизированный характер. На съездах, конференциях, собраниях женсоветов постоянно сообщалось о решениях очередных пленумов в ущерб насущным жизненным вопросам, волновавшим женщин. Таким образом власть знакомила женщин с целями проводимой политики советского государства, для того чтобы они помогли партии в их реализации. В отличие от западного, советское понимание сущности достижения равноправия заключалось не столько в организации борьбы за это достижение, сколько в степени участия женщин в общественных преобразованиях в СССР.

На конференциях, съездах женщин, как правило, обсуждались три группы проблем. Первая охватывала текущую политику, как внешнюю, так и внутреннюю. Идеологическое воздействие на женщин всегда было связано с внутригосударственными или международными интересами Советского Союза. Ярким примером тому может служить II съезд женщин ТАССР, на котором была высказана поддержка внутреннему курсу ЦК КПСС, определенному на недавно прошедшем XXVI съезде партии. Женщины ТАССР вместе с женщинами всей страны одобрили и единодушно поддержали и миролюбивую внешнюю политику КПСС, резко критиковали те страны, которые продолжали размещать оружие массового поражения. Председатель республиканского совета женщин Д. С. Давлетшина заявила: «Мир знает, что именно администрация США открыто провозгласила “возможность” и “допустимость” ядерной войны. Мир помнит, что именно США уже однажды применили ядерное оружие: судьбы японских городов Хиросимы и Нагасаки стали символом ничем не оправданной жестокости. Мир видит, как Пентагон, реализуя их гнусные планы, размещает сегодня свои “Першинги” и крылатые ракеты вблизи границ нашей страны и других социалистических стран Европы...» [5, л. 19]. Подчеркивалась необходимость участия в акциях всесоюзного и международного значения, например по сбору и отчислению денег в Фонд мира, проведение недель милосердия и т. д.

Вторая группа проблем сосредоточивала внимание на роли женщин в социалистическом строительстве. Так, на II съезде был отмечен огромный вклад женщин республики в выполнение государственного плана экономического и социального развития на 1984 г., поскольку ТАССР стала победителем Всесоюзного социалистического соревнования.

Третья группа проблем касалась последних решений, направленных на улучшение положения женщин в обществе, а также обсуждались предложения женсоветов по данному вопросу. Собственно женские проблемы бледно выглядели по сравнению с числом и значением политических тем.

Однако с началом перестройки, введением гласности система политпросвещения начала давать сбои. Когда огласке подверглись многие ранее закрытые стороны жизни советского государства и общества, твердая опора режима — господствующая идеология — стала расшатываться, теряя свою устойчивость и предсказуемость. Так, внедрение гласности в общественно-политическую жизнь подорвало идеологическую неоспоримость партийных решений и оценок. На рубеже 1980—1990-х гг. из уст участниц женсоветов все чаще стала звучать критика проводимого курса партии. Многие испытывали разочарование в темпах и результатах перестройки. Всесоюзный опрос 1990 г. «Женщины и демократизация» показал, что женщины быстро теряют веру в

перестройку, охвачены растущим чувством неуверенности в своей социальной защищенности, в экономической и политической стабильности, боятся изменения социальной структуры общества, грядущей безработицы, роста преступности. Женщины оказались совершенно незащищенными от последствий радикальной экономической реформы. Многие преобразования, которые они поддерживали, в процессе реализации обернулись против них.

В годы перестройки с присущим ей обострением всех общественных противоречий, динамизмом политических событий традиционные социалистические ценности в сознании женщин стали быстро размываться. Круг проблем женщин настолько расширился, что созданная система женсоветов перестала справляться с ними. Женсоветы не всегда гибко реагировали на то, что происходит в обществе, в результате чего оставались в стороне от событий. Сами участницы женских советов республики также критиковали себя за нерешительность, низкую наступательность в отстаивании собственных интересов. Женсоветы не в полной мере реализовывали полномочия, предоставленные им по принятому Положению о женских советах. Отсутствовала систематичность и последовательность в работе. К тому же было характерно распыление деятельности по различным областям. Поскольку женсоветы были созданы с определенными идеологическими установками, к сожалению, они не могли разрешить всех проблем, которые появились вследствие перестройки. Несмотря на творческий, инициативный подход активисток женского движения к своей деятельности, во многом сохранился формализм, который нередко негативно сказывался на результатах работы и отталкивал людей, разочаровавшихся в советском режиме, от сотрудничества с женсоветами. Женсоветы не смогли стать организацией, которая выражала бы интересы всех женщин. Процесс демократизации, вызвавший беспрецедентный всплеск социально-политической активности по всему советскому пространству, привлек многих женщин в новые социальные, экологические, политические и национальные движения и дал импульс возникновению ряда новых форм феминистских организаций.

Решение «женского вопроса» не могло быть уделом только общественности. По мнению С. В. Полениной, «обострившиеся в условиях перестройки противоречия в экономической и социальных сферах требовали также активной научно обоснованной и целенаправленной государственной политики» [13, с. 464]. Необходимо было создать специальный государственный орган по делам женщин. К сожалению, такого ведомства не создано по сей день.

Однако деятельность женсоветов не осталась бесследной. Многие их участницы стали видными политическими и общественными деятелями, которые, используя накопленный опыт, пытаются разрешить «женский вопрос» в современных условиях. На примере Республики Татарстан можно отметить работу З. Р. Валеевой («Женщины Татарстана»), Р. Р. Туфетулловой («Ак калфак»), Л. Н. Андреевой (Казанская городская общественная организация женщин «Женсовет»), З. А. Афанасьевой (общественная противораковая организация «Омет-надежда»). К тому же Республиканский женский совет ТАССР не прекратил своего существования. В 1992 г. он был преобразован в Союз женщин ТАССР, а в 1995 г. — объединение «Женщины Татарстана», получившее статус общественной организации.

Библиографический список

1. Верховный Совет РТ : (пресс-релиз). Казань, 1993.
2. Выступление Л. Г. Космылиной // Текущий архив общественной организации «Женщины Татарстана». Материалы круглого стола, организованного редакцией журнала «Коммунист Татарии» и республиканским женсоветом.
3. *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988.
4. *Гордеева А. Ф.* О задачах женских советов города и района : докл. // Текущий архив общественной организации «Женщины Татарстана». О ходе выполнения решения Комиссии по вопросам труда и быта женщин, охраны материнства и детства ВС ТАССР и президиума Татарского республиканского совета женщин от 5 июня 1987 г. «О состоянии охраны здоровья женщин, работающих на предприятиях производственных объединений “Нижнекамскнефтехим” и “Нижнекамскшина”» : Решение президиума Татарского республиканского совета женщин.
5. *Давлетшина Д. С.* О повышении роли женщины в производственной и общественно-политической жизни, усилении воспитательной работы среди молодежи // Там же. Стенограмма второго съезда женщин ТАССР, Казань, 9 февр. 1985 г.
6. *Давлетшина Д. С.* Что может женсовет? // Там же.
7. *Давлетшина Д. С.* Искренне ваша, Дания Давлетшина. Казань, 2004.
8. Доклад Х. Х. Сайфуллиной // Текущий архив общественной организации «Женщины Татарстана». Отчет о деятельности за 1988 г.
9. Документы : (план работы, устав, тезисы выступлений, переписка) // ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Д. 2198.
10. *Латидус Г. В.* Гендер и перестройка: влияние перестройки и ее последствий на советских женщин // Семья, гендер, культура : материалы междунар. конф. 1994 и 1995 гг. / отв. ред. В. А. Тишков. М., 1997.
11. *Музыря А. А., Копейко В. В.* Женсовет: опыт, проблемы, перспективы. М., 1989.
12. Об активизации деятельности женских советов республики в свете решений XXVII съезда КПСС : докл. // Текущий архив общественной организации «Женщины Татарстана». Материалы заседания Татарского республиканского комитета женщин, июнь 1986 г.
13. *Поленина С. В.* Участие женщин в общественной и государственной жизни СССР (1980-е гг.) // Гендерная реконструкция политических систем. СПб., 2004.
14. Положение о женских советах в Татарской АССР // НАРТ. Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 1652.
15. Положение о советах женщин (женсоветах) в Татарской АССР. Казань, 1988.
16. *Пухова З. П.* XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 г. : стеногр. отчет : в 2 т. М., 1988. Т. 2.
17. *Юкина И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007.

МЕТОДИКА И МЕТОДОЛОГИЯ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ББК 60.542.2:60.561.9

Л. В. Штылева

КАКИЕ ИДЕИ ЛЕЖАТ В ОСНОВЕ МАССОВЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ С РАЗДЕЛЬНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ШКОЛЕ?

В 1990-х, на волне общей либерализации жизни в стране, в ряде школ начались спонтанные эксперименты с отдельным образованием мальчиков и девочек. Они получили широкое распространение в ряде крупных городов и регионов России. Широкомасштабные эксперименты по использованию моделей отдельного обучения мальчиков и девочек с 2001 по 2007 г. проводились на территории Ставропольского края в рамках краевой целевой программы «Здоровьесберегающие технологии в обучении детей». В нем принимали участие 132 учебно-воспитательных учреждения, в которых обучалось более 2000 учащихся начальной школы. Массовые эксперименты по отдельному школьному образованию продолжаются в республике Коми, Красноярском крае, Тамбовской области и на других территориях РФ. Закон «Об образовании» приравнивает любые ограничения в процессе учебы к ущемлению прав граждан, однако для создания «мужских» и «женских» классов есть правовая база — ГЭПы (городские экспериментальные площадки). Благодаря им в последние пять-шесть лет отдельные классы появились в более чем 60 регионах, а также в крупных городах — Москве, Санкт-Петербурге, Сыктывкаре, Сургуте, Краснодаре, Челябинске, Красноярске, Кемерово, Ростове-на-Дону, Ярославле и др.

Из этого следует, что педагоги вновь стали рассматривать пол как важную характеристику, которая влияет на цели, содержание, методы и результаты образования и, значит, должна быть учтена. Появление и развитие учреждений с отдельным образованием (кадетских школ и училищ, лицеев, Мариинских женских гимназий, городских женских гимназий, классов отдельного образования и др.) отражено в педагогических изданиях, на сайтах ОУ, в материалах конференций, газетных публикациях.

В педагогической периодике стало высказываться мнение, что «современное семейное и школьное воспитание требует необходимого учета половых особенностей детей. <...> Анализ теории и практики воспитания и обучения показал, что в условиях игнорирования закономерностей развития пола воспитание не достигает своих целей. И никакие новые педагогические технологии не способны улучшить результаты учебно-воспитательного процесса, если они

опираются на бесполоую педагогику» [24, с. 7] На рубеже веков и начале 2000-х в различных педагогических журналах опубликовано более сорока статей о психофизиологических и психологических различиях между девочками и мальчиками, о раздельном образовании.

В публикациях сторонников полодифференцированного обучения превозносится опыт раздельного образования в отдельных классах и отдельных образовательных учреждениях. В это же время в Интернете отмечено появление многочисленных статей и блогов, в которых обсуждается, насколько вредит совместное обучение воспитанию «мужественных мужчин» и «женственных женщин», здоровью учащихся, и особенно мальчиков, приводятся примеры сексуальных домогательств и межполового насилия во взаимоотношениях между мальчиками и девочками в школе и др. В декабре 2008 г. на запрос с кодовыми словами «раздельное образование» поисковая система «Yandex» предложила 273 тысячи страниц, включая 26 тематических сайтов по образованию, и специальные разделы на популярных сайтах для родителей, страницы на шести сайтах религиозных организаций.

Чтобы выяснить, какие идеи лежат в основе массовых экспериментов с раздельным образованием в современной школе, какие научные аргументы используются практиками для обоснования его целесообразности, мы отобрали публикации в педагогической печати и Интернете, документы ОУ, методические материалы, сборники статей, изданные ОУ для обобщения и распространения своего опыта. Для подбора статей были определены педагогические журналы, к которым, по сведениям библиотекарей, традиционно обращаются школьные работники: учителя-предметники и классные руководители, завучи по учебно-воспитательной работе, директора, учителя начальной школы и школьные психологи. Таким образом, в перечень включены 14 периодических изданий (13 всероссийских журналов и 1 газета «Первое сентября»). Проанализированы статьи, авторами которых в первую очередь являются сами учителя, школьные психологи, руководители учреждений, а также ученые-эксперты, научные руководители экспериментальных коллективов, проектов и общественных лабораторий. Тематический анализ работ в педагогических журналах (с 1993 по 2008 г.) показал, что чаще всего они публикуются в журналах по дошкольному воспитанию (28 статей), общей и школьной психологии (16 статей), начальному образованию («Начальная школа» — 4 статьи, «Начальная школа + до и после» — 4 статьи). В общественно-педагогическом журнале «Народное образование», ориентированном на широкую педагогическую аудиторию, опубликовано 7 статей по раздельному образованию, в журнале «Педагогика» — 4 статьи, в журналах, адресованных классным руководителям и заместителям директоров по учебно-воспитательной работе (4 номинации), — 8 статей. Хронологически частотность обращения к теме в экспертируемых изданиях отражена в таблице.

	Год												Ср.- год.
	1993	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	
Количество статей	1	6	2	1	5	7	11	4	8	14	17	11	6,4

В общем контексте публикаций статьи ученых (В. Д. Еремеевой, А. В. Мудрика, Н. Н. Куинджи, И. С. Кона, Т. Репиной и других) составили 10,6 %, в том числе 3,9 % — материалы, подготовленные непосредственно экспертами в области педагогики.

Отбор интернет-материалов для анализа велся в два этапа: на первом этапе — тематический поиск и учет повторений, случайных совпадений и т. д., на втором — подбор материалов и деление их на кластеры по типам. В первый кластер вошли самоотчеты руководителей нескольких кадетских корпусов (школ) и женских гимназий, отдельные интервью участников экспериментов в региональных и центральных СМИ. Во вторую группу попали сборные публикации по вопросу раздельного образования в интернет-изданиях, на нетематических сайтах и сайтах СМИ. Третий кластер составили интервью, отдельные выступления и статьи экспертов. К специальной группе источников были отнесены уставные документы ОУ, сборники материалов конференций по раздельному образованию и авторские методические рекомендации, составленные на основе опыта работы (например, методическое пособие из опыта работы одной из женских гимназий г. Ярославля).

Тематический и контекстный анализ материалов показал, что концептуальную основу модели раздельного образования второй половины 1990-х составляет полоролевой подход, ориентированный на подготовку мальчиков к государственной воинской и гражданской службе [15], а девочек в первую очередь к роли матери и жены [27]. Целесообразность создания монополовых образовательных учреждений сторонники *кадетских школ* (корпусов, классов) аргументировали «социальным заказом общества на образование, ориентированное на восстановление духовных и интеллектуальных ценностей личности», потребностями «воспитания высококультурного и образованного гражданина, патриота, государственно мыслящего человека», необходимостью помощи детям, «попавшим в трудную жизненную ситуацию, прежде всего детям-сиротам, детям, оставшимся без попечения родителей, детям погибших военнослужащих». По контексту уставов корпусов и кадетских классов (Москва, Тамбов, Красноярск, Мурманск), содержанию учебных планов можно предположить, что помимо объявленных целей при их создании подразумевался дополнительный воспитательный (в смысле дисциплинирующего воздействия) потенциал «особого уклада жизни военизированного, но не военного образовательного учреждения, определяемый воинскими уставами с учетом возрастных особенностей и возрастной психологии детей». Очевидно, в условиях экономической и социальной нестабильности образование и воспитание мальчиков из неблагополучных слоев населения потребовало от руководителей регионов и руководителей ОУ дополнительных мер. Об этом косвенным образом свидетельствует аргумент, приведенный в пользу кадетского образования Верховным атаманом Союза казачьих войск России и Зарубежья В. Водолацким: «Содержание одного кадета в год обходится бюджету в 76,5 тысячи рублей, лечение подростка, страдающего от наркологической зависимости, — 169 тысяч рублей в год, а на содержание одного обучающегося в специальном учреждении для детей и подростков с общественно опасным поведением уходит более 248,2 тысячи рублей в год» [27].

Ведущая идея организаторов Мариинской женской гимназии (Красноярск) — создать «учреждение отдельного образования для девочек, ориентированное на становление образованной *деловой Дамы* (курсив наш. — Л. Ш.), духовно богатой культурной Женщины, любящей Матери, преданной Жены и Друга, умелой Хозяйки» [4] (см. также: [27]). Сочетание несочетаемого — «деловитости» в современном контексте и «Дамы» — свидетельствует, на наш взгляд, об эклектичности и внутренней противоречивости представлений организаторов относительно того гендерного конструкта («суперженщины эпохи капитализма»), который подразумевается в качестве цели образования, а также о том, что практики остро нуждались в квалифицированной научно-педагогической помощи.

Можно сказать, что ключевой идеей возврата к отдельному образованию в конце XX века вновь стали представления о «божественном замысле разного предназначения полов в природе и обществе». В то же время сторонники отдельного образования сами сомневаются в «своевременности» отдельного образования. Об этом свидетельствуют компромиссы в виде «отдельного обучения мальчиков и девочек с созданием общего воспитательного пространства» [23], «отдельно-параллельного образования: отдельного образования для мальчиков и девочек при наличии общего воспитательного пространства и организации совместной воспитывающей деятельности» [12], двойственность в определениях целей и др. Кроме того, довольно скоро обнаружилось противоречие между полоролевым подходом идеологов отдельного образования и правом на равный доступ к образованию девочек и равное к ним отношение. В Тамбовской и Московской областях, Мурманске и Североморске девочки проявили желание учиться в классе кадет. В конечном итоге в Тамбовской области количество девочек в корпусах кадет составило к 2007 г. 24 % (что отражает современную тенденцию увеличения численности женского персонала в рядах служащих вооруженных сил, правоохранительных органов и других силовых структур, которые ранее считались исключительно сферой профессиональной деятельности мужчин). Таким образом, жизнь показала, что половая дифференциация в образовании по принципу «полового» разделения сфер деятельности не отвечает реалиям времени и объективным потребностям населения.

Вторым аргументом сторонников отдельного образования является тезис о множественных существенных половозрастных различиях между мальчиками и девочками, «не учитывать которые — значит губить мальчиков еще в начальной школе», а «учить девочек и мальчиков одинаково — преступление» [9]. К существенным различиям отнесены гетерохронность духовного, физического и интеллектуального развития мальчиков и девочек в младшем и среднем школьном возрасте (при единых требованиях к ним со стороны педагогов в учебно-воспитательном процессе), различия в психодинамических характеристиках и типах функциональной организации мозга. Иначе говоря, различия мозга и психики мальчиков и девочек выступают одним из главных аргументов разделения образования по полу. На какие научные аргументы опираются организаторы-практики, чье мнение для них авторитетно?

Для анализа мы отобрали 16 текстов, среди которых статьи и выступления «из опыта работы» руководителей кадетских корпусов и женских гимна-

зий, школ с отдельным образованием, руководителя отдела регионального управления образованием, самоанализ работы за период от одного года до 8 лет, три интервью, несколько статей ученых-экспертов (Г. В. Базарного, Г. В. Козловской, И. С. Кона, А. В. Мудрика, Т. П. Хризман).

Анализ самоотчетов и статей руководителей ОУ показал, что главные авторитеты в этих вопросах — доктор медицинских наук детский психиатр Г. В. Козловская, доктор медицинских наук офтальмолог В. Ф. Базарный, доктор медицинский наук Н. Н. Куинджи и доктор биологических наук Т. П. Хризман. Напомним, что, по мнению Г. В. Козловской, изложенном в интервью СМИ, совместное обучение не только способствует феминизации мальчиков и маскулинизации девочек, но и ведет к вырождению нации [13]. В. Ф. Базарный утверждает, что при совместном обучении школьники усваивают стереотипы поведения, нехарактерные для их пола, и в результате мы имеем «полчища гермафродитов», так что современная школа — это «рассадник нечистой силы». А при параллельно-совместном обучении дети лучше учатся и имеют более высокое самоуважение, мальчики из отдельных классов к окончанию школы в среднем на 4 см выше своих сверстников [2]. По мнению Куинджи и Хризман, «мальчики и девочки — два разных мира» со всеми вытекающими последствиями для образования. В некоторых регионах эксперименты с отдельным образованием идут под непосредственным руководством упомянутых авторов или с участием сотрудников возглавляемых ими организаций. В качестве обучающего пособия для педагогов используется фильм В. Горячева «Спасем детей — спасем Россию», в котором идея отдельного обучения представляется как одна из актуальных для решения проблем образования в целом, сохранения нравственного и физического здоровья детей. Таким образом, педагоги — сторонники и организаторы отдельного образования в школе прислушиваются к голосу биологов, психоневрологов и нейрофизиологов, что предопределяет биодетерминированный, медико-биологический угол зрения в экспериментах с отдельным обучением.

По мнению участников экспериментов в лице научных руководителей, педагогов и руководителей ОУ, сильными аргументами в пользу отдельного образования являются «впечатляющие результаты»:

— «Многие ребята, занимавшиеся ранее в отдельных классах, учатся на “хорошо” и “отлично” до сих пор. Да и физически они лучше развиты. Их здоровье за те 5 лет, которые мальчики и девочки провели отдельно друг от друга, не только не ухудшилось, но и улучшилось» [10];

— «Для девочек отдельное образование — благо. Они успешнее, чем парни, сдают ЕГЭ — даже по математике. У них лучше здоровье, чем у их сверстниц из смешанного класса. <...> ...Качество образования в гимназии находится на высоком уровне... 99 % воспитанниц поступают в вузы города и страны... Но и выпускники классов мальчиков — самые успешные. Они не только хорошо учились в школе, участвовали в различных олимпиадах, но и 100 % выпускников таких классов поступают в институты» [9];

— «Отдельное обучение помогло убрать ненужное соревнование полов в начальной школе. Оказалось, что мальчики гораздо лучше себя чувствуют в однополном коллективе, меньше стесняются, более раскованны и общительны» [11];

— «При отдельном обучении более успешно протекает период адаптации первоклассников, в классах устанавливается более благоприятный микроклимат, который способствует большей успешности в учебной деятельности, снижается уровень тревожности и агрессивности» [1] и т. д.

Иначе говоря, подчеркивается здоровьесберегающий и психосберегающий потенциал отдельного образования, его благоприятное воздействие на продуктивность учебной деятельности школьников и моральный климат в коллективах (что не подлежит сомнению). Но анализ средств, которыми достигаются позитивные результаты, ставит под сомнение сделанные выводы. На наш взгляд, они не совсем корректны, так как во всех опубликованных самоотчетах и самоанализах отмечается, что организаторы приложили много усилий для создания исключительно комфортных условий обучения в учреждениях и классах с отдельным образованием:

— в газетном интервью заместитель директора гимназии № 644 из Санкт-Петербурга Е. Ягунова рассказывает, что «ребят (учащихся) не только “делят”, но также помещают жить в пансионат с отличным питанием, условиями для развития, спорта и отдыха»;

— в отчете школьного психолога гимназии № 14 «Университетская» (Новосибирск) автор пишет: «В рамках эксперимента мы стараемся сделать процесс обучения как мальчиков, так и девочек психологически комфортным, наилучшим образом способствующим личностному развитию учащихся. С этой целью составлена программа воспитательной работы, направленная на создание информационно насыщенной воспитательной среды, оптимальным образом влияющей на формирование личностных качеств мальчиков и девочек, выстраивание их взаимоотношений на здоровой, положительно эмоционально окрашенной основе»;

— в Красноярской Мариинской женской гимназии особое внимание уделяется вопросам безопасности, «и это не только традиционные меры обеспечения физической безопасности, это еще и сохранение психофизиологического и нравственного здоровья воспитанниц. Ведь здоровье — одна из доминирующих ценностей в гимназии. Осуществляется комплексное сопровождение воспитанниц в образовательном процессе на основе взаимодействия педагогов, психологов, социального педагога, медиков, направленного на профилактику социально-эмоционального благополучия и создание условий для успешной социализации, сохранения и укрепления здоровья, защиты прав воспитанниц. <...> Высокий уровень знаний в Мариинской гимназии обеспечивается и тем, что у воспитанниц есть вторая половина дня, которую они используют по своему усмотрению: посещают центр дополнительного образования, факультативы, получают индивидуальную консультацию по интересующему вопросу у педагогов-предметников, устраняют пробелы в знаниях, исправляют оценку, занимаются исследовательской деятельностью» [4];

— в Красноярском краевом агентстве по образованию с пониманием относятся к тому, что «для кадетского образования необходимо хорошее оснащение и современное техническое оборудование. Везде должен быть постоянно поддерживаемый порядок и чистота. Воспитанники должны быть обеспечены

качественным питанием и обмундированием» [12]. На что из бюджета края выделяются значительные средства;

— в Тамбовской области кадетские корпуса при реализации образовательного процесса сотрудничают с учебным центром МЧС, Тамбовским отделением медицины катастроф, Межвидовым учебным центром по подготовке младших специалистов РЭБ, городскими и районными инспекциями Госпожнадзора, детско-юношескими спортивными школами, городскими и районными военкоматами, воинскими частями, расположенными на территории Тамбовской области. В результате этого сотрудничества учащиеся корпусов кадет повсеместно обеспечены питанием и обмундированием за счет учредителей, дополнительными образовательными программами по профилям военных специальностей, вовлечены в допрофессиональную подготовку, участвуют в увлекательных летних сборах с элементами спортивного туризма, военной и технической подготовки, получают в случае необходимости индивидуальную психологическую и иную помощь [15].

Регулярный мониторинг здоровья учащихся кадетских школ и женских гимназий, классов раздельного образования, ведение индивидуальных паспортов и программ оздоровления, внимание к оздоравливающим процедурам и программам в течение рабочего дня ставят этих учащихся в привилегированное положение (по сравнению с учениками других образовательных учреждений, работающих в обычных условиях) и способствуют сбережению их здоровья, хорошему самочувствию.

Иными словами, нельзя относить успехи учащихся и выпускников учреждений раздельного образования только на счет *полодифференцированной* организации обучения. Бесспорно, имеет место «хотторнский эффект», что означает, что в лучших условиях и при повышенном внимании можно получить лучшие результаты. Психологи считают также, что в данном случае положительные результаты обучения дают даже не гендерные механизмы, а *законы общественных групп*. Следовательно, возникают трудности в определении эффективности раздельного обучения на фоне других дифференциаций: различий способностей детей в зависимости от возраста, школьного этоса и социального статуса учащихся. Для того чтобы сделать непредвзятые выводы, необходимы высококвалифицированные масштабные исследования, аналогичные исследованиям, проведенным в США, Англии, Голландии, с учетом всех переменных и проверкой некоторых из предполагаемых следствий.

В то же время среди всех категорий участников эксперимента (педагоги, учащиеся, родители, ученые-эксперты) немало противников раздельного образования и разочаровавшихся в методе.

В Буденновске не весь педагогический состав школ, в которых внедряли эксперимент, поддерживал данную методику. Противники «гендерного обучения» (*именно так раздельное образование вдруг стали именовать во многих самоотчетах и статьях!*) полагают, что разделять детей по половому признаку нельзя, и опасаются, что таким образом мальчики и девочки не приобретут необходимых навыков общения. Разница между полами, считают они, сильно преувеличена. Хороших результатов можно добиться и в совместных классах, практикуя индивидуальный подход. Конечно, пол ребенка определяет многое,

но гораздо важнее его личностные характеристики. Не все девочки аккуратны и усидчивы, так же как и не все мальчишки от природы взбалмошны и неряшливы [26].

Значительное снижение интереса педагогов Санкт-Петербурга к раздельному образованию отмечает ректор Петербургской академии последипломного образования учителей С. Жолован (см.: [22]).

Есть противники раздельного образования и среди экспертов-ученых: А. Калмыкова, заведующая кафедрой пропедевтики детских болезней и поликлинической педиатрии, профессор Ставропольской государственной медицинской академии, считает, что в школах необходимо внедрять здоровьесберегающие технологии, но делать это нужно разумно. Что касается методики Базарного, то она согласна не со всеми пунктами его концепции, так как некоторые рекомендуемые ученым мероприятия проводятся фронтально, без учета состояния здоровья каждого отдельного ребенка. Директор Института возрастной физиологии РАО М. М. Безруких полагает, что между мальчиками и девочками нет такой жесткой разницы, как это представляется ее коллегами. Она убеждена: экспериментаторы «судят о функционировании мозга по косвенным признакам. Однако при любой интеллектуальной деятельности ребенка активно включаются оба полушария. Половые различия не определяют способность к обучению и не оказывают решающего влияния на когнитивное развитие детей. Индивидуальные особенности когнитивного развития перекрывают половые различия» (см.: [17]).

С аргументированной критикой биодетерминированной концепции раздельного образования неоднократно выступали известные эксперты И. С. Кон [18] и И. С. Клецина [16, с. 119—127].

В «Новых известиях» (2007 г.) приводится мнение выпускницы московской женской гимназии № 38 Татьяны Валентиновны, которая опровергает ряд мифов раздельного образования: «Я училась отдельно от мальчиков с первого класса. Моя мама не хотела, чтобы мальчики отвлекали меня от образовательного процесса, поэтому училась я от них отдельно, в атмосфере полной рафинированности. К концу обучения все мои одноклассницы окончательно убедились в том, что девочка девочке — конкурент. Дружеской атмосферы у нас не было, все старались доказать свое превосходство, ходили нервные. О сплоченном коллективе не было и речи. В итоге, едва окончив гимназию, я вышла замуж. Уберечь меня от мужского внимания маме не удалось» (см.: [22]).

Самые последовательные критики раздельного образования подчеркивают несколько существенных, на их взгляд, его *недостатков*:

— раздельное обучение мальчиков и девочек, по сути, ведет к потере важного социального навыка взаимодействия с противоположным полом. А опыт общения накапливается как раз на школьной скамье. Школа учит взаимодействовать в деле, а не просто любоваться друг другом на дискотеках. Дети, обучающиеся в раздельных классах, по заключению психологов, видят жизнь очень однобоко. Аргумент, что они ограждены от сомнительных прелестей полового созревания, не выдерживает критики. Сейчас слишком большое влияние имеют средства массовой информации, где детям рассказывается обо всех прелестях половой жизни. Совсем оградить своего ребенка не получится даже

при очень большом желании. Кроме того, поделив учеников сначала по гендерному признаку, говорят оппоненты, надо продолжить их делить по расовому, религиозному, физическому, интеллектуальному признакам и т. д. [20];

— в образовании, дифференцированном по полу, происходит закрепление гендерных стереотипов школьного образования относительно «женских» и «мужских» предметов, в результате чего мальчики *обязаны* отдавать предпочтение исключительно точным наукам, а девочки — предметам гуманитарным и ориентированным на ведение домашнего хозяйства. От гендерных стереотипов в образовании страдают и те и другие: нивелируются индивидуальные способности и задатки, разговоры о личностно ориентированном образовании остаются пустыми декларациями;

— параллельно-совместное и раздельное обучение во всех его вариантах излишне мистифицировано. В некоторых школах с первого класса мальчиков посвящают в «богатыри земли русской» и присваивают воинское звание, надеясь заложить тем самым уважение к будущей службе в армии, а всех девочек наделяют статусом «невесты», вручая белые венки и люльки с игрушечными младенцами [20];

— придавая избыточное значение медико-биологическим и нейрофизиологическим различиям, современные теоретики и практики раздельного образования в России совершенно не учитывают социальный и социально-исторический контекст, ориентируются на воспитание «богатырей» и «принцесс», которым трудно будет найти место в постиндустриальном обществе XXI века [17];

— психолого-педагогическая проблематика раздельного образования излишне политизирована, нередко подменяется идеологическими фальшивками и спекуляциями на религиозную тему [25];

— никто из сторонников раздельного образования не прогнозирует его отдаленные последствия для индивида и общества в целом.

Наконец, опрос Фонда «Общественное мнение» в 2008 г. показал: в пользу однополого образования высказались лишь 9 % опрошенных. 76 % россиян убеждены в том, что лучше, когда мальчики и девочки учатся вместе, а 15 % не имеют на этот счет определенного мнения. Таким образом, инициатива раздельного образования в предложенной полоролевой парадигме не отвечает потребностям современного российского общества.

Во второй половине XX века, и в особенности в 70—90-х гг., в западной педагогике и образовании в связи с гендерными исследованиями также произошли существенные изменения, основной пафос которых сводится к признанию того, что «мир явно становится все более многоцветным. Индивидуализация и плюрализация социального бытия влечет за собой неизбежность признания не только разных типов маскулинности и фемининности, но и таких индивидуальных стилей жизни, которые вообще не вписываются в эту дихотомию. Чем лучше мужчины и женщины будут знать самих себя и друг друга, тем меньше у них будет разочарований» [19, с. 605].

В основе «женских исследований» 1980-х гг. лежал сильный элемент критики существующего образования, разрабатывались позитивные рекомендации по его улучшению и радикальному изменению. Главным образом критике подверглись содержание курсов, структура и методы самого обучения,

их «ложная гендерная нейтральность». В результате феминистского анализа теории и практики школьного образования был выявлен и вскрыт «неявный гендерный обучающий план», разработаны предложения по изменению содержания и методов образования, учебников и программ, гуманизации педагогического общения.

Благодаря феминистской критике, развитию женских и гендерных исследований в общественных и гуманитарных науках Запада установилась точка зрения, что *решающую роль в формировании гендерных различий играет не биологический пол, а те социальные и культурные смыслы, которые общество приписывает факту анатомических различий между мужчинами и женщинами*. Иными словами, важным является не факт наличия или отсутствия межполовых психологических различий, а *анализ контекста* их создания, а также *анализ следствий неравенства*, проистекающего из этого факта.

В ряде стран, наиболее последовательно приверженных принципам демократии и целям развития человеческого потенциала (Швеция, Норвегия, Канада, Дания и др.), изменения в образовании под гендерным углом зрения проводились в рамках принятых этими государствами всеобъемлющих гендерных стратегий, направленных на достижение гендерного равенства между женщинами и мужчинами (подробнее см.: [3, 5, 6, 7, 8, 14, 21]).

Таким образом, появление и развитие в России 1990-х гг. учреждений с раздельным образованием мальчиков и девочек (кадетских школ и училищ, лицеев, Мариинских женских гимназий, городских женских гимназий, классов раздельного образования и др.) подтверждает влияние идеологии на рассмотрение социальных проблем. Разумеется, проблемы эффективности разных моделей обучения реально существуют, экспериментировать в этом направлении необходимо, но с более релевантным пониманием причинно-следственных связей. По мнению И. С. Кона, «параллельно-совместное обучение, если его идеологизировать и демистифицировать, или раздельные уроки по гендерно-сенситивным предметам (по английскому образцу) могут быть успешными. Школа и учитель должны иметь право на индивидуальность, а родители и ученики — право выбора того, что им больше подходит» [17].

Но сегодняшняя практика раздельного образования отражает биодетерминированный полоролевой подход в общественных и гуманитарных науках, аргументированный противоречивыми данными из области нейропсихологии, и абсолютно не учитывает широкий социокультурный контекст, в котором развивается личность. Такое образование ориентировано на усиление гендерной поляризации, а следовательно, на сужение жизненного пространства самореализации индивида и обострение социокультурных противоречий между полами. В то время как западная педагогика и психология работают над ослаблением гендерной поляризации в пользу развития индивидуальности, излишне биодетерминированная идеология раздельного образования в России уводит школу в противоположном направлении.

Кроме того, в процессе экспериментов с раздельным образованием в школе 1990-х ложно истолковано новое в педагогике (и модное в науке) понятие «гендер». В представлениях отечественных теоретиков и практиков раздельного образования новый термин полностью отождествляется с биологиче-

ским полом, непостижимым образом сливается с полодифференцированным образованием и употребляется как его синоним. Осуществляя сугубо традиционалистский полоролевой подход, сторонники раздельного обучения именуют свою практику «гендерным образованием», «гендерной педагогикой», что, конечно, в корне неверно и еще больше сбивает с толку тех, кто хотел бы действительно разобраться и понять сущность нового подхода к вопросу пола в образовании и гендерной социализации подрастающего поколения.

Библиографический список

1. Анализ состояния инновационной деятельности школы 343 // Формирование гендерного подхода к обучению и воспитанию учащихся в школе 343. URL: http://www.school343.ru/gendernaya_pedagogika/
2. *Базарный В. Ф.* О трагических последствиях смешанного (бесполого) воспитания и обучения в школах // Образование и здоровое развитие учащихся : материалы Всероссий. форума с междунар. участием : в 4 ч. М. : Ключ-С, 2005. Ч. 3.
3. *Белл Хукс.* Наука трансгрессировать. Образование как практика свободы // Гендерные исследования / ХЦГИ. 1999. № 2 (1).
4. Выступление С. Ромашенко, директора Красноярской Мариинской женской гимназии // Обществ. период. журн. для кадетских корпусов России. 2007. Вып. 3. URL: <http://www.kadet.ru/index.php?page=news&action=news&id>
5. *Гаскел Дж., Макларен А., Новгородская М.* Стремясь к образованию : феминизм и канадские школы : (главы из книги) // Гендерное образование в средней школе: российский и канадский опыт : учеб.-метод. материалы / пер. с англ. и публ. И. А. Школьникова. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2002.
6. Гендерное равенство: поиски решения старых проблем : сб. ст. М., 2003.
7. Гендерные проблемы и развитие. Стимулирование развития через гендерное равенство в правах, в доступности ресурсов и возможности выразить свои интересы : пер. с англ. М. : Весь мир, 2001.
8. Гендерный анализ. Женщины и мужчины в развитии / изд. упр. SIDA. М., 2003.
9. Из выступления Е. Дубовской, директора Мариинской женской гимназии, г. Железнодорожск // Обществ. период. журн. для кадетских корпусов России. 2007. Вып. 3. URL: <http://www.kadet.ru/index.php?page=news&action=news&id>
10. Из интервью с В. Ворощенко, директором школы 19, Ставрополь // Там же.
11. Из интервью Л. Чужиновой, завуча по воспитательной работе в начальной школе гимназии № 3 Буденновска. URL: <http://1sentyabrya.ru>
12. Из отчета Н. Кораванец, начальника отдела кадетских учебных заведений Агентства образования Администрации Красноярского края // Обществ. период. журн. для кадетских корпусов России. 2007. Вып. 3. URL: <http://www.kadet.ru/index.php?page=news&action=news&id>
13. Женщина и мужчина по-разному устроенные организмы : из интервью с профессором Г. Козловской. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/society/razdelobuchenie.htm>
14. *Исмаилов Э.* Гимназическое образование в Швеции: гендерный аспект // Высшее образование в России. 2004. № 1.
15. Кадеты в Тамбовской области. Российская кадетская переключка // Обществ. период. журн. для кадетских корпусов России. 2007. Вып. 3. URL: <http://www.kadet.ru/index.php?page=news&action=news&id>
16. *Клецина И. С.* Практикум по гендерной психологии. СПб. : Питер, 2003.
17. *Кон И. С.* Раздельное обучение: плюсы и минусы : публ. лекция. 13.11.2008 г. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2008/11/18/kon.html>

18. *Кон И. С.* Плюсы и минусы раздельного и совместного образования // Педагогика. 2006. № 9.
19. *Кон И. С.* Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Введение в гендерные исследования : в 2 ч. / под ред. И. А. Жеребкиной. СПб. : Алетейя, 2001. Ч. 1.
20. Конференция в сети по вопросам раздельного образования. URL: <http://www.detiseti.ru/modules/news/article.php?storyid=1358>
21. *Луговская И. Р.* Школьное обязательное образование Северных стран : моногр. / Арханг. пед. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск, 2001.
22. *Наравская К., Поздняев К.* В российские школы возвращается раздельное обучение // Новые известия. 2007. 31 июля. URL: <http://www.detiseti.ru/modules/news/article.php?storyid=1358>
23. Отличительные особенности современного содержания кадетского образования и воспитания // Обществ. период. журн. для кадетских корпусов России. 2006. Вып. 1. URL: <http://www.kadet.ru/index.php?page=news&action=news&id>
24. *Петрова Т. В.* Дифференцированный подход в воспитании мальчиков и девочек младшего школьного возраста // Нач. шк. 2007. № 8.
25. *Умм Сафия.* Преимущества раздельного обучения в школах. URL: http://muslima.ru/index_new/index.php?option=com_content&task=view&id=228&Itemid=291
26. *Якимова Н.* В классе только мальчики // Рос. газ. 2008. № 4563. 16 янв. URL: <http://www.rg.ru/2008/01/16/reg-kavkaz/gender.html>
27. Информация с сайта кадетских организаций России // Обществ. период. журн. для кадетских корпусов России. 2007. Вып. 3. URL: <http://www.kadet.ru/index.php?page=news&action=news&id>

ББК 60.542.2

Д. А. Севостьянов

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ГРАФИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА

Актуальность темы. Вопросы гендерной идентичности приобретают в последнее время все большее социологическое значение. Особенности современной социализации в большой мере связаны с изменениями в структуре гендерных стереотипов, обострением внимания к взаимоотношениям полов, половой идентичности. Гендерная идентичность затрагивает наиболее глубинные слои социальных явлений и одновременно служит хорошо наблюдаемым индикатором состояния общества.

Исследователи гендерной идентичности используют информацию из разных источников. Ряд ученых в числе прочего применяли и применяют графические методы диагностики гендерной идентичности [6, с. 96—98]. Речь идет о ее раскрытии в тестовом рисунке.

В то же время логично предположить, что вопросы гендерной идентичности приобретают неодинаковое значение в разных возрастных группах. При

этом мы не можем сказать, что ее проявления освещены в литературе в равной степени подробно применительно ко всем возрастным группам. Если подростковой и юношеской гендерной идентичности посвящено большое количество разнообразной литературы (см. напр.: [1, с. 152—158; 5, с. 12—26; 7, с. 160—161]), то для лиц зрелого и пожилого возраста подробных данных не представлено.

В настоящем исследовании гендерная идентичность понимается как содержательная сторона одного из высших уровней моторного построения (по Н. А. Бернштейну), а именно теменно-премоторного уровня D [4, с. 106—141].

Диагностика гендерной идентичности по рисунку становится возможной благодаря определенной смысловой инверсии. Дело в том, что топологический уровень моторного построения, в рамках которого решается, какого топологического класса фигура будет изображена — мужская или женская, не является высшим в изобразительной деятельности. Над ним имеется вышестоящий уровень E, оперирующий символами. Не что иное, как символы составляют осознанную самоцель рисунка, половая же принадлежность фигуры обозначается неосознанно, автоматически. Испытуемый не подозревает, что методика исследует именно данное, неосознанное действие [8, с. 331]. На этом фактически основана вся проективная диагностика [2, с. 464—468].

Предусмотренное в графическом тесте задание — нарисовать человека — без указания, какого пола будет этот человек, пробуждает испытуемого изобразить фигуру либо топологического класса «мужчина», либо топологического класса «женщина». Возможен и третий вариант — фигура неопределенного пола.

Разумеется, преобладание фигур неопределенного пола иногда имеет некоторую взаимосвязь с их сложностью (детализацией); но связь эта весьма относительна. Даже очень примитивная и грубо выполненная фигура может быть отчетливо мужской или женской. С другой стороны, тщательно выполненная, сильно детализированная фигура в определенных случаях относится к неопределенному полу. Это, как мы знаем, касается не только рисованных изображений. В реальной жизни нам приходится встречать людей, по внешности которых невозможно или очень трудно определить их половую принадлежность. Такого рода персонажи могут быть найдены и в художественной литературе; расхожим примером стало «дитя» по имени Брюн из произведения братьев Стругацких «Отель “У погибшего альпиниста”». Поскольку гендерная идентификация, отраженная в рисунке, неизбежно несет проективные черты Я-концепции испытуемого, на нее следует обратить особое внимание.

Материалы и методы исследования. Для оценки возрастных особенностей проявления гендерной идентичности были использованы тестовые рисунки.

В выполненном каждым испытуемым тестовом рисунке присутствует 3 фигуры, которые могут достоверно подвергаться гендерной оценке: изображение головы в фас, головы в профиль, человек в полный рост. Испытуемый получал задание нарисовать человека, выбор же пола изображаемой фигуры оставался за испытуемым. Оценивалось среднее количество фигур, принадлежащих к мужскому полу, к женскому полу, а также фигур неопределенного пола.

Прежде чем изучать динамику гендерной идентичности по графическому тесту, следует выяснить, насколько высока ретестовая надежность этого при-

знака. Другими словами, необходимо определить, насколько данный признак подвержен ситуативным изменениям под влиянием случайных факторов. Если изображение фигуры своего или противоположного пола носит случайный характер, то исследование будет не столь информативно. Если же гендерная идентичность, представленная в рисунке, показывает относительную устойчивость, то ее возрастная динамика приобретает особое значение.

Чтобы прояснить этот вопрос, было проведено предварительное исследование, охватившее в общей сложности 486 испытуемых (студентов медицинского университета), 151 человек из них — мужского пола и 335 человек — женского пола (такое соотношение полов отражало реальную ситуацию в вузе). Все испытуемые обследовались дважды с интервалом в 10 недель. Срок этот достаточен, чтобы свести к минимуму влияние первого исследования на второе и чтобы за это время не произошло личностных изменений.

В приведенных ниже табл. 1 и 2 показан полученный результат (++) означает наличие признака в обоих исследованиях; +/- — наличие признака в первом исследовании, но отсутствие во втором; -/+ — отсутствие признака в первом исследовании, и появление его во втором; -- — отсутствие признака в обоих исследованиях).

Таблица 1

**Ретестовая надежность гендерной принадлежности,
мужской пол (151 чел.)**

	Признаки, %			
	++	+/-	-/+	--
Фигуры своего пола	83,4	6,0	5,7	4,9
Фигуры противоположного пола	1,5	4,2	2,2	92,1
Фигуры неопределенного пола	2,4	2,2	4,2	91,2

Средняя доля стабильных признаков (++) и --, вместе взятые) приближенно составляет 91,8 %. Средняя доля нестабильных признаков — 4,1 % (+/-) и 4,0 % (-/+). Два последних показателя различаются пренебрежимо мало. Следовательно, влиянием первого исследования на второе, а также личностными изменениями, произошедшими за время между исследованиями, можно пренебречь.

Обратимся теперь к группе испытуемых женского пола.

Таблица 2

**Ретестовая надежность гендерной принадлежности,
женский пол (335 чел.)**

	Признаки, %			
	++	+/-	-/+	--
Фигуры своего пола	53,3	13,0	12,3	21,2
Фигуры противоположного пола	13,3	9,8	10,2	66,7
Фигуры неопределенного пола	3,9	6,7	6,9	82,5

Средняя доля стабильных признаков (++) и --, вместе взятые) приближенно составляет 80,3 %. Средняя доля нестабильных признаков — 9,8 % (+/-)

и 9,8% (-/+), т. е. данные показатели равны. Следовательно, и здесь влиянием первого исследования на второе, а также личностными изменениями, произошедшими за время между исследованиями, можно пренебречь.

Если принять в качестве нулевой гипотезы полное доминирование случайных влияний на гендерную идентичность изображений, то очевидно, что процент стабильных признаков (+/+ и -/-, вместе взятые) должен стремиться к 50. В качестве альтернативной гипотезы следует рассматривать устойчивость данного признака. Для оценки достоверности отклонений от нулевой гипотезы было применено угловое преобразование Фишера.

У испытуемых мужского пола $\varphi^* = 8,60$; у испытуемых женского пола $\varphi^* = 8,43$. Поскольку при угловом преобразовании Фишера значимые изменения лежат в зоне

$$\varphi^* \geq 2,31 \text{ (при } p \leq 0,01),$$

нулевая гипотеза должна быть решительно отклонена, а верной признана альтернативная гипотеза — об устойчивости признаков гендерной идентичности, отраженной в тестовом рисунке.

Теперь рассмотрим свойства гендерной идентичности применительно к разным возрастным группам.

Количество испытуемых различных возрастных групп, которые приняли участие в данном этапе исследования, представлено в табл. 3.

Таблица 3

Численность контингентов второго этапа исследования, чел.

Пол	Возрастные группы, лет				
	20—29 (1)	30—39 (2)	40—49 (3)	50—59 (4)	60—69 (5)
Мужчины	279	45	69	62	72
Женщины	496	268	179	126	81

Таким образом, в этом этапе исследования приняло участие 527 испытуемых мужского пола, 1150 испытуемых женского пола, а всего — 1677 человек.

Для оценки достоверности возрастных колебаний и гендерных различий по каждому признаку также применено угловое преобразование Фишера.

Процент изображенных фигур своего пола представлен в табл. 4 и на рис. 1.

Таблица 4

Процент изображенных фигур своего пола

Пол	Возрастные группы, лет				
	20—29 (1)	30—39 (2)	40—49 (3)	50—59 (4)	60—69 (5)
Мужчины	88,8	91,1	83,1	84,4	86,6
Женщины	63,8	67,4	62,2	47,9	36,6

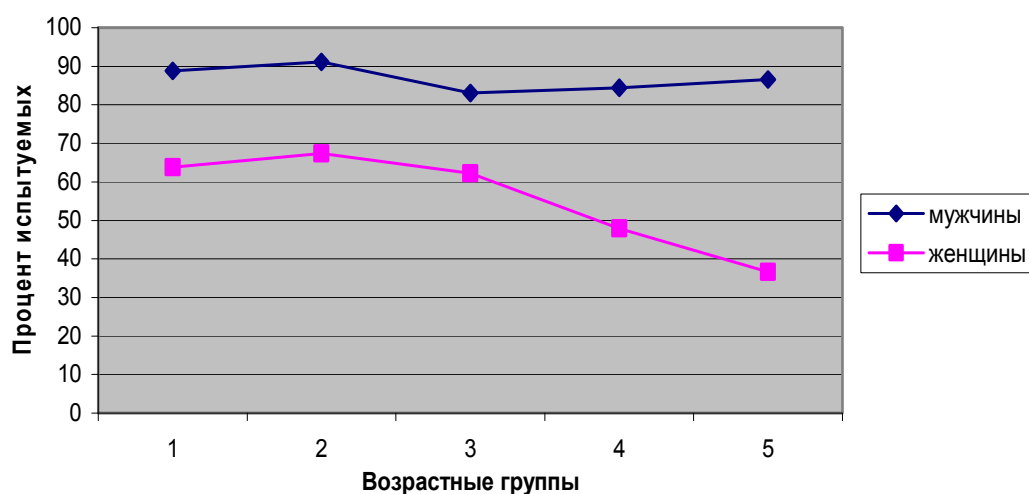

Рис. 1. Процент изображенных фигур своего пола

У мужчин заметных возрастных колебаний данного признака не выявлено. Самое заметное его снижение от группы 2 (30—39 лет) к группе 3 (40—49 лет) не является статистически достоверным:

$$\varphi^*_{(2;3)} = 1,26 \text{ (при } p > 0,1\text{)}.$$

Другую ситуацию мы наблюдаем у женщин. Начиная с группы 2 (30—39 лет) отмечаем снижение процента изображений фигур своего пола, а начиная с группы 3 (40—49 лет) это снижение еще усиливается и становится статистически достоверным. Так, от группы 2 (30—39 лет) к группе 4 (50—59 лет) наблюдается снижение частоты признака:

$$\varphi^*_{(2;4)} = 3,68 \text{ (при } p \leq 0,01\text{)}.$$

От группы 3 (40—49 лет) к группе 5 (60—69 лет) мы также видим достоверное снижение частоты признака:

$$\varphi^*_{(3;5)} = 3,87 \text{ (при } p \leq 0,01\text{)}.$$

Гендерные различия по данному признаку не вызывают сомнений во всех возрастных группах. Наименьшее значение они приобретают в группах 3 (40—49 лет), но и здесь они достоверны:

$$\varphi^*_{(3;3)} = 3,37 \text{ (при } p \leq 0,01\text{)}.$$

Рассмотрим теперь изображение фигур противоположного пола (табл. 5, рис. 2).

Таблица 5

Процент изображенных фигур противоположного пола

Пол	Возрастные группы, лет				
	20—29 (1)	30—39 (2)	40—49 (3)	50—59 (4)	60—69 (5)
Мужчины	5	1,5	7,2	4,3	5,6
Женщины	23,3	20,6	23,3	29,9	30,5

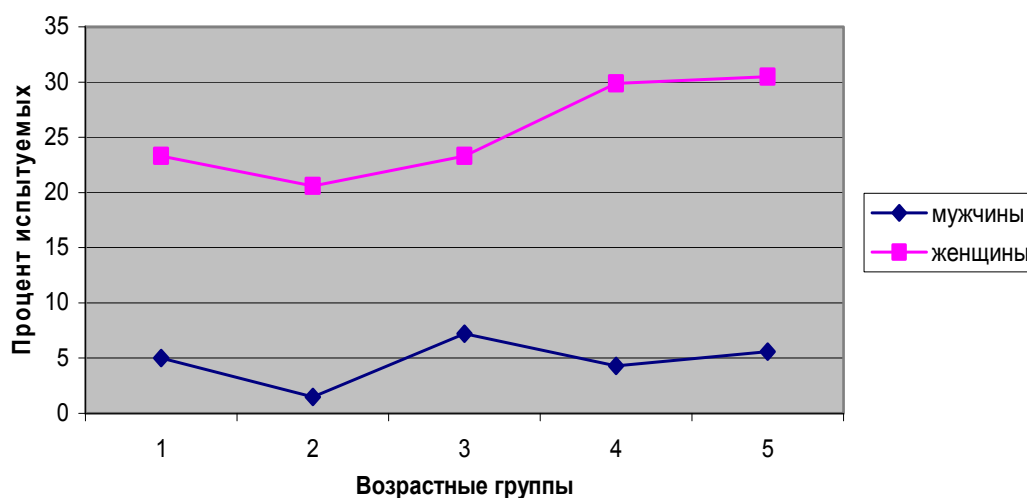

Рис. 2. Процент изображенных фигур противоположного пола

У мужского пола и по данному признаку не прослеживается заметной возрастной динамики. Самое большое изменение, от группы 2 (30—39 лет) к группе 3 (40—49 лет), малодостоверно:

$$\varphi^*_{(2;3)} = 1,55 \text{ (при } p \leq 0,061\text{)}.$$

У женского пола отмечается достоверный рост признака от группы 2 (30—39 лет) к группе 4 (50—59 лет):

$$\varphi^*_{(2;4)} = 4,11 \text{ (при } p \leq 0,01\text{)}.$$

В интервалах между группами 1—2 и 4—5 значимых изменений признак не претерпевает.

Гендерные различия сохраняются во всех возрастных группах; минимальны они также в группах 3 (40—49 лет), но и здесь статистически значимы:

$$\varphi^*_{(3;3)} = 3,27 \text{ (при } p \leq 0,01\text{)}.$$

Обратимся теперь к изображениям фигур неопределенного пола (табл. 6; рис. 3).

Таблица 6

Процент изображенных фигур неопределенного пола

Пол	Возрастные группы, лет				
	20—29 (1)	30—39 (2)	40—49 (3)	50—59 (4)	60—69 (5)
Мужчины	6,2	7,4	9,7	11,3	7,9
Женщины	12,9	11,8	14,3	22,2	32,9

У мужского пола нет достоверных колебаний и этого признака. Подъем его частоты можно наблюдать от группы 1 (20—29 лет) до группы 4 (50—59 лет), но этот подъем статистически недостоверен:

$$\varphi^*_{(2;3)} = 1,30 \text{ (при } p \leq 0,098\text{)}.$$

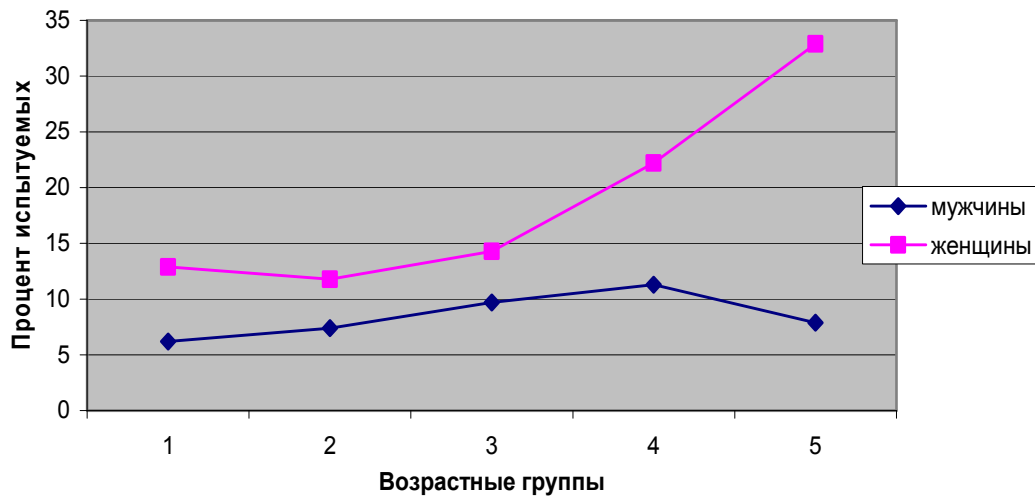

Рис. 3. Процент фигур неопределенного пола

У испытуемых женского пола отмечается рост данного признака начиная с группы 2 (30—39 лет). К группе 4 (50—59 лет) рост становится достоверным:

$$\varphi^*_{(2; 4)} = 2,59 \text{ (при } p \leq 0,01\text{)}.$$

От группы 3 (40—49 лет) к группе 5 (60—69 лет) мы также видим достоверный рост частоты данного признака:

$$\varphi^*_{(3; 5)} = 3,33 \text{ (при } p \leq 0,01\text{)}.$$

Что касается гендерных различий, то они (по данному признаку) отличаются непостоянством.

В группах 1 (20—29 лет) гендерные различия значимы: у испытуемых мужского пола этот признак встречается достоверно реже:

$$\varphi^*_{(1; 1)} = 3,31 \text{ (при } p \leq 0,01\text{)}.$$

В группах 2 (30—39 лет) гендерные различия недостоверны:

$$\varphi^*_{(2; 2)} = 0,93 \text{ (при } p > 0,1\text{)}.$$

В группах 3 (40—49 лет) гендерные различия также недостоверны:

$$\varphi^*_{(3; 3)} = 0,99 \text{ (при } p > 0,1\text{)}.$$

В группах 4 (50—59 лет) частота данного признака у испытуемых женского пола становится значительно больше, а у испытуемых мужского пола этот рост не так заметен; хотя гендерные различия и увеличиваются, они все еще остаются сомнительными:

$$\varphi^*_{(4; 4)} = 1,90 \text{ (при } p \leq 0,028\text{)}.$$

Наконец, в группах 5 (60—69 лет) эта тенденция находит свое продолжение, и гендерные различия становятся достоверными:

$$\varphi^*_{(4; 4)} = 4,03 \text{ (при } p \leq 0,01\text{)}.$$

Итак, по всем трем позициям — изображение человека своего пола, противоположного пола, неопределенного пола — сколько-нибудь существенную возрастную динамику показывают только испытуемые женского пола. У испытуемых-мужчин такая динамика либо совершенно отсутствует, либо статистически недостоверна.

Обсуждение результатов. Таким образом, очевидно, что отражение гендерной идентичности в графическом тесте у испытуемых мужского пола не претерпевает существенной возрастной динамики. У испытуемых женского пола ситуация иная: уже начиная с 40-летнего возраста у них наблюдается нарастающее снижение гендерной идентичности, отраженной в графическом тесте, что выражается как во все большей частоте изображений противоположного пола, так и в нарастании количества изображений неопределенного пола. Эта динамика не может быть объяснена возрастным распадом моторики рисунка, поскольку у мужчин не наблюдается ничего подобного. В то же время понятно, что у мужчин и женщин гендерное самопредъявление как инструмент социализации имеет разные особенности. Мужчина для создания собственного позитивного образа должен проявлять маскулинные качества фактически до смерти. В то же время при формировании традиционного маскулинного образа не принято преуменьшать свой возраст. Молодящийся мужчина демонстрирует не маскулинные, а феминные черты. У женщин же гендерное самопредъявление тесно ассоциируется с молодым возрастом или по крайней мере с молодежным внешним видом. Это, разумеется, связано с возрастными особенностями генеративной функции у женщин и у мужчин.

Одновременно следует отметить, что в рисунках фигуры своего пола у мужчин встречаются значительно чаще. Столь заметные гендерные различия объясняются весьма просто — элементарными лингвистическими причинами. Слово «человек» в русском языке (как и во всех европейских языках) — мужского рода. Явный перевес количества изображенных фигур мужского пола у испытуемых-мужчин и значительное количество их у женщин обусловлены именно этим. Ведь мы знаем, что испытуемым давалось задание нарисовать *человека*, не уточняя, какого пола он должен быть.

Однако гендерные особенности рисунков не могут объясняться только данным обстоятельством, поскольку возрастная динамика гендерной идентичности, отраженная в рисунке, говорит и о наличии других действующих факторов.

Выводы

1. Гендерная идентичность испытуемых находит отражение в проективных тестовых рисунках, где этот признак показывает весьма высокую ретестовую надежность.

2. Применение проективных тестовых методов демонстрирует различные результаты у мужчин и у женщин начиная с 40-летнего возраста испытуемых. Если у мужчин проявление гендерной идентичности в графических тестах остается на одном уровне до пожилого возраста, то у женщин оно существенно снижается.

3. Там, где в изображениях бывают выявлены феминные либо маскулинные черты, их толкование и оценка должны производиться на основе знания реальной возрастной динамики гендерного самопредъявления в тестовом рисунке.

Библиографический список

1. *Агеев В. С.* Психологические и социальные функции полоролевых стереотипов // *Вопр. психологии.* 1987. № 2.
2. *Анастази А.* Психологическое тестирование. СПб., 2001.
3. *Беллак Л.* О проблемах концепции проекции // *Проективная психология.* М., 2000.
4. *Бернштейн Н. А.* Физиология движений и активность. М., 1990.
5. *Лузан С. С., Рузанкина Е. А.* Гендерная социализация и высшее профессиональное образование. Новосибирск, 2006.
6. *Маховер К.* Проективный рисунок человека. М., 2000.
7. *Николаева И. А.* Полоролевая идентичность как фактор социальной компетентности старших подростков // *Психология образования: проблемы и перспективы.* М., 2004.
8. *Романова Е. С.* Графические методы в практической психологии. СПб., 2001.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЖЕНЩИНЫ

ББК 60.542.21:60.524.258.5

Л. Д. Ерохина

ФОРМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ: ВОЕННАЯ ПРОСТИТУЦИЯ И ТОРГОВЛЯ ЖЕНЩИНАМИ

Среди наиболее сложных социальных явлений особое место занимает феномен, определяемый в международной практике как торговля женщинами в целях сексуальной эксплуатации. Эта проблема активно обсуждается исследователями в течение последних десятилетий. В первую очередь ее рост связывают с глобализацией экономики, миграционными процессами, феминизацией бедности и стремительным развитием секс-индустрии. Но в немалой степени фактором, поддерживающим торговлю женщинами и усиление сексуальной эксплуатации, выступает так называемая военная проституция. Данные исследований последних лет связывают ее с присутствием военного контингента в различных частях мира, а также свидетельствуют о массовом характере изнасилования и сексуальных попыток в военное время [9]. Однако за последние несколько лет на международном уровне все в большей степени признается серьезность этих преступлений и растет стремление к созданию механизма ответственности за них.

Изнасилования в период военных событий и военная проституция: к истории вопроса

Исторически женщины всегда были частью «военных трофеев», а военнослужащие — одними из самых активных пользователей женской проституции. Вовлечение женщин в проституцию и сексуальное насилие над ними на завоеванных территориях практически никогда не рассматривалось как преступление. Новейшая история изобилует примерами изнасилований и насильственного принуждения женщин к занятию проституцией воюющими армиями. Но в военных отчетах свидетельства об этих преступлениях либо отсутствуют, либо фиксируются крайне редко и находятся под грифом «секретно». В частности, до настоящего времени массовые изнасилования женщин в период Второй мировой войны как в России и странах бывшей антигитлеровской коалиции, так и в Германии остаются табуированной темой. Как неохотно и с большими оговорками признается в одном из исследований, «убийства, грабежи, насилия над женщинами — эти неизбежные спутники войны — совершали во-

еннослужащие и советской, и других союзных армий... Но в целом советские бойцы проявили гуманное отношение к мирным немецким жителям, особенно с учетом содеянного гитлеровцами в СССР...» [3, с. 398].

Не меньшей жестокостью отличалось отношение к женщинам и в войнах на Востоке. Китайцы до сих пор помнят кровавые сексуальные преступления, совершенные в 1937 году японской армией в Нанкине. А массовые изнасилования корейнок во время японско-корейской войны еще и сейчас остаются предметом судебных исков корейцев к японскому правительству.

Изнасилования не тождественны проституции, но, во-первых, во время вооруженных конфликтов они всегда имеют военно-психологическое значение как средство запугивания и деморализации противника. Во-вторых, насилие над женщинами выступает и как манифестация сексистского, то есть сугубо мужского, и расистского синдромов, особенно явственных в масштабных военных ситуациях. Жертвы либо расплачиваются за преступления армии-агрессора, либо символизируют собой атавистический объект агрессии. Как давно заметила Сюзан Браунмиллер, изнасилование как право завоевателя направлено «против женщин врага», чтобы подчеркнуть победу. Но только в 2000 году массовые случаи насилия над женщинами, принадлежащими к определенному сообществу, культуре или стране, были признаны Международным трибуналом по уголовным делам (МУТР) как воплощение насилия над нацией в целом. В решении МУТР по делу «Обвинитель против Акайесу», вынесенном 2 сентября 1998 года, недвусмысленно указано, что преступления сексуального насилия, совершенные в коммуне Таба и на всей территории Руанды в период военных действий, являлись актами геноцида: «Изнасилование и сексуальное насилие... представляют собой геноцид, равно как и любой другой акт, если они совершаются с непосредственным намерением полностью или частично уничтожить какую-либо отдельную группу, против которой они непосредственно направлены...» [33].

В-третьих, в условиях войны и оккупации голод, страх за собственную жизнь и жизнь близких людей становятся суровым испытанием, которое лишь тонкой линией отделяет военные изнасилования от военной проституции. К примеру, после сдачи Берлина в 1945 году город сразу же наполнился женщинами, торгующими собой за еду, сигареты, лекарства.

В связи с фактами насилия в некоторых обществах в военное время проституцию официально легализуют не только «в интересах воинов», но и якобы «с целью ограждения других женщин от сексуальных домогательств солдат», что не останавливает насильников от использования их «права завоевателя» по отношению к любым женщинам на завоеванной территории.

Для солдат действующих армий создаются бордели, куда продаются женщины и дети с завоеванных территорий. Нередко они становятся объектом трансграничной торговли с целью сексуального обслуживания комбатантов, участвующих в вооруженном конфликте. Так, в годы Второй мировой войны солдаты и офицеры вермахта были постоянными посетителями борделей, куда доставлялись женщины и девушки из разных стран: СССР, Польши, Болгарии, Чехословакии и других. В Юго-Восточном регионе девочек и девушек в возрасте от 12 до 20 лет обманом или силой принуждали к занятиям проституцией

и продавали в бордели. По словам военного историка Р.-Д. Мюллера, немецкое командование вполне серьезно подходило к сексуальному обслуживанию своих солдат и на Восточном фронте. Создание публичных домов для солдат и офицеров входило в планы обязательной работы тыловых служб. Средним «трудовым показателем» для «рядовой» проститутки было обслуживание за месяц не менее 600 человек [29].

В Японии по указу от 23 августа 1944 года было создано особое подразделение, состоящее из женщин и девушек от 12 до 40 лет, труд которых использовался по усмотрению японской армии. Многие из них были направлены в полевые публичные дома, посетителями которых были японские солдаты в оккупированных районах. Эти бордели получили название «станции комфорта», а женщины и девочки из борделей назывались «комфортные женщины». «Комфортные станции» существовали с начала 30-х годов в Манчжурии, Китае, позже в Бирме, Борнео, Гонконге, Индонезии, Корее, Малайзии, Новой Гвинее, на Филиппинах, в Сингапуре, во Вьетнаме и на Окинаве. Первая станция была основана в Шанхае в 1932 году. Впоследствии «комфортные станции» стали называться «нигуичи», то есть «29 к 1». Это была ежедневная пропорция обслуживания «комфортными женщинами» солдат в борделях на завоеванных территориях. Взрослые и несовершеннолетние проститутки поставлялись в бордели как из Японии, так и со всех завоеванных японскими войсками территорий.

От военной проституции к торговле женщинами

И в настоящее время в зонах военных конфликтов, в какой бы части мира они не возникали, женщины становятся первыми жертвами насилия и сексуальной эксплуатации. Как отмечалось в Докладе по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях на 57-й сессии Комиссии ООН по правам человека, «за период, охватываемый настоящим докладом (1997—2000 годы), масштабы насилия в отношении женщин не уменьшались. В ходе конфликтов от Афганистана до Чечни, от Сьерра-Леоне до Восточного Тимора обращение с женщинами было невообразимо жестоким. В докладе показано, как с 1997 года женщины подвергались изнасилованиям со стороны военнослужащих правительственных сил и негосударственных субъектов, сотрудников полиции, ответственных за их защиту, охранников лагерей беженцев и пограничников, соседей, местных политиков и иногда — членов семьи под угрозой убийства. Им наносили увечья, калечили половые органы, нередко убивали или оставляли умирать. Женщин подвергали унижительным обыскам с раздеванием, принуждали показываться или танцевать обнаженными перед солдатами или публично, а также выполнять работу по дому в обнаженном виде. Женщины и девушки принуждались к «бракам» с солдатами — это эвфемизм, означающий в основном постоянные изнасилования и сексуальное рабство. Сами они и их дети получали увечья в результате применения химического оружия» [4, с. 1].

После окончания холодной войны торговля женщинами росла вместе с численностью локальных вооруженных конфликтов. Со времени краха СССР насчитывается около 180 локальных конфликтов. Финансовая поддержка этих конфликтов во многом осуществляется за счет торговли людьми в целом и

женщинами в частности. Женщин захватывают в качестве трофеев и затем продают как товар. Ежегодные доклады МОМ, ООН, Госдепартамента США регистрируют свидетельства, многочисленные случаи и формы торговли женщинами в разных регионах мирах [4, 6, 11, 13, 23].

В Европе сложились два военных центра — Балканы и Молдова. Торговля женщинами в самых жестких формах приобрела в этих районах почти легализованный характер. Гражданская война, введение интернациональных военных контингентов создали там повышенный спрос на проституцию. Конфликты в Косово, в Боснии и Герцеговине создают для хорошо организованных преступных групп, занимающихся одновременно и контрабандой оружия, идеальные условия для поставки женщин на выгодные рынки Западной Европы [12]. Эти особенно жестокие преступные группы сложились и укрепились в годы военного конфликта. Женщин и детей из Восточной Европы и СНГ ввозят на Балканы нелегально, обманным путем и принуждают работать в ночных клубах, борделях и ресторанах. Требуется сверхусилия местных властей и международных организаций по оказанию помощи этим гражданам. Так, по сообщениям МОМ, с 2000 по 2007 год сотрудниками этой организации в Македонии, Косово и других областях Балкан при помощи местной полиции и членов Международной полиции целевых сил (IPTF) были освобождены несколько сотен жертв работорговли. Это были гражданки Румынии, Молдовы, Украины и Кыргызстана. Все они были насильственно привезены в Боснию и Герцеговину для работы в качестве проституток в самых дешевых и грязных борделях, в которых они обслуживали до двадцати клиентов за ночь. Большинство женщин утверждают, что им была обещана работа в Италии в качестве официанток [14, p. 35; 38].

Экономический крах Албании также привел к широкомасштабной торговле женщинами и трудовой миграции в Италию. Данный процесс несколько сократился в течение последних лет благодаря стабилизации ситуации в Албании и усилению мер итальянской полиции по уничтожению торговли людьми в Адриатическом регионе [21].

В Южной Америке очагом военной проституции является Сьерра-Леоне. В 2000 году представители миротворческих войск ООН освободили в этой стране 200 женщин и детей, находившихся в борделях и оказывавших солдатам военной хунты сексуальные услуги. Врачи, обследовавшие жертв насилия, нашли на их телах следы множественных ножевых ранений, ожогов и другие свидетельства истязаний [14, p. 116; 22]. В результате подписания 7 июля 1999 года Ломейского мирного соглашения в Сьерра-Леоне масштабы многих тяжких бесчинств заметно сократились, за исключением сексуальных нападения на женщин и девочек, которые продолжались с прежней интенсивностью. Со времени нарушения мирного процесса и возобновления боевых действий в мае 2000 года все стороны в конфликте — ОРФ, отряды повстанцев и особенно проправительственные силы — совершили чудовищные преступления против гражданского населения, включая систематические и широкомасштабные сексуальные нападения, изнасилования и калечения женщин, а также продажу в бордели в целях извлечения прибыли.

Аналогичные действия совершаются, например, в зонах военных действий на африканском континенте. В частности, конфликт в северной Уганде со-

проводился насилием на сексуальной и гендерной почве в отношении женщин и девушек со стороны участников «Армии сопротивления Господа» и военнослужащих правительственных сил. По оценкам ЮНИСЕФ, в период с 1986 по 2002 год «Армия сопротивления Господа» похитила более 32 000 женщин и детей, которые использовались в качестве участников боевых действий или попали в сексуальное рабство [6].

В ряде конфликтов бойцы воюющих групп похищают молодых девушек для заключения принудительных браков и одновременно принуждают их к выполнению ряда отдельных и связанных друг с другом обязанностей: носильщиц, поваров, комбатантов и сексуальных рабынь. Подобного рода случаи встречаются не только в Сьерра-Леоне, но и в Афганистане, Тиморе, Мьянме, Пакистане, Конго, Руанде, зонах вооруженных конфликтов в Индии и других районах [4, 6, 38]. Военная проституция и торговля женщинами сопровождает и военные действия на территории СНГ. Военный конфликт в Приднестровье вывел индустриальную базу Молдовы из строя. Приднестровский регион в настоящее время находится под контролем преступных групп. Руководство этого региона не заинтересовано в соблюдении и применении правовых норм на своей территории [17]. Многие из проданных молдавских женщин родом из Приднестровья, где нет никаких программ по предотвращению торговли людьми. Российские и молдавские НПО и МВД, доклады МОМ и другие источники подтверждают наличие массовой торговли женщинами из этого региона в Турцию, Боснию, Румынию [15]. Несмотря на прекращение огня и заключение зыбкого мира в 1992 году, в наследство от конфликта региону достались бедность, неэффективные правоохранительные структуры и слабая защита граждан этого неофициального государства.

Дислокация киргизского воинского контингента в районе города Баткена во время обострения внутренней ситуации в 1999 году привела к взрыву проституции. Продажа молодых женщин и несовершеннолетних девочек не только из российских регионов, но и из стран СНГ неразрывно связана с присутствием вооруженных сил на Кавказе. В период военных действий нарушения гуманитарного права на территории Чеченской республики были совершены как военнослужащими российских федеральных войск, так и чеченскими боевиками [14, р. 316; 18; 19]. Нечеловеческие условия содержания проданных женщин, секс-работы и последствий этой работы можно приравнять к полному рабству в его самых жестоких формах [20].

Нередко в сексуальной эксплуатации женщин, насильственно перемещенных в секс-индустрию, принимают участие те, кому по долгу службы предписывается предотвращать насилие и защищать угнетенных, а именно солдаты миротворческих сил. Продажа женщин из лагерей беженцев и других мест убежища, предназначенных для их защиты, охраняемых миротворцами, продажа женщин для обслуживания миротворцев Организации Объединенных Наций в странах, где базируются такие миротворцы, пытки, изнасилования, убийства и другие серьезные акты насилия со стороны подразделений миротворцев фиксируются в Мозамбике, Анголе, Камбодже, Косово [4], чем компрометируются международные усилия ООН по ликвидации этого явления.

Последствия торговли женщинами в условиях вооруженных конфликтов

Война и торговля женщинами пересекаются и в других вариантах. В регионах повышенной конфликтности, где базируются войска по поддержанию мира, миротворцы часто содействуют расширению сетей преступных организаций и усилению их влияния в обществе [31]. На конференции «Трэффик, рабство и миротворцы: проблемы Балкан» (Турин, 2002) прямо был поставлен вопрос об участии миротворцев в торговле женщинами и рассмотрены конкретные примеры связи миротворцев с преступными сообществами, занимающимися торговлей женщинами [34]. В Албании, например, в военную проституцию втянуто высшее военное руководство, связанное с миротворческими войсками. При его покровительстве военнослужащие похищали женщин и перепродавали их криминальным группировкам [1]. Доклад Комиссии по правам человека и Миссии ООН в Боснии и Герцеговине (МООНБГ) указывает на активное пособничество со стороны местной полиции и ряда сотрудников международной полиции и членов Международных сил по стабилизации (СПС) в нелегальной доставке женщин в Боснию [36, р. 7]. В докладе рассмотрен случай, когда гражданский сотрудник СПС приобрел у владельца публичного дома двух женщин за 7000 немецких марок (3057 долл. США), и отмечается, что «НАТО отказалось лишить этого сотрудника СПС дипломатического иммунитета; он покинул Боснию без юридических последствий» [Там же].

По данным исследований ЮНИСЕФ, ООН и ОБСЕ миротворцы составляют основную статью дохода публичных домов, в которых содержатся сексуальные рабыни [16, р. 213; 5]. Клиентам представляется, что покупка сексуальных услуг является их личным делом. Но на самом деле часть доходов борделей направляется на подкуп работников правоохранительных органов, вкладывается в технологии, организацию сбора информации и расширение связей, необходимых для развития бизнеса.

Кроме того, торговля людьми является источником финансирования разных форм политического воздействия. Традиционная практика продажи девушек из Непала в индийские бордели используется непальскими повстанцами для ведения повстанческой борьбы против государства [13]. Как точно замечает исследователь из США Луиз Шелли, «хотя эти партизаны являются марксистами и их идеология не должна бы допускать эксплуатацию человека, их политические цели перевешивают идеологию» [10, с. 30]. Ситуация в Непале похожа на ситуацию в Афганистане в период режима талибанов, в годы которого местные муллы терпимо относились к торговле наркотиками, поскольку она поддерживала их цели, несмотря на то что употребление наркотиков нарушает нормы Корана [26].

Далее, гражданские войны и локальные конфликты приводят к значительному росту армии бездомных и нищих. Военачальники и криминальные структуры часто поднимаются на вершину власти за счет войн, разоривших регионы, а жители этих регионов становятся потенциальными жертвами криминальной эксплуатации, вновь и вновь входя в порочный круг стремления выбраться из нищеты за счет продажи своего тела и заранее зная возможные последствия своей работы. В частности, проведенная в 2005 году проверка со-

стояния военного контингента ООН в Демократической Республике Конго выявила многочисленные факты сексуальной эксплуатации военнослужащими местных девушек, за интимные услуги которых военные расплачивались едой. Отсутствие надлежащего внимания к специфическим проблемам, с которыми женщины, овдовевшие, осиротевшие, пострадавшие во время войны, сталкиваются в попытках прокормить себя и свои семьи, игнорирование этих проблем при распределении гуманитарной помощи и отсутствие государственных инициатив в поддержку рабочих проектов, непосредственно учитывающих интересы женщин, являются проявлениями исторической дискриминации во многих обществах и могут, в конечном счете, подтолкнуть женщин к занятию проституцией как единственному средству обеспечения себя и своей семьи.

Наличие вооруженных конфликтов обуславливает более терпимое отношение в обществе к насилию. Оно становится привычным злом, которое перестают замечать. Все больше факторов указывает на то, что процесс милитаризации, который происходит накануне и в ходе конфликтов, а также процесс демобилизации зачастую разочарованных и агрессивных военнослужащих после конфликта вызывает рост насилия над женщинами и девочками. После завершения военных конфликтов женщины сталкиваются с эскалацией насилия по половому признаку, включая бытовое насилие, изнасилование и торговлю в целях принудительной проституции. В результате исследования ЮНИФЕМ по вопросам насилия в отношении женщин в постконфликтном Косово был сделан вывод о том, что, хотя бытовое насилие существовало и до войны, «оно, как представляется, со времени конфликта возросло. Возможные причины... [включают] возросшую приемлемость насилия как способа решения проблем, разрыв прочных семейных и социальных структур, общий рост нестабильности и неуверенности, обостренное чувство бессилия внутри общин» [37, р. 37]. Связь между бытовым насилием и насилием в ходе войны заинтересовала многих ученых и активистов в затронутых конфликтами районах. Доклад о насилии в отношении женщин в лагерях вынужденных переселенцев (беженцев) в Западном Тиморе указывает на весьма значительные масштабы бытового насилия и сексуального домогательства в этих лагерях [23]. К сожалению, во многих мирных соглашениях и процессах постконфликтного восстановления эти соображения не учитываются.

Торговля женщинами и военная проституция на поствоенном пространстве

Даже в отсутствие военных конфликтов проституция и торговля женщинами — неперенный спутник армии. Более того, присутствие военных самым активным образом влияет на рост секс-индустрии, а значит, и на насильственную «поставку» женщин для сексуальных услуг. Так, проституция и секс-туризм на Тайване получили развитие не только в угоду западным и юго-восточным туристам и бизнесменам, приезжающим за дешевым и безопасным сексом в эту страну, но и благодаря присутствию японских военных сил на острове в недавнем прошлом [14, р. 141].

Войска США и в настоящее время продолжают эксплуатировать проституцию в Таиланде и на Филиппинах на основе соглашения, заключенного в 1967 году между правительствами США и Таиланда. В соглашении подтверждается, что «тайские порты могли бы стать местом отдыха для солдат, следующих из театра военных действий во Вьетнаме» [32, р. 1080]. Тайское правительство брало на себя обязательства обеспечивать американским войскам отдых и рекреационный сервис, включающий «правительственную поддержку» проституции для сексуальных потребностей солдат. Международная неправительственная организация ЕСРАТ напрямую связывает рост женской и детской проституции в Таиланде с каникулярным отдыхом американских солдат в этой стране [15].

Активно работают в настоящее время полузакрытые бордели вокруг американских военных баз в Южной Корее. Полицейские сводки отмечают, что среди 9000 незарегистрированных проституток, работающих в этих борделях, находится немало русских девушек [24, р. 15]. Как заметил один из экспертов, «там, где армия США основывает свои базы, появляется проституция. А это означает, что экономика, основанная на проституции, получает бурный рост благодаря американским оккупационным силам» [25, р. 12].

Масштабы военной проституции в 80-х и 90-х годах в юго-восточных странах вынудили некоторые правительства предъявить американским военнослужащим обвинения в сексуальных преступлениях [31]. Обвинения были столь серьезны, что подтолкнули военные ведомства США провести собственные расследования, в ходе которых выяснилось, что среди девушек, оказывавших сексуальные услуги солдатам, было много несовершеннолетних девочек. Последовавшие начиная с 1994 года изменения в законодательстве США усилили ответственность граждан за вовлечение в проституцию или за ее использование. По сообщению пресс-центра Министерства обороны США американские солдаты, расквартированные за границей, впредь могут попасть под трибунал за пользование услугами проституток. Таким образом министерство обороны стремится уменьшить вероятность, что солдаты своим поведением будут способствовать распространению проституции в зонах, прилегающих к их военным базам. В частности, была запрещена транспортировка несовершеннолетних в возрасте до 18 лет в США или другие страны в целях вовлечения в проституцию или использования в сексуальных актах. Действующее законодательство США дает возможность предъявить обвинение гражданину в сексуальной эксплуатации несовершеннолетних в зарубежных странах, если таковое преступление имело место. Законодатели США создают серьезную основу для борьбы как с военной проституцией, так и с сутенерством и притоносодержательством. Кроме того, созданы памятки для военнослужащих и подрядчиков, в которых разъясняется понятие проституции, официальная политика по этому поводу, а также доводится до сведения мера ответственности для нарушителей. Военные также пересматривают правила и процедуры по запрещению сотрудничества с компаниями, сотрудники которых замечены в таких проступках. Пентагон работает вместе с министерством юстиции над ужесточением правил в случае недостойного поведения представителей подрядчиков. Генерал Леон Дж. Лапорт, командующий 37-тысячным американским контингентом в Юж-

ной Корее, заявил, что на полуострове началась программа, направленная на улучшение качества жизни на военной базе и на уменьшение внеслужебных соблазнов [2].

В начале 2000-х годов в армии США были введены руководящие принципы по обузданию злоупотреблений миротворцев в отношении к проданным женщинам. Но не все страны и военизированные союзы следуют этим принципам. НАТО и ООН все еще разрабатывают эффективную политику по сдерживанию аморального поведения миротворцев [28]. Следовательно, участники многосторонних войн по поддержанию мира находятся вне влияния локальных правительственных властей и часто власти своих собственных государств. Клиенты, регулярно прибегающие к покупке сексуальных услуг женщин, проданных в бордели, отправляются домой и не встречают там никаких санкций за свои поступки. Толерантное отношение к использованию коммерческого секса отражает мнение, согласно которому «мужчины есть мужчины» и посещение проститутки — обычное дело для солдата. Игнорирование связи между войной и торговлей людьми ведет к чрезвычайной эксплуатации женщин. Кроме того, покупая сексуальные услуги жертв торговли людьми, миротворцы повышают доходы владельцев борделей и обогащают организованную преступность, подрывая тем самым саму цель миротворчества — стабилизацию политической и экономической ситуации.

* * *

В целом военная политика и практика толерантна по отношению к проституции и другим формам секс-рабства. Вовлечение в проституцию женщин экономически выгодно многим группам, контролирующим и использующим данный бизнес, и этим объясняется то, что многие военные группы не предпринимают решительных мер по ее искоренению. До тех пор пока военная проституция будет тесно связана с экономическим и идеологическим поддержанием военного превосходства и мщения, все усилия международной общестственности, политических и правовых институтов будут оставаться тщетными. И тем не менее, как было заявлено в докладе Комиссии ООН по правам человека, торговлю женщинами в условиях вооруженного конфликта следует оценивать как военное преступление и преступление против человечности: «Такую торговлю следует выявлять, пресекать, а виновных в ее совершении наказывать, даже если такие наказания затронут персонал Организации Объединенных Наций» [4, с. 14].

По-видимому, многие постконфликтные проблемы могут быть решены лишь в том случае, если женщины будут играть более активную роль в процессе восстановления мира, в ходе которого закладываются основы будущих структур управления и администрации. Совет Безопасности недавно вновь подтвердил «важную роль женщин в предотвращении и урегулировании конфликтов и в миростроительстве», подчеркнул «важность их равноправного и всестороннего участия во всех усилиях по поддержанию и содействию укреплению мира и безопасности...» [6] и осудил любые формы сексуальной эксплуатации [7]. В этой связи следует отметить и выделить ту важную роль, ко-

торую женские группы сыграли в мирных процессах в Северной Ирландии, Сьерра-Леоне, Чеченской Республике, Бурунди, Шри-Ланке, Иерусалиме и ряде других регионов.

Поскольку женщины и девочки в ходе вооруженных конфликтов сталкиваются с различными ситуациями, нередко подвергаясь насилию и другим надругательствам, обусловленным их половой принадлежностью, то очевидно, что женщины должны привлекаться к всестороннему участию в усилиях общества по осмыслению прошлого. При отсутствии гендерного подхода и целенаправленной политики привлечения женщин к участию в этом процессе женские мнения и опыт зачастую оказываются утраченными. К такому выводу пришла, например, южноафриканская Комиссия по установлению истины и примирению (КИП), которая указала, что женщины нередко рассматривают себя в качестве «жен, матерей, сестер и дочерей активных участников (в основном мужчин) публичной политики», вследствие чего они сглаживают или обходят молчанием собственные страдания [35, р. 1]. Женщины особенно не склонны распространяться о пережитом ими сексуальном насилии. При активном поощрении со стороны женских и правозащитных групп КИП решила принять особые меры по привлечению женщин к даче показаний, включая проведение трех специальных женских слушаний в Кейптауне, Дурбане и Йоханнесбурге. «Эти слушания выявили особую гендерную подоплеку пережитых женщинами нарушений прав человека и дали новый толчок процессу, в ходе которого члены Комиссии усматривали все меньше и меньше различия между теми, кто изначально считался основными и побочными жертвами» [27, р. 21].

Решение вопроса о том, будут ли военная проституция и торговля людьми предотвращены в будущем, зависит в конечном счете от твердости позиций государств и активности общественных групп и движений.

Библиографический список

1. Албания: военные удерживали похищенную женщину // Новости.RU. URL: http://www.dni.ru/archive/2003/12/13/index.html#a_31789 (дата обращения: 10.12.2004).
2. Американских военных отучают от проституток // Новости.RU. URL: <http://www.utro.ru/news/2004/09/22/353668.shtml> (дата обращения: 10.12.2004).
3. Ассоциация историков Второй мировой войны : информационный бюллетень. 2002. № 7. С. 395—399.
4. Доклад Специального докладчика г-жи Радхики Кумарасвами по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях на 57-й сессии Комиссии ООН по правам человека (2001), E/CN.4/2001/73. — 44 с.
5. Ирландские миротворцы принуждали эфиопов к проституции. URL: <http://uah.info/news/index.php?id=4121> (дата обращения: 11.04.2004).
6. Насилие над женщинами в Уганде : доклад организации Amnesty International. URL: <http://svobodna.org.ua/news/nasilie-na-zhenschinami-v-ugande.html> (дата обращения: 19.02.2009).
7. Резолюция 1325 (2000) Совета Безопасности от 31 октября 2000 года о женщинах, мире и безопасности. Преамбула. URL: <http://bwicc.iatp.by/resolution.htm> (дата обращения: 15.01.2009).

8. Резолюция 1603 (2005), принятая Советом Безопасности на его 5194-м заседании 3 июня 2005 года. URL: <http://www0.un.org/russian/document/scresol/res2005/res1603.htm> (дата обращения: 20.03.2009).
9. *Тайнале И.* Война или здоровье? : пер. с англ. / под ред. П. И. Сидорова. Архангельск: Изд-во «Архангельск», 2004. 688 с.
10. *Шелли Л.* Разнообразные последствия торговли людьми // Вне толерантности: торговля людьми и рабский труд : новые метаморфозы старых преступлений и новые методы противодействия / под ред. Л. Д. Ерохиной. Владивосток: Изд-во ТГЭУ, 2009. С. 23—45.
11. Annual Trafficking in Persons Report, 2001—2008. United States Department of State. URL: <http://www.state.gov/g/tip/rls/tiprpt/index.htm> (дата обращения: 21.03.2009).
12. *Aronowitz A.* Smuggling and Trafficking in Human Beings: The Phenomenon, the Markets that Drive It and the Organizations that Promote It // European Journal on Criminal Policy and Research. 2001. № 9. P. 163—195.
13. Country Reports on Human Rights Practices — Nepal. United States Department of State. URL: <http://www.state.gov/g/drl/rls/hrrpt/2005/61709.htm> (дата обращения: 10.06.2007).
14. *Dolan Ch.* A Shattered Innocence, the Millennium Holocaust : A Report on the Exploitation of Children Emanating From Balkan Crisis to the International Center For Missing and Exploited Children. April 2001. Alexandria : International Center For Missing and Exploited Children, 2004. 170 p.
15. End Child Prostitution? Child Pornography and Trafficking of Children for Sexual Purposes (ECPAT) // Country Reports. URL: <http://www.rb.se/ecpat/country.htm> (дата обращения: 21.05.2002).
16. *Farrior S.* The International Law on Trafficking in Women and Children for Prostitution // Harvard Human Rights Journal. 1997. Vol. 10. P. 11—62.
17. *Galeotti M.* The Transnistrian Connection: Big Problems from a Small Pseudo-state // Global Crime. 2004. Vol. 8, No. 3/4. P. 398—405.
18. Human Rights Watch. February 5: A Day of Slaughter in Novye Aldi. June 2000. Vol. 12, No. 9(D). URL: http://www.hrw.org/reports/2000/russia_chechnya3 (дата обращения: 22.09.2008).
19. Human Rights Watch. World Report 2001. URL: <http://www.hrw.org/legacy/wr2k1/europe/index.html> (дата обращения: 14.06.2008).
20. Human Rights Watch. The 'Dirty War' in Chechnia: Forced Disappearances, Torture and Summary. URL: <http://www.hrw.org/reports/2001/chechnya> (дата обращения: 22.09.2008).
21. *Hysi V.* Organised Crime in Albania: The Ugly Side of Capitalism and Democracy // Organised Crime in Europe Concepts, Patterns and Control Policies in the European Union and Beyond / ed. by C. Fijnaut, L. Paoli. Dordrecht, 2004. P. 546—551.
22. IOM Press Briefing Notes. November 2000. Friday 17. URL: <http://www.reliefweb.int/rw/rwb.nsf/db900sid/OCHA-64BM7F?OpenDocument> (дата обращения: 22.09.2008).
23. *Kemanusiaan T.* Timor Barat Sekretariat, Report of VAW Investigations in IDP / Refugee Camps in West Timor. Kupang-ntt, Indonesia. August 2000. 105 p.
24. *Lee J.* A Review of Data on Trafficking in the Republic of Korea // IOM Migration Research Series. Geneva, 2002. No. 9.
25. *Leuchtag A.* Merchants of Flash: International Prostitution and the War on Women's Rights // The Humanist. 1995. No. 55. P. 11—12.
26. *Makarenko T.* Crime, Terror and the Central Asian Drug Trade // Harvard Asia Quarterly. 2002. Vol. 6, No. 3 (Summer). P. 1—24.

27. *Marshall D. R.* Women in War and Peace : Report for the USIP / United States Institute of Peace. August 2000. 32 p.
28. *Mendelson S. E.* Barracks and Brothels: Peacekeepers and Human Trafficking in the Balkans : Research Report for the Program for the Center Strategic and International Studies. Washington, DC : CSIS, 2005. 89 p.
29. *Müller R.-D.* Der letzte deutsche Krieg. 1939—1945 (The Last German War). Stuttgart : Verlag Klett-Cotta, 2005. 400 p.
30. Sex Slaves. Frontline documentary. URL: <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/slaves> (дата обращения: 25.06. 2007).
31. *Shelly L.* Post-Communist Transitions and Illegal Movement of Peoples: Chinese Smuggling and Russian Trafficking in Women // *Annals of Scholarship*. 2000. Vol. 14. No. 2. P. 17—28.
32. *Smolensky C.* Sex Tourism and Sexual Exploitation of Children // *Christian Century*. 1995. No. 112. P. 1072—1086.
33. The Prosecutor of the Tribunal against Jean-Paul Akayesu. Case No. ICTR-96-4, Judgment. 2 September 1998, para. 31 (under sect. 7.8, Count 1 — Genocide, Count 2 — Complicity in Genocide). URL: http://www1.umn.edu/humanrts/instree/ICTR/AKAYESU_ICTR-96-4/Sentence_ICTR-96-4-T.html (дата обращения: 14.01.2009).
34. Trafficking, Slavery and Peacekeeping: The Balkan Case : Conference for International Experts, May 9—10, 2002 in Turin, Italy. URL: http://www.unicri.it/experts_meeting.htm (дата обращения: 14.12.2004).
35. Truth and Reconciliation Commission Final Report. Vol. 4, chap. 10. Special Hearing: Women. URL: <http://www.polity.org.za/govdocs/commissions/1998/trc/4chap10.htm> (дата обращения: 11.10.2008).
36. UNMIBH/OHCH. Report on Joint Trafficking Project. May, 2000. URL: http://www.ohr.int/print/?content_id=5102 (дата обращения: 18.06.2008).
37. *Wareham R.* No Safe Place: Results of an Assessment on Violence against Women in Kosovo, Responses to Cases of Violence Against Women in Kosovo : Prepared the Office of Gender Affairs. Prishtina, April 2000. Geneva : DFID : UNIFEM, 2000. 124 p.
38. Women and International Migration // *State of World's Population*. UNFPA, 2006. URL: http://www.unfpa.org/swp/2006/english/notes/notes_for_indicators2.html (дата обращения: 09.06. 2007).

ОБЗОРЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

О. В. Рябов

ГЕНДЕРНЫЕ ДИСКУРСЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИИ: ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX СТОЛЕТИЯ — СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

(Тобольск, 3—6 июня 2009 года)

«Национализм с самого своего возникновения конституировался как гендерный дискурс и не может быть понят вне этого», — утверждает Энн Макклинток, и многие исследователи готовы согласиться с данной мыслью. Сейчас библиография проблемы «национализм и гендер» насчитывает тысячи наименований и ею занимаются сотни исследователей. Необходимо особо подчеркнуть, что интерес к означенной проблеме для гендерных исследований был и остается вполне органичным. Во-первых, феминистский анализ национальных сообществ позволил эксплицировать включенность гендерных отношений в систему неравенств и противоречий социальной жизни, пролить дополнительный свет на вопросы о механизмах продуцирования асимметрий, о логике власти. Во-вторых, многие вопросы, являющиеся предметом анализа в гендерных исследованиях, не могут быть поняты без учета национального фактора. Этническое и национальное (так же как классовое или расовое) могут быть отнюдь не менее значимыми в жизни каждого человека (в том числе женщины), нежели гендерное.

Вопросам гендера и национализма была посвящена конференция «Гендерные дискурсы и национальная идентичность в России», которая состоялась в июне этого года в Тобольске. Ее организаторами выступили Славянский семинар Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига, Тюменский и Тверской государственные университеты. Истоки проекта берут начало в конференции «“Отец Рейн” и “Волга-Матушка”. Локальные, национальные и гендерные аспекты дискурса об идентичности в Германии и России», которая проходила во Фрайбурге в 2002 году. Это был своеобразный золотой век гендерных исследований (о котором вспоминают с ностальгией); с тех пор утекло немало воды, однако к данной теме интерес не угас и сегодня, что говорит и о ее эвристическом потенциале, и о том, что она интересна исследователям не только гендера, но и национализма.

Нынешний проект, возглавляемый деканом филологического факультета Фрайбургского университета профессором Элизабет Шорэ, включает в себя

ряд научных мероприятий. В прошлом году состоялась конференция в Твери, на которой речь шла о взаимодействии конструкций национальной идентичности и гендерных дискурсов в истории русской культуры XVIII и первой половины XIX века. В следующем году планируется встреча во Фрайбурге, ее хронологические рамки, по всей вероятности, будут ограничены периодом Холодной войны и посткоммунистической эпохи. Нынешняя же была посвящена второй половине XIX столетия и Серебряному веку. Как развивалось взаимодействие поисков национальной идентичности и гендерных дискурсов с середины XIX века? Насколько специфичны гендерные представления русского национального дискурса? Как гендерные концепты использовались в качестве «символических пограничников» процессов коллективной идентичности? Какое влияние гендерный дискурс оказывал на репрезентации Своих и Чужих? Как различные лики женственности («Россия-Матушка» и «Прекрасная Дама», «София-Премудрость Божия» и «Вечно-бабье», и т. д.) включались в восприятие России? В какой степени систематический анализ этих процессов может быть использован для понимания русской культурной истории и ее динамики? Так можно очертить круг вопросов, которые были в центре дискуссии на этот раз и которые имеют значение, подчеркну, для анализа не только истории России, но и сегодняшней ситуации.

Достоинство конференции — ее междисциплинарный характер. Помимо литературоведов в ней приняли участие лингвисты, искусствоведы, историки, философы, которые представляли пять стран: Россию, Германию, Францию, Украину, США. Интернациональный состав участников позволял при анализе ситуации в нашей стране обращаться к аналогичному материалу других культур, что сделало работу конференции более плодотворной.

Большой интерес вызвали доклады В. Крюгер (Фрайбург) «Россия как семейное сообщество в позднем стихотворном творчестве Е. П. Ростопчиной»; А. В. Беловой (Тверь) «Конкуренция матери и старшей дочери в российской дворянской культуре XIX в.: конфликт идентичностей»; Г. И. Данилиной (Тюмень) «Архетип “России” в традиции русской исторической поэтики как национальной школы науки»; Е. Н. Строгановой (Тверь) «Русские как “новые немцы” в рассказе С. Д. Хвоцинской “Маленькие беды”»; К. Эберт (Франкфурт-на-Одере) «“Сыны отражены в отцах”. Смена поколений и судьба России в поэме А. Блока “Возмездие”»; Р. Нохейль (Фрайбург) «Путешествие из подсознательного в сознательное и обратно. Семейная драма А. Белого как аллегория судьбы России (“Котик Летаев”)»; Ш. Краус (Страсбург) «Воплощение славянской души: женские персонажи в “русских” романах Эжена Мельхиора де Вогюэ»; О. Йокоямы (Лос-Анджелес) «Из переписки крестьян XIX века: шестеро и одна»; Т. А. Сабуровой (Омск) «Поколение и идентичность в русских женских мемуарах второй половины XIX — начала XX в.»; О. В. Рябова «“Россия-Матушка” и/или “Царь-Батюшка”. Власть и народ в дискурсе русских революций» и др. Чуть подробнее остановлюсь на тех выступлениях, которые наиболее близки моим научным интересам.

Ф. Карл (Фрайбург) в докладе «Гендер и нация в романе И. С. Тургенева “Дворянское гнездо”» анализировала, в какой степени весьма характерное для русской культуры представление о русскости женщин и европейскости мужчин

в России нашло отражение в этом известном романе. Частушки Первой мировой войны явились материалом для исследования М. В. Строганова (Тверь); этот любопытный источник позволил автору сделать ряд интересных выводов об особенностях мужского и женского восприятия Своих и Чужих в песенном фольклоре. Выступление Н. В. Барковской (Екатеринбург) «Статуарная нагота и идея России-Отечества в культурном сознании Серебряного века» было посвящено проблеме визуализации России; в нем, в частности, анализировался важный для понимания процессов коллективной идентичности вопрос о том, изображалась ли «Россия» в отечественной культуре обнаженной — подобно, скажем, «Британии» или «Марианне». Доклад Е. Н. Эртнер (Тюмень) «“Опыт земли” в русской прозе конца XIX — начала XX века: гендерный аспект» позволил участникам конференции по-новому взглянуть на проблему гендерного измерения рецепции геопространства. В докладе Э. Шорэ (Фрайбург) «“Пью за север, пью за Родину мою!” “Северный” дискурс Бальмонта в контексте “ибсенизма”» показано, что помимо известных оппозиций «Россия—Европа» и «Восток—Запад» противопоставление «Севера» и «Юга» также играло немаловажную роль в поисках национальной и цивилизационной идентичности. Проблемам взаимодействия гендерной, профессиональной, гражданской и региональной идентичностей было посвящено выступление М. А. Литовской (Екатеринбург). Исследовательница обозначила важные изменения в отношении женщины к профессиональному труду, происходившие на рубеже XIX и XX веков.

Рассказ о конференции был бы неполным, если бы я не упомянул высокий уровень ее организации и интереснейшую культурную программу. Тобольск занимает особое место в политической и культурной истории России. Благодаря участию в конференции многие — включая и автора этих строк — фактически открывали для себя Сибирь. Символично, что научный симпозиум завершился визитом в дом-музей Григория Распутина; это, думаю, добавило новые штрихи в восприятие культуры Серебряного века.

Оргкомитет планирует издать сборник материалов конференции, который, не сомневаюсь, будет встречен с интересом академической общественностью и послужит стимулом дальнейшего исследования проблемы.

Аннотации

Айвазова С. Г. Политическое участие женщин: немного истории и теории

Статья посвящена истории возникновения и развития в России женского политического движения. Особое внимание уделяется анализу теоретических конструкций современной феминистской политической мысли. Они способствовали легитимации женской гражданской субъектности и принципиально изменили классические либеральные представления о «универсальном» субъекте публичной политики.

Ключевые слова: гендер, женская идентичность, женская гражданственность, женская субъектность, женское движение, феминизм, постфеминизм, политика, политическое участие.

Николаева Т. А. Правовое закрепление политических прав женщин и гарантий их реализации

Рассмотрены положения правовых актов, действующих в Российской Федерации и регулирующих вопросы равноправия женщин и мужчин в политической сфере, а также предусматривающих возможности по реализации указанными лицами соответствующих прав и свобод.

Ключевые слова: политические права и свободы человека и гражданина, гендерное равенство, принцип недопущения дискриминации, равные возможности для реализации прав и свобод, представительство мужчин и женщин в органах власти, равный доступ к государственной службе, полноправное участие женщин в принятии политических решений на всех уровнях.

Кодина И. Н. Общественно-политическое участие населения малого города: гендерный аспект (на примере малых городов Ивановской области)

Анализируются различия общественно-политического участия мужчин и женщин в условиях малого города. На основе данных социологического исследования описываются общие и специфические черты общественно-политической вовлеченности мужчин и женщин. Доказывается зависимость степени вовлеченности мужчин и женщин в общественно-политическую жизнь от типа малого города.

Ключевые слова: общественно-политическое участие, гендерные различия, малый город.

Клецина И. С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности

Рассматривается феномен отцовства в контексте традиционных и новых подходов к пониманию маскулинности как нормативного эталона. В соответствии с двумя моделями нормативного эталона мужского поведения (традиционная маскулинность и новая маскулинность) выделены и описаны модели отцовского поведения: традиционный отец, «отсутствующий отец», «ответственный отец», «новый отец».

Ключевые слова: традиционная модель маскулинности, гегемонная маскулинность, модель новой маскулинности, модели отцовского поведения.

Соколова И. В., Аймалетдинов Т. А. Участие семьи в общественно-политической жизни муниципального сообщества в условиях новой информационной среды

Статья посвящена анализу современных форм участия семьи в общественно-политической жизни общества и государства. Сегодня многие семьи начинают уделять пристальное внимание непосредственным условиям своей жизни и через активное участие в муниципальном сообществе пытаются осуществлять местное самоуправление, принимать совместные решения по развитию районной и городской территории. Информатизация общества, в свою очередь, позволяет семьям включаться в политический процесс более активно, поскольку делает работу местных органов власти и органов самоуправления более прозрачной, а семьи получают возможность объединяться по интересам и вступать в коммуникации с властью через Интернет.

Ключевые слова: семья, образ жизни семьи, общественно-политическая деятельность, информатизация общества, информационное общество, семейная политика, гражданское общество, муниципальное сообщество, местное самоуправление, Интернет, демократия, социальная активность, информационная среда, уровень жизни, качество жизни семьи, «Электронная Россия», социология семьи.

Смирнов А. В. Роль отца в формировании отношения к армии у старшеклассников

Изучается воздействие роли отца на суть отношения к армии у подростков посредством формирования у них ощущения принадлежности к мужскому полу и овладения способами поведения, свойственными мужчинам. На основании анализа результатов социологического опроса старшеклассников доказано влияние факта наличия отца в семье и характера предлагаемых им образцов поведения в отношении Вооруженных сил на формирование у них отношения к данному социальному институту.

Ключевые слова: отношение к армии, полоролевая идентичность старших подростков, полная и неполная семья, самоидентификация подростка с родителями.

Шведова Н. А. Билль о правах женщин: тридцатилетний юбилей

Рассматриваются тенденции и характер деятельности международного сообщества в контексте принципов и духа Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Оценивается роль и степень влияния деятельности международного сообщества в лице ООН в сфере гендерного равенства на цивилизационные позитивные процессы, происходящие на национальном уровне, и формирование гендерной политики национальных государств. Определены необходимые шаги по реализации Россией принципов Конвенции.

Ключевые слова: Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Билль о правах женщин, гендерное равенство, дискриминация, Декларация Тысячелетия, Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин.

Шафигуллина Л. Р. Женские советы Татарской АССР в условиях перестройки

Статья посвящена практике деятельности женских советов Татарской АССР в период перестройки: анализируются причины их воссоздания, цели, задачи и формы действия, а также результаты. Делается вывод о противоречивости проводимой в отношении женщин политики в ходе перестройки, в результате которой женщины ока-

зались экономически незащищенными и отстраненными от принятия политических решений.

Ключевые слова: женские советы, женское движение, перестройка, Комитет советских женщин.

Штылева Л. В. Какие идеи лежат в основе массовых экспериментов с раздельным образованием в современной российской школе?

Анализируются идеи и научные аргументы, которые использовались организаторами раздельного обучения мальчиков и девочек в школах России (1990—2000-е г.) для обоснования его целесообразности. Точки зрения сторонников и противников полодифференцированного образования соотносятся с современными научными подходами.

Ключевые слова: совместное и раздельное образование, полоролевой и гендерный подходы в образовании.

Севостьянов Д. А. Гендерная идентичность: графическая диагностика

Представлены результаты исследования гендерной идентичности, проведенного на значительных контингентах (1677 человек) с использованием методов графической диагностики. Выявлена возрастная динамика гендерной идентичности, а также особенность ее проявлений у лиц мужского и женского пола.

Ключевые слова: гендерная идентичность, графическая диагностика.

Ерохина Л. Д. Формы эксплуатации населения в условиях военных конфликтов: военная проституция и торговля женщинами

Военная проституция и сопряженная с нею торговля женщинами являются следствием любых военных действий и приобретают массовый характер. В статье рассматриваются механизмы и формы принуждения женщин к проституции в ходе военных событий, дается оценка масштабности торговли женщинами, анализируется роль миротворческих сил в разрастании процесса перемещения женщин в сети торговцев. Автор указывает на ряд социальных последствий торговли женщинами в условиях войны. Делаются выводы о возможности снижения степени сексуального насилия над женщинами при условии активного участия женских движений в разрешении военных конфликтов и поддержки гендерной политики со стороны государств.

Ключевые слова: война, вооруженные конфликты, миротворцы, торговля женщинами, проституция, насилие.

Summaries

Ajvazova S. G. Political participation of women: a bit of history and theory

The given article deals with the origin and development of the female political movement in Russia. The author pays special attention to the theoretical constructions analysis of the modern feministic political conception. These construction favored the female civil subjectivity legitimation and greatly changed the classic liberal concept of «the universal» public policy subject.

Key words: gender, female identity, female civicism, female subjectivity, female movement, feminism, post feminism, policy, political participation.

Nikolayeva T. A. Legal securing of women's political rights and guarantees of their realization

In the article the current regulations of the Russian Federation legal acts stipulating the instruments for the gender equity in the political field and providing for men and women's opportunities to enforce their corresponding rights and freedoms have been considered.

Key words: political rights and freedoms of a man and citizen; gender equity; nondiscrimination principle; equal opportunities for rights and freedoms enforcement; men and women representation in the government (regulatory) bodies; equal access to civil service; fully legitimate participation of women in taking political decisions at all levels of power.

Kodina I. N. Socio-political participation of the small town population: gender aspect (by the example of small towns of Ivanovo region)

The article analyzes the differences between men' and women' social and political participation in a small town. On the basis of the social research data analysis the general and specific features of the social and political men' and women' involvement are described. The small town type dependency of the men' and women' social and political life involvement degree is approved.

Key-words: social and political involvement, gender differences, small town.

Kletsina I. S. Fatherhood in analytical approaches towards the study of masculinity

The paternity phenomenon in a context of traditional and new approaches to understanding of the masculinity as the normative standard is considered in the article. The paternal behavior models, such as the "traditional father", the "absentee father", the "responsible father" and the "new father", are allocated and described according to two masculine behavior normative standard models (traditional masculinity and new masculinity).

Key words: traditional masculinity model, hegemony masculinity, new masculinity model, paternal behavior models.

Sokolova I. V., Aimaletdinov T. A. Family's participation in the socio-political life of the municipal community in the terms of new informational environment

The paper represents analysis of contemporary forms of family's participation in socio-political life of the society and the state. This day many families start to pay careful attention to their living conditions and through their active participation in the municipal community try to exercise local administration, to make collective decisions on development of the local and city territory. Informatization of the society, in its turn, lets families get involved in the political process in a more energetic way through making activity of the local government more transparent, and families get an opportunity to join together according to their interests and to communicate with the government through the Internet.

Key words: family, family's way of life, socio-political life, informatization of society, information society, family politics, civil society, municipal community, local government, Internet, democracy, social activity, informational environment, standard of living; family's quality of life, «Electronic Russia», sociology of family.

Smirnov A. V. Father's role in the formation of attitude to army among senior pupils

This issue is about the role of fathers in their sons forming of the attitude to the serving in the army. The forming follows through the making their feeling of belonging to mankind and through mastering methods of man's behavior. On the basis of Gallup poll of senior pupils of secondary schools it proved that influence to forming son's attitude to this social institution depend on the presence of father in the family and on his examples of behavior against armed forces.

Key words: An attitude to the army; sex-role identification of elder youth; full and incomplete family; self-identification of youth with parents.

Shvedova N. A. Women's bill of rights: thirtieth anniversary

The author analyzes tendencies and character of international community activity in the context of principles and spirit of UN Convention on the elimination of all forms of discrimination against women. The role and level of influence of international community (UN) in the sphere of gender equality on the civilization positive processes at the national level and formation of gender policy of nation states are studied in the article. The author defines the necessary steps towards the realization of principles of this Convention in Russia.

Key words: The Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women — CEDAW, «The bill of rights for women», gender equality, discrimination, The Millennium Declaration, The Committee on the Elimination of Discrimination against Women (Committee CEDAW), The Optional Protocol.

Shafigullina L. R. Women's councils (zhensovet) of Tatar ASSR under the conditions of Perestroika

The article is devoted to practice of activity of women's councils (zhensovet) of Tatar ASSR in the era of Perestroika: it analyzes the reasons of their recreation, purposes, tasks and forms of action, and also results. The conclusion is made that the policy concerning the women during Perestroika was inconsistency, as a result of which woman have appeared economically unprotected and removed from political decision-making.

Key-words: women's councils (zhensovet), women's movement, Perestroika, Soviet Women's Committee.

***Shtyleva L. V.* What ideas underlie the mass experiments with separate education in modern Russian school?**

In clause the ideas and scientific arguments are considered which were used by the organizers of separate training of the boys and girls at schools of Russia (1990—2000) for a substantiation of its expediency. The points of view of the supporters and opponents of separate education correspond with the modern scientific approaches.

Key words: joint and separate education, tradition and gender the approach in education.

***Sevostjanov D. A.* Gender identity: graphic diagnostics**

The results of the gender identity research which was conducted on considerable contingents (1677 persons) are presented in the article. The research was conducted with graphical diagnostic methods usage. The research revealed the gender identity age dynamics and its male and female appearance specifics. In particular, the gender identity derangements of female persons at the age after forty were revealed.

Key words: gender identity, graphical diagnostics.

***Erokhina L. D.* Forms of population exploitation under the conditions of military conflicts: military prostitution and trafficking of women**

The military prostitution and trafficking of women associates with are due to any hostilities and gains the mass scope. The mechanisms and the forms of enforcement women to prostitutions at the war conflicts are considered, the estimations of the scope of trafficking of women are given, and the role of peacekeepers in the process of the moving of women into trafficking network is analyzed in the article. The author is indicated the range of social consequence of trafficking of women in condition of the war. The conclusion is a possibility of the reduction of sexual violence on women and war prostitution depends on an active participation of the feminine movement in solving of military conflict and supporting of gender police by the states.

Key words: war, war conflicts, peacekeepers, trafficking of women, prostitution, violence.

Авторы номера

- АЙВАЗОВА**
Светлана Григорьевна доктор политических наук,
главный научный сотрудник,
Институт социологии РАН (г. Москва)
aivazova@mtu-net.ru
- АЙМАЛЕТДИНОВ**
Тимур Алиевич аспирант Российского государственного
социального университета,
преподаватель филиала РГСУ в г. Клин
timoog@inbox.ru; aimaletdinov@nacfin.ru
- ЕРОХИНА**
Людмила Дмитриевна кандидат философских наук,
профессор кафедры философии и политологии,
Тихоокеанский государственный экономический
университет
logos31@rambler.ru
- КЛЕЦИНА**
Ирина Сергеевна доктор психологических наук,
профессор кафедры психологии человека
психолого-педагогического факультета,
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
(г. Санкт-Петербург)
irinaklyotsina@mail.ru
- КОДИНА**
Инна Николаевна ведущий инженер, старший преподаватель
кафедры общей социологии и феминологии,
Ивановский государственный университет
kodina_inna@mail.ru
- НИКОЛАЕВА**
Татьяна Альфредовна кандидат юридических наук, старший
преподаватель кафедры государственного
управления, правового обеспечения
государственной и муниципальной службы,
Российская академия государственной службы
при Президенте Российской Федерации
- РЯБОВ**
Олег Вячеславович доктор философских наук,
профессор кафедры философии,
Ивановский государственный университет
riabov1@inbox.ru

СЕВОСТЬЯНОВ Дмитрий Анатольевич	кандидат медицинских наук, доцент кафедры педагогики и психологии, Новосибирский государственный медицинский университет, доцент кафедры педагогики и психологии художественного образования, Институт искусств Новосибирского государственного педагогического университета dimasev@ngs.ru
СМИРНОВ Александр Владимирович	аспирант кафедры социальной работы и прикладной социологии, Ивановский государственный университет smirnovclub@rambler.ru
СОКОЛОВА Ирина Викторовна	доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной и педагогической информатики Российского государственного социального университета (г. Москва) piter2003@post.ru
ШАФИГУЛЛИНА Ляйсян Рафиковна	аспирантка кафедры современной отечественной истории исторического факультета, Казанский государственный университет slyasian@yahoo.com
ШВЕДОВА Надежда Александровна	доктор политических наук, руководитель Центра социально-политических исследований, Институт США и Канады РАН (г. Москва)
ШТЫЛЕВА Любовь Васильевна	кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогических технологий и педпроектирования, Мурманский государственный педагогический университет тел./факс 8152-233121

С о д е р ж а н и е

ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ И УПРАВЛЕНИИ

Айвазова С. Г. Политическое участие женщин: немного истории и теории	3
Николаева Т. А. Правовое закрепление политических прав женщин и гарантий их реализации	13
Кодина И. Н. Общественно-политическое участие населения малого города: гендерный аспект (на примере малых городов Ивановской области)	20

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

Клецина И. С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности	29
Соколова И. В., Аймалетдинов Т. А. Участие семьи в общественно-политической жизни муниципального сообщества в условиях новой информационной среды ...	42
Смирнов А. В. Роль отца в формировании отношения к армии у старшеклассников	52

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Шведова Н. А. Билль о правах женщин: тридцатилетний юбилей	60
Шафигуллина Л. Р. Женские советы Татарской АССР в условиях перестройки	73

МЕТОДИКА И МЕТОДОЛОГИЯ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Штылева Л. В. Какие идеи лежат в основе массовых экспериментов с раздельным образованием в современной российской школе?	86
Севостьянов Д. А. Гендерная идентичность: графическая диагностика	97

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЖЕНЩИНЫ

Ерохина Л. Д. Формы эксплуатации населения в условиях военных конфликтов: военная проституция и торговля женщинами	106
--	-----

ОБЗОРЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Рябов О. В. Гендерные дискурсы и национальная идентичность в России: вторая по- ловица XIX столетия – Серебряный век (Тобольск, 3—6 июня 2009 года)	118
<i>Аннотации</i>	121
<i>Авторы номера</i>	127

Contents

WOMEN IN POLITICS AND MANAGEMENT

Ajvazova S. G. Political participation of women: a bit of history and theory	3
Nikolayeva T. A. Legal securing of women's political rights and guarantees of their realization	13
Kodina I. N. Socio-political participation of the small town population: gender aspect (by the example of small towns of Ivanovo region)	20

SOCIOLOGY OF FAMILY

Kletsina I. S. Fatherhood in analytical approaches towards the study of masculinity	29
Sokolova I. V., Aimaletdinov T. A. Family's participation in the socio-political life of the municipal community in the terms of new informational environment	42
Smirnov A. V. Father's role in the formation of attitude to army among senior pupils	52

WOMEN'S MOVEMENT

Shvedova N. A. Women's bill of rights: thirtieth anniversary	60
Shafigullina L. R. Women's councils (zhensoveti) of Tatar ASSR under the conditions of Perestrojka	73

METHODS AND METHODOLOGY OF GENDER RESEARCH

Shtyleva L. V. What ideas underlie the mass experiments with separate education in modern Russian school?	86
Sevostjanov D. A. Gender identity: graphic diagnostics	97

WOMEN'S SOCIAL STATUS

Erokhina L. D. Forms of population exploitation under the conditions of military conflicts: military prostitution and trafficking of women	106
--	-----

CONFERENCE REVIEWS

Rjabov O. V. Gender discourses and national identity in Russia: second halt of the XIX century — Silver age (Tobolsk June 3—6, 2009)	118
<i>Summaries</i>	124
<i>Authors of the issue</i>	127

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Журнал «Женщина в российском обществе» издается на базе Ивановского государственного университета и Российского межвузовского центра гендерных исследований с 1996 года. За более чем десять лет, прошедших с выхода первого номера, журнал зарекомендовал себя как серьезное научное издание, посвященное разработке методологии гендерных исследований, научному осмыслению эволюции социального статуса женщин и мужчин, их роли в общественном развитии России, методическому обеспечению курсов по гендерной проблематике. География авторов научных статей представляет все крупные регионы России от Москвы до Дальнего Востока. С 2008 года наш журнал включен в список ВАК.

Основные задачи журнала:

— способствовать институционализации гендерного образования в вузах России через создание научно-методической базы для чтения курсов по специальностям различного профиля;

— интегрировать научное сообщество, занимающееся разработкой гендерной проблематики и представляющее авторитетных и молодых ученых России, докторантов, аспирантов;

— предоставить право первой публикации новому поколению молодых ученых.

Журнал «Женщина в российском обществе» выходит ежеквартально, распространяется бесплатно по предварительным заявкам ученых и библиотек.

Надеемся, что вы проявите интерес к нашему изданию и пожелаете сотрудничать с нами. Будем рады видеть вас среди авторов журнала. Мы поместим ваши научные статьи, рецензии на монографии и диссертации, переводы, обзоры конференций по следующим направлениям:

- теория и методология гендерных исследований,
- гендерная социология,
- проблемы гендерного равенства в политическом процессе,
- гендерные аспекты труда и занятости,
- гендерная лингвистика,
- женщины и мужчины в истории,
- гендерная педагогика и гендерное образование,
- гендерная психология,
- женское движение: традиции и современность.

По всем вопросам, связанным с публикацией и оформлением заявки на получение журнала, можно обращаться по электронной почте: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

С уважением

главный редактор журнала

«Женщина в российском обществе»,

доктор исторических наук, профессор О. А. Хасбулатова

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Объем научных статей — 0,5—1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК, ББК**; на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** объемом 10—15 строк и **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОС-Тами 7.1—2003, 7.0.5—2008.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Все материалы публикуются бесплатно.

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 3 (52) — 2009

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Батова, О. Я. Литвак*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Подписано в печать 17.11.2009 г. Формат 70x108 ¹/₁₆.

Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 11,55. Уч.-изд. л. 10,3. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ООО «Центр социальной поддержки женщин и семьи»
(Издательский центр «Юнона») 153002 Иваново, пр. Ленина, 47

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 3 (52) — 2009

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Батова, О. В. Боронина, О. Я. Литвак*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Подписано в печать 29.05.2009 г. Формат 70x108 ¹/₁₆.
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 6,1. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41.

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ООО «Центр социальной поддержки женщин и семьи»
(Издательский центр «Юнона») 153002 Иваново, пр. Ленина, 47